

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

Анри Труайя

АННА ПРЕДАЙЛЬ

Отворяя дверь быстро, Анна подумала, что ей ужасно хочется выпить сухого белого вина и увидеть того человека, ради которого она сюда пришла. Его еще не было. Ей налили вина. Почти каждый вечер, возвращаясь с работы, она заглядывала в бистро «Старина Жорж» утолить жажду. Обычно она пила у стойки. Но на этот раз взяла рюмку и села за столик в глубине зала. Попробовала душистое, свежее, прохладное «мюскаде». Выпила залпом. И усталость исчезла. Затем развернула газету, твердо решив: «Если он не появится через десять минут, я уйду». Однако через десять минут она подала знак официантке. Еще сухого вина. Две рюмки — ее обычная норма. С ним она выпьет третью, если у нее хватит терпения его дожидаться.

Люди входили, выходили, беседовали с хозяином бистро в роднившей их атмосфере винных запахов. К счастью, это бистро устояло против моды — здесь не было холодного металла, бугристого стекла, неона. Ветхозаветное и пропыленное, с подковообразной стойкой, оно казалось гостеприимным островком в бешеном водовороте городской жизни. Пятнадцать минут седьмого. Наконец, вот и он. Она слегка растерялась, но заставила себя улыбнуться. Он изменился, а она — тоже изменилась? Черты лица остались прежними, и цвет глаз, и форма подбородка, но все это точно поистерлось, одрябло, расплылось. А ведь ему только тридцать четыре года — нет, тридцать пять. На пять лет больше, чем ей. Как она могла забыть об этом? Они поцеловались. Затем он сел рядом, долго ее рассматривал и, наконец, произнес:

— У меня такое впечатление, будто мы с тобой расстались только вчера!

Она солгала:

— У меня тоже, Марк.

— Ты такая же — прелестная, далекая, таинственная.

Анна пожала плечами. Она не переносила этих избитых комплиментов. А Марк расточал их бездумно, точно бросал зерна птицам. Она прекрасно знала, что представляет собой: ни красавица, ни уродка. Тонкая брюнетка с острыми чертами лица, как попало причесанная, без изыска одетая, с огромными черными глазами.

— Как поживает Пьер?

— Хорошо.

— А Эмильенна?

Анна допила вино, поставила рюмку и сказала глухим голосом:

— Мили умирает от рака.

— Что?!

— Да. В прошлом году ее оперировали. Все прошло благополучно, она быстро поправилась. Но вот три месяца назад...

Он нахмурился, и уголки его губ опустились.

— Ужасно! — сказал он. — И она знает об этом?

— К счастью, нет. Ей говорят, что у нее инфекционный гепатит.

— Сильно она страдает?

— Не очень — благодаря лекарствам, которыми ее пичкают с утра до вечера.

— Бедная Эмильенна! Просто не верится. Пьер, наверное, в отчаянии! Ты помнишь, в Риме...

— Я ничего не забыла, — сказала она.

И умолкла. В груди сдавило, свет расплывался перед глазами. Поборов волнение, она спросила с наигранной живостью:

— А ты — как дела у тебя?

— По горло занят промышленной электроникой. Сумасшедшая работа. Если вообще не спать — тогда, возможно, я бы еще справлялся!

— Ты надолго в Париж?

— Надеюсь, насовсем.

— А как же Канада?

— Трех лет в Монреале хватит по горло! Дирекция разрешила мне вернуться во Францию. Отсюда буду немного разъезжать. Я приехал на прошлой неделе. И тут же подумал о тебе.

Услышав сегодня по телефону знакомый голос, она на секунду вдруг перенеслась в прошлое.

— По-прежнему не женат? — спросила она весело.

— Нет, а ты?

— Что за вопрос! — ответила она. — Конечно нет!

Они молча обменялись взглядами, довольные друг другом.

— До чего же приятно снова встретиться с тобой, — сказал Марк. — Ты знаешь, я часто думал о тебе там.

— Мог бы и написать!

— Но ты бы не стала читать моих писем!

Она не ответила. Еще рюмку сухого вина для нее и виски без содовой — для него. Сидя вот так бок о бок с Марком, она чувствовала, как ее греет эта дружба без задних мыслей. Он взял ее руку.

Мне пора, — сказала она. — Меня ждет Мили.

Мне бы хотелось проведать ее.

Приходи к нам ужинать в следующий вторник.

Ты считаешь это возможным?

Он вышел вместе с ней. Бледное октябрьское солнце скользило по фасадам домов. Погода стояла теплая, и большинство прохожих были без пальто. Ее дом находился в пяти минутах ходьбы от бистро. Они свернули на улицу Сены и пошли в сторону набережной. Анна шла широким мужским шагом — время от времени она даже спускалась с тротуара, чтобы идти быстрее. Марк не отставал от нее. На углу улицы Жака Калло она остановилась и произнесла:

— Так до вторника, Марк.

Он опять поцеловал ее в обе щеки. Она вновь ощутила — без всякого волнения — знакомый легкий запах табака и туалетной воды. Они обменялись рукопожатием. Открыто, прямо посмотрели друг на друга, совсем как брат и сестра.

Не успев подняться по лестнице, она уже забыла о нем. Три этажа по ступенькам, покрытым красным ковром, протершимся до основы.

Луиза собиралась уходить.

— Я все выгладила, мадемуазель. Утюг почти не греется. Надо будет отнести его в ремонт. Я не нужна вам больше? Тогда до завтра...

Анна толкнула дверь гостиной. За письменным столиком в стиле Людовика XVI сидел ее отец с карандашом в руке и решал кроссворд. Из приемника, стоявшего на комод, доносилась тихая музыка, транслируемая станцией Франс-Мюзик.

— Как Мили? — спросила Анна.

— Отлично, — рассеянно ответил он. — День прошел спокойно. Она почти все время спит. А что нового на службе?

— Ничего. Заболел Каролюс. Это несколько усложнит мою жизнь. Да, еще звонил Марк. Он снова в Париже.

— В самом деле?

— Я только что виделась с ним...

Пьер просиял, точно по лицу его скользнул луч прожектора. У него всегда были самые дружеские отношения с зятем. Возможно, в душе он даже сожалел о разводе Анны. Он встал и выключил радио. Рассчитывал, что сейчас начнутся излияния? На его крупном гладком лице с голубыми, слегка навывкате глазами застыло выжидательное выражение. Но Анна не стала удовлетворять его любопытство и прошла в спальню. На полу валялись иллюстрированные журналы. Она подняла их. На двухспальной, слишком широкой кровати лежала она, ее мать — совсем крошечная, одни кости да желтая, как воск, кожа, седые растрепанные волосы, черные, лихорадочно блестящие глаза, в которых боль, мольба, нежность. Исхудавшая рука протянулась к ней.

— Ах, наконец-то ты пришла, Анна, милая. Все меня бросили — целый день лежу одна... Звала, звала... Никого...

— Но папа сказал мне...

Твой отец говорит бог знает что! Он меня раздражает. А Луиза... Луиза, правда, тоже заходила, но она так много болтает... Даже в ушах звенит. Только ты одна меня понимаешь...

— Ты немножко почитала?

Нет. Этот роман, который ты дала мне, — такая скучища. А журналы — я их уже выучила наизусть...

Анна знала, чего давно дожидалась мать. Она принесла тазик, кувшин воды, полотенце, губку. И стала потихоньку лить воду на руки больной. Эмильенна, закрыв глаза, улыбалась от удовольствия. Вдруг она приподнялась и отчетливо произнесла:

— Ты должна непременно сказать отцу, чтобы он больше не надевал своего серого костюма. Я его в этом костюме видеть не могу. Он... ну просто смешон!

— Да, конечно, мама.

Вода струилась с шуршанием дождя. Этот фонтан в Риме... Как смеялась мама... Она была такая веселая! Как она подтрунивала над их соседями по столику в ресторане. Марк сказал: «Эмильенна, с вами просто нельзя появляться на людях. Будьте осторожней. Ведь половина итальянцев понимает по-французски!». Он тоже, как и все, подчинялся причудам Эмильенны. До чего же они были счастливы, все четверо, во время их краткого пребывания в Италии! Это у Мили возникла тогда идея отправиться в путешествие, чтобы отомстить двадцать шестую годовщину брака с Пьером... Две пары друзей. И никакой разницы в возрасте. Вместе бегали по музеям. А к вечеру молодые уставали больше, чем старики. Анну забавляла тогда эта образцовая пара, какую составляли ее родители. Никаких ссор. Никакого расхождения в мнениях, в оценках картин, блюд, людей. Они были неразлучны. Казалось, они не могли дышать друг без друга. На улицах шли под руку, бок о бок, нога в ногу. Дома, стоило Эмильенне хоть немного задержаться, Пьер с блуждающим взглядом, неизменно предполагал самое худшее. Она имела на него такое влияние, что он ничего не предпринимал без ее совета. И оттого, что он спрашивал ее мнение по каждому поводу, у нее появилась непререкаемость суждений. Втайне он явно испытывал удовольствие, видя, как она командует им. И в самом деле властность Эмильенны составляла часть ее обаяния. Она всегда знала, чего хотела, но природный юмор и кокетство делали ее упорство менее заметным. Ей уступали не столько потому, что она была права, сколько потому, что невозможно было устоять перед ее решительным и в то же время мягким взглядом.

Сколько раз Анна слышала, как отец спрашивал: «Ну какой же галстук мне надеть, Эмильенна?» Анна всегда смеялась над ним вместе с матерью. Теперь же при воспоминании об этом у нее сжималось сердце.

Она смотрела на исхудавшее лицо с глубоко запавшими глазами и думала о том, как время все меняет. Возможно ли, чтобы за какие-то несколько месяцев такой живой, такой жизнерадостный человек мог настолько измениться, стать таким озлобленным? Постаревшая, высохшая от болезни, Эмильенна забыла, что она была женщиной. Заметив Пьера в проеме дверей, она вся сжималась, точно не могла ему чего-то простить: может быть, хорошего здоровья, или гладкого лица, или его жестов, неизменных в течение тридцати пяти лет. Он снова включил радио. Звуки бравурной музыки проникли в спальню.

— Он мне так надоел! — простонала Эмильенна. — Вели ему прекратиться...

— Ты же обычно любишь... Это Вивальди...

— Это — Вивальди? Не может быть, такая какофония...

Анна вынесла тазик, попросила отца убавить звук и, как обычно, в семь часов вечера приготовила шприц и иглу, чтобы сделать укол морфия. Эмильенна с нетерпением ожидала этой минуты. Теперь она могла быть уверена, что спокойно проведет ночь. Она сама откинула одеяло. Анна склонилась над плоским бедром, обтянутым бледной морщинистой кожей, отыскала нужное место, точным движением вонзила иглу. Эмильенна даже бровью не повела. Затем сказала тихо:

— Позвонила бы ты доктору Морэну, чтобы он зашел.

— Зачем? Ты ведь неплохо себя чувствуешь... А других лекарств он тебе все равно не пропишет...

— Ты так думаешь?

Мили произнесла это тоном покорной девочки.

— Пойду приготовлю тебе поесть, — сказала Анна.

— Мне не хочется...

Тем не менее Анна отправилась на кухню и открыла холодильник. Чтобы как-то вызвать аппетит у больной, она готовила для нее каждый вечер маленькие

занятные сэндвичи: срезала тонкую корочку с белого квадратного хлеба и располагала на каждом ломтике кусочек ветчины, кружочек помидора, листик зеленого салата, а сверху — капельку горчицы. Между делом она снова открыла холодильник, достала бутылку «Мюскаде», налила в стаканчик и неспеша выпила.

— Что тебе рассказал Марк? — спросил Пьер, появляясь на пороге.

— Ему очень хотелось повидать тебя и маму. Я пригласила его поужинать у нас во вторник.

— Ты уже говорила об этом Мили?

— Пока еще нет.

— Как ты думаешь, она это примет?

— Мне кажется, ей это будет приятно. Она ведь любила Марка.

— Да, но сейчас она никого не выносит... Кроме тебя и врача. Если бы ты только знала, что было сегодня днем!

— Это все из-за болезни, папа.

— Да, конечно. Но нелегко это терпеть... Тебя-то днем дома нет, потому ты и представить себе не можешь... Мили стала настоящим тираном... Сегодня утром бедная Луиза из-за нее даже плакала... А нам так повезло, что она у нас есть!

Анна машинально налила и отцу стаканчик сухого вина. Он молча поднес его к губам. Они вместе выпили.

— Боже мой, боже мой! — тяжело вздохнул он. — До чего же все печально!

Она разложила сэндвичи на тарелке и вымыла руки. Струя воды брызнула на юбку.

— Папа, — сказала она, вытирая руки полотенцем, — тебе надо сменить костюм.

— Почему?

— Ты же знаешь, что он не нравится Мили. И к тому же время года для него неподходящее.

— Это верно. Что же мне тогда надеть?

— Что угодно. Надень шерстяной коричневый жакет.

— Хорошо... сейчас...

На десерт для больной было приготовлено печеное яблоко с желе из красной смородины. Пьер снова появился на кухне — на этот раз в платно облегавшем коричневом шерстяном жакете. Небольшой животик, широкие плечи, наивный и мягкий взгляд.

Анна отнесла матери подносик с едой, взбила ей подушки, помогла сесть. Пьер вошел следом и остановился в ожидании приговора. Эмильенна оглядела его с ног до головы, но ничего не сказала. Возможно, она даже и не заметила, что он переоделся! После укола ей стало легче, и лицо ее приняло умиротворенное выражение. Она поднесла сэндвич ко рту и надкусила. Затем затрясла головой, чтобы оторвать надкушенный кусок. Щеки ее порозовели от усилий, и она принялась старательно, долго жевать.

— Тебе нравится? — спросила Анна.

— Да, — ответила Эмильенна. — Очень вкусно.

Пьер присел на край постели. И украдкой с любовью поглядывал на жену — она этого не замечала. Тогда он осторожно прилег с ней рядом, но так неуклюже, что ноги его висели в воздухе, а голова упиралась в подушку. Анна опять подумала, что он, видимо, не понимает, в каком состоянии находится ее мать. По временам ей даже казалось, что он не считает Эмильенну тяжелобольной — просто ей неможется, — и потому он иной раз вел себя с ней как мужчина с женщиной. Вот и сейчас — вдруг взял ее руку и, поднеся к губам, прильнул к ней долгим поцелуем. Совсем как раньше. Эмильенна нахмурилась, и он опустил ее руку на одеяло.

— Анна виделась сегодня с Марком, — сказал он.

На лице Эмильенны не отразилось ничего — точно речь шла о чем-то бесконечно далеком.

— А-а, — протянула она безразлично. — Он в Париже?

— Да, — ответила Анна.

— Ну и как он?

— Как всегда.

— Сколько же лет прошло?.. Три?.. Четыре года?..

— Три года, мама. Я пригласила его к нам поужинать.

Эмильенна с любопытством устремила взгляд на Анну, точно внезапно обрела интерес к жизни своих близких.

— Ты правильно поступила, — сказала она. — **Я** встану, когда он придет...

И тут же взгляд ее угас. Она снова думала только о себе. Болезнь заменила ей семью. Она оттолкнула тарелку, на которой лежал еще один сандвич. Ее не соблазняло даже печеное яблоко.

— Вам надо поскорее поесть, — сказала она, — а то пропустите начало пьесы.

— Какой пьесы? — спросила Анна.

— Как какой? Я же тебе говорила сегодня утром, что по телевизору будут «Виндзорские проказницы» ... Кажется, это великолепный спектакль...

Телевизор стоял на передвижном столике в углу. Его экран, похожий на огромный, матовый глаз циклопа, отражал свет ночника у постели.

— Не хочешь ли пока посмотреть последние известия? — спросил Пьер.

— Нет, не надо... Анна, милая, дай мне судно...

Пьер вышел из спальни. Через некоторое время Анна пришла к нему на кухню. Они ужинали там за столом, накрытым пластмассой, — так было проще. Ветчина и салат. Пьер ел с большим аппетитом. Анна подумала, что корми его одним и тем же триста шестьдесят пять дней в году, он возражать не станет. Сидя перед ней между холодильником и мойкой, он наслаждался этой незамысловатой едой, как изысканнейшим паштетом из гусиной печени. Да существует ли у него вообще вкус к еде, вкус к жизни? Не слишком ли он следует привычке? Он выпил большой стакан вина и спросил:

— Ты слышала, что сказала Мили? Она собирается встать, когда придет Марк. У нее такая воля! Вот увидишь — она встанет!

— Нет, папа.

— Но ведь она чувствует себя лучше...

— Это оттого, что с позавчерашнего дня я делаю ей на один укол больше.

Он опустил голову. Прямота дочери была ему явно ни к чему, разрушала его иллюзии. Он мирился с мыслью о болезни Эмильенны, считая, что она поправится. Анна собрала тарелки и сложила их в раковину. Пьер о чем-то думал, прислонившись спиной к холодильнику. Напротив него нараспашку стоял большой белый шкаф. Внутри строго по ранжиру висели кастрюли. Рядом — чайник со вмятиной на крышке. На рычаге батареи болтался забытый Луизой зонт. В квартире было тихо. Анна продолжала убирать со стола, когда из спальни донесся раздраженный голос матери:

— Идите же! Пора...

Отец и дочь тотчас поспешили на ее зов. По пути Анна прихватила в гостиной разноцветную шерсть и канву. Вот уже полгода она занималась ковровой вышивкой — сама придумала узор и выбрала тона. Ничто не успокаивало ее так, как эта работа, требующая большого внимания и точности. Она придвинула к постели матери стул. Пьер включил телевизор и устроился поудобнее в кресле подле жены. На осветившемся экране появились актеры в вычурных костюмах. Их лица были слишком вытянуты.

— Вечно одно и то же! — плаксивым голосом принялась жаловаться Эмильевна. — Опять Луиза расстроила телевизор во время уборки! Она просто невыносима!

— Сейчас я поправлю, — сказал Пьер. И стал наугад крутить кнопки. Изображение расплылось, съежилось, запрыгало и исчезло.

— Ты совершенно не разбираешься в этом, — сказала Эмильенна. — Пусть настроит Анна.

Пьер с огорченным и виноватым видом вернулся на свое место. Теперь за дело взялась Анна — осторожными, точными, как у часовщика, движениями она принялась настраивать телевизор. Изображение вернулось, звук усилился. На сцене не появился Фальстаф. Это был грубый хвостун, трусоватый и болтливый, с красной физиономией и изрядным брюхом. Эмильенна внимательно следила за происходившим на экране. Пьер держал се за руку. Он просто не мог смотреть спектакль, если пальцы его не сжимали руку жены. Это вошло у них в привычку, стало ритуалом, который, подумала Анна, теперь был ни к чему. Неверный свет экрана освещал мебель, стоявшую полукругом, — она стояла так уже тридцать лет. Анна всю жизнь помнила этот комод в стиле Людовика XVI с поцарапанным мрамором, эти два больших обтрепанных кресла, кресло со спинкой в форме медальона, обтянутое бежевым бархатом, картину с изображением женщины, причисывающейся перед раскрытым окном.

— Тебе удобно, мама? — спросила она.

— Вполне, — ответила Эмильенна. — Но до чего же кричат эти актеры, из себя выходят...

Она устала и закрыла глаза. А минуту спустя, по обыкновению, уже спала. Казалось, чем больше удовольствия ей доставляла передача, тем сильнее ее клонило ко сну. Прядь волос упала ей на лоб. Дыхание стало ровным. Анна посмотрела на отца. Его, видимо, тоже одолевал сон — голова упала на грудь. Он то и дело вздергивал ее, словно пронзенный электрическим током, тарашил глаза, распрямлял спину. Весь первый акт он боролся таким образом со сном, но во втором — во время монолога виндзорского горожанина Хью — окончательно заснул, сомкнув веки, приоткрыв рот. А Фальстаф и его соотечественники продолжали кричать и жестикулировать на экране перед двумя спящими. Анна подумала, не убавить ли звук, но малейшее движение могло разбудить мать. И она так и осталась сидеть, время от времени продергивая иголку сквозь дырочки канвы. Крупный стилизованный узор, выдержанный в блеклых тонах. Когда работа будет закончена, она накинёт вышивку на кресло Эмильенны. Но доживет ли до

этого дня мать? Анна задала себе этот вопрос, и словно что-то надломилось у нее в груди. Отведя взгляд от экрана, она посмотрела на спавших друг возле друга родителей. Один профиль — бледный, изможденный, другой — плотный, цветущий, здоровый. Одна, по сути дела, уже почти не существовала в этом мире, а другой не отдавал себе отчета в том, какая его ждет пустота. И Анна со страхом подумала: «Что я буду с ним делать, когда ее не станет?»

Сидя в одежде на краю ванны, Пьер с неодобрением рассматривал свои ботинки — с них совсем сошел блеск. Конечно, он мог сказать Луизе, чтобы она их начистила. Но отдать распоряжение, даже самое пустячное, было выше его сил. Ему, конечно, нравилось, когда за ним ухаживали, но он ненавидел отдавать распоряжения. Ему казалось, что навязывая свою волю другим, он превышает свои права и ущемляет более слабое существо, нанося удар по его человеческому достоинству. Во всяком случае, это служило предлогом, чтобы не брать на себя никаких обязательств по дому. Когда Эмильенна была еще здорова, она подшучивала над его неспособностью что-либо приказать. Пьер подобрал валявшийся грязный носок и стал до блеска начищать им ботинки. Так ведь оно проще! Затем он погляделся в зеркало над раковиной. Вид тщательно выбритых, розовых щек преисполнил его уверенности, что со здоровьем все в порядке.

Утро было отличное. И Пьера охватило желание выйти на свежий воздух, пройтись. Эмильенна задремала вскоре после того, как Анна ушла на работу. Газету он от начала до конца прочел за завтраком. Доктор придет только в полдень. Больную, правда, нельзя оставлять одну — в таком случае пусть Луиза посидит с ней, а он отправится за покупками...

В восторге от собственного решения он вышел на кухню: Луиза начищала серебряный кувшинчик, которым никто никогда не пользовался. «Лучше бы она почистила мои ботинки», — подумал Пьер с раздражением. Ему даже захотелось так ей и сказать. Но вместо этого он лишь сообщил, что пойдет вместо нее в магазин.

— Как угодно, мосье. Вот вам список, — сказала она, вручая ему клочок бумаги, на котором Анна нацарапала несколько слов. — Надо купить филе соли для мадам и дораду. Но дораду — побольше, чтобы и на ужин осталось...

— Я разберусь. Мадам сейчас спит. Заглядывайте время от времени к ней в комнату.

— Ну конечно, мосье.

Она протянула ему черную пластмассовую сумку для продуктов. Он нехотя взял ее и незаметно оставил в прихожей на деревянной консоли с потрескавшейся золотой краской.

Оживление, царившее на улице Сены, отвлекало его от собственных мыслей. Любитель истории улиц, он знал прошлое большей части домов в этом районе. Там, где другие просто сталкивались с неизвестными современниками, он приветствовал знаменитых французов прошлого: королеву Марго в ее садах, Арманду Бежар, неверную вдову Мольера, мертвенно-бледного Бодлера, иссохшего, с безумным взглядом — призрак чарующий и зачарованный, Жорж Санд в мужском костюме, широкобедрую, с глазами египетской танцовщицы... По обыкновению, он заглянул в книжный магазин Коломбье, где — призрак среди призраков — царила бледная до прозрачности мадам Жироде, женщина без возраста. Белая кожа, белые волосы, жабо и даже глаза — она производила впечатление человека, занимающегося не столько продажей книг, сколько просвещением читателей. Прекрасно знающая старый Париж, она пренебрегала сумятицей современного литературного мира и всецело посвятила себя изучению отголосков прошлых времен. Пьер осведомился, сумела ли она достать книгу одного англичанина о Париже времен падения Империи под названием «Paris, during the Interesting Month of July, 1815»

— Нет еще, мосье Предайль. Но я не теряю надежды. Один из моих корреспондентов в Бордо сообщает, что напал на ее след. А как чувствует себя ваша супруга?

— Не лучше, но и не хуже. Если вы найдете другие любопытные работы о Париже времен Империи, написанные иностранцами...

— Я ищу, ищу... Вас не интересует записная книжка времен Революции?

Он полистал записную книжку, поколебался, порылся в других книгах и в конце концов ушел от мадам Жирод с пустыми руками.

По мере того, как он приближался к бульвару Сен-Жермен, торговцы картин и антиквариата уступали место продуктовым магазинам. На углу улицы Бюси перед лотками толкались домохозяйки. Казалось, в мире вдруг не осталось никого, кроме женщин, озабоченных тем, как накормить свою семью. Сосредоточенные лица, зажатые в руках сумки. На перекрестке грузовики образовали пробку. Пьер медленно брел по тротуару среди шумной толпы. Из большого молочного магазина пахло ароматами всех тридцати шести сортов сыра, которыми здесь торговали. В нем пробудился голод. Он принялся припоминать деликатесы, словно за его плечом в ожидании заказа стоял, склонившись, метрдотель. Как давно они с женой не были в ресторане! Первая остановка — булочная. Он купил длинный батон свежего хлеба. Если бы с ним была Эмильенна, она уж непременно отщипнула кончик и сгрызла хрустящую корочку. Она любила вот так пожевать чего-нибудь до обеда, точно еда становилась вкуснее, если она ела не в установленные часы. За столом она отказывалась от вина, а через минуту брала у него бокал и выпивала. Сколько раз по воскресеньям они обходили вместе магазины на этой улице! И всякий раз под конец заглядывали к цветочнице. Эмильенна покупала большие охапки полевых цветов. «Куда так много! — говорил он. — Что ты будешь с ними делать?» Дома она молча, проворно расставляла всю эту уйму цветов по вазам. И в квартире внезапно расцветали радостные краски весны, лета, осени. А эта ее страсть к бриджу! Они часто собирались по воскресеньям то у себя дома, то у Клардье. Расставляли два, а иной раз и три стола. И с обеда до вечера сидели за картами. Случалось, играли даже до поздней ночи, проглотив холодный ужин между двумя партиями. Эмильенна не любила проигрывать, хотя никогда не считала денег. Человек она по натуре была безалаберный, но раз в месяц принималась наводить в доме порядок. И после этого ничего не могла найти.

В рыбном магазине оказалась уйма народу. Пьер стал в очередь. Взгляд его скользил по множеству рыб, разложенных рядами, — бледное брюхо, круглый глаз, разинутый рот. Горластые продавцы с красными руками орудовали среди них. Дама, стоявшая перед Пьером, купила уже приготовленные для духовки раковины Сен-Жак. Он незаметно рассматривал ее. Высокая, стройная, элегантная дама, с пепельно-седыми волосами, в брюках и бежевой куртке. У нее был удивительно тонкий профиль. Из магазина она не вышла, а словно выскользнула.

— Ваша очередь, мосье, что угодно?

Пьер вздрогнул и поспешно заглянул в бумажку.

— Филе соли и дораду.

Затем он купил кофе, салату, бутылку минеральной воды и бутылку вина. Но не мог все это забрать. И пожалел, что не взял сумку. Хлеб у него разломился пополам. Торговец вином, посочувствовав, дал ему картонку. Выйдя на улицу, Пьер наткнулся на женщину в бежевом брючном костюме, купившую раковины. Незнакомка проплыла перед ним, величественная и ко всему безразличная.

Он вернулся домой, нагруженный покупками, с мокрым, вспотевшим лбом. На площадке третьего этажа он вдруг подумал, что мог бы купить немного цветов для Эмильенны, но в уличной суматохе эта мысль не пришла ему в голову. А сейчас вот ключ не достать в кармане. Весь изогнувшись — одно плечо выше другого, — он

тщетно шарил и шарил. В конце концов пришлось положить пакеты на пол — иначе не открыть дверь.

— А у нас доктор, — сказала Луиза.

— Как! — воскликнул Пьер. — Он же собирался зайти не раньше двенадцати!

Он постучал в дверь спальни — по обыкновению слегка, еле слышно. Ему ответил голос Эмильенны, на удивление ясный и бодрый:

— Входи!

Она всегда оживлялась во время визитов врача. Доктор Морэн, сидя за маленьким столиком, выписывал рецепт. Это был человек еще молодой, но в очках, с утомленным лицом, обрамленным белокурой бакенбардами, и с намечающейся лысиной. Эмильенна находила — бог знает почему, — что он потрясающе «породист» и обладает огромным обаянием.

— Зачем ты выходил? — спросила она, пока он пожимал доктору руку.

— Купить продукты для обеда.

— Что за странная идея!

Она сидела в постели, накинув на плечи белую шерстяную шаль, и смотрела на него таким пронзительным взглядом, что он почувствовал, как краснеет. Вот уже тридцать пять лет она читает все его мысли. Но она улыбнулась, и у него сразу отлегло от сердца.

— Доктор, — сказала она, — мы пригласили на обед друзей во вторник. Смогу я, по вашему, встать?

— Да, конечно, мадам, — сказал врач. — Почему бы и нет?...

— Но только не отменяйте, пожалуйста, уколов. Они мне так облегчают жизнь!

— Не беспокойтесь.

— Когда вы снова зайдете?

Она говорила мелодичным, слегка приглушенным голосом. Ее исхудавшее больное лицо освещала жалкая кокетливая улыбка. Провожая доктора Морэна, Пьер спросил в прихожей:

— Вы действительно думаете, что она сможет встать во вторник?

— Откровенно говоря, нет, — ответил врач. — Но если ей захочется, ни в коем случае не мешайте. Пусть встанет, хотя бы на пять минут.

Пьер был совершенно сражен, хотя и не ожидал иного ответа.

— Он просто прелесть! — сказала Эмильенна, когда Пьер вернулся к ней в спальню. — Подумай, сам сделал мне укол!

Тут появилась Анна, и Пьер сразу почувствовал облегчение. Он мог только восхищаться мужеством дочери, которая так умела скрывать свои чувства. В ее присутствии легче было поддерживать повседневную ложь. Можно было не думать — просто следовать установленным правилам игры. Эмильенна с блестящими глазами повторила то, что ей сказал врач. Анна сделала вид, что обрадовалась:

— Вот видишь, Мили, дело у тебя идет на лад. Да так оно и должно быть. Просто ты ослабла от того, что так долго лежишь в постели.

Она очень спешила, так как назначила встречу в половине третьего у себя на

работе. Луиза принесла больной еду на подносе. Отварное филе мерлана.

— Филе соли не оказалось, — оправдываясь, пояснил Пьер. — Поэтому я купил мерлана...

Ни одна из женщин слова не сказала. Как всегда, он только зря волновался. Что за глупая привычка из мухи делать слона! Пока Эмильенна ела рыбу, Пьер и Анна прошли в гостиную. Обычно они обедали там за круглым столом у окна, а примыкавшей к этой комнате столовой со времени болезни Эмильенны не пользовались. Шесть стульев с высокими спинками, обитых рыжеватой кожей, стояли вдоль стены, напоминая о счастливых, безвозвратно ушедших временах.

Луиза на этот раз превзошла себя: запеченная в духовке дорада таяла во рту. Пьер выпил большой бокал сухого вина, подложил себе еще рыбы и сказал:

— Знаешь, Анна, я думаю, мне не стоит идти туда в пять часов. Я позвоню и скажусь больным.

— Ну нет! Клардье так старался устроить тебе это свидание в СЕПе. Ты не имеешь права, хотя бы из уважения к нему, отказываться в последнюю минуту. Тем более, что тебе могут предложить что-нибудь весьма интересное.

— Ну, в этом-то я сомневаюсь.

— Разве можно знать заранее?

Пьер грустно улыбнулся. Вот уже полгода он тщетно искал работу. Никто не хотел брать человека его возраста. Последнее время он служил на половине оклада в Обществе организации и статистики, но оно закрылось. К счастью, у Эмильенны было немного денег, полученных в наследство от матери. На проценты с этого капитала, часть которого была вложена в акции, а другая — в доходный дом, они и жили. Да еще Анна в начале года получила прибавку.

— Знаешь, отец, — возобновила она разговор, — я считаю, что в последнее время ты совсем раскис. Нельзя же сидеть без всякого дела!

— Но понимаешь, моя милая, — сказал он мягко, — я человек уже конченный.

— Ты? Да ты в великолепной форме!

— Внешне, возможно... Но внутри... Я чувствую себя таким старым, усталым, изношенным... С тех пор, как заболела Эмильенна, мне уже ничего не хочется...

Ему доставляло странное удовольствие жаловаться дочери на свою жизнь. Он как бы раздевался перед ней, обнажал свои скрытые раны. Но у Анны это вызвало лишь раздражение.

— Прощу тебя, отец, не старайся быть несчастнее, чем ты есть! Я тоже беспокоюсь и тоже глубоко несчастна, но я стараюсь держать себя в руках...

— Ты молода.

— Тебе непременно надо пойти на это свидание.

Ну, хорошо, хорошо, я пойду...

Он подумал и нерешительно добавил:

— А как, ты думаешь, мне следует одеться?

— Вот так, как сейчас, — вполне хорошо. Да, кстати, я не буду сегодня ужинать дома.

Он посмотрел на нее с удивлением:

— Ты куда-то идешь?

— На концерт с друзьями.

— А кто же сделает укол Мили?

— Я буду дома, как всегда, в половине седьмого. — Она взглянула на свои часы и добавила: — Ну, я побежала.

— Ты не будешь есть фрукты? — спросил отец.

— Некогда!

Она вскочила — живая, стройная, как спущенная стальная пружина. Сколько энергии в этом хрупком теле!

— Анна, милая! — раздался из-за двери голос Эмильенны. — Поправь мне подушки!

— Именно этого я и боялся. Смехотворное предложение! Жалкие комиссионные! Если бы я еще имел какой-то опыт оптовой торговли бумагой! А то ведь все надо начинать сначала! Что бы они ни говорили, а это все равно, что ходить по домам! Благодарю покорно, я отказался...

— И был прав, — сказала Эмильенна.

Анна, только что сделавшая укол матери, не одобрила его, но и не осудила. Конечно, он бы оказался в затруднительном положении, если бы ему предложили что-то приличное. Ничего он так не боялся, как перемен. Пусть лучше плохое статус-кво, чем соблазнительная авантюра. Его призвание — окружать заботами Мили. И как Анна не может этого понять? Но Анна поняла его. Она улыбнулась ему. Победа! Он подошел к дочери и поцеловал ее.

— Ты должен позвонить Клардье, — сказала она, убирая в коробку шприц.

— Ты считаешь, что это нужно?

— Необходимо. Ведь это он рекомендовал тебя в СЕН. Надо, по крайней мере, сообщить ему о результатах твоего визита.

— Ты права, — сказал он. — Я сделаю это завтра.

— А почему не сегодня вечером?

— Да вряд ли он будет дома.

— А ты попробуй.

Он повиновался. На другом конце провода контральто с испанским акцентом ответило, что ни мосье, ни мадам нет и что они не будут ужинать *a la casa*. Пьер обрадовался этой отсрочке: разговор с Клардье предстоял щекотливый. Клардье принадлежал к той категории людей, которые стремятся оказывать услуги, даже когда их об этом не просят. Он будет упрекать Пьера, что тот не смог отстаивать своих интересов, и пообещает поговорить на этот счет с генеральным директором СЕПа в течение ближайших двух дней или же предложит устроить ему свидание с тем или иным высокопоставленным лицом, у которого наверняка для него, Пьера, окажется место. Для Пьера это вылетит в новые визиты, пере-говоры, ненужные увертки. А так — он вроде бы сделал все, что от него требовалось. И с сознанием собственной безупречности он спокойно вернулся к Эмильенне, которой Анна принесла на подносе ужин.

Накормив мать — все те же маленькие сэндвичи из белого хлеба с ветчиной, — Анна пошла переодеваться. Когда она вернулась — причесанная, подкрашенная, в шерстяном сливового цвета платье, отделанном тонким шелковым шнуром того же цвета, на лице Эмильенны заиграла улыбка: ей было явно приятно, что дочь так

выглядит.

— Ах, как я тебе завидую! — вздохнула она. — Если бы я могла пойти с тобой!..

Пьер быстро поужинал на кухне и, вернувшись, сел подле жены в кресло перед телевизором. Оба вскоре задремали — где-то в середине передачи о Рубенсе. Проснувшись первым, Пьер на цыпочках вышел, мигом умылся и надел чистую пижаму в синюю и белую полоску. Он только собирался нырнуть в постель, как Эмильенна открыла глаза, улыбнулась и пробормотала:

— Опять эта пижама!.. Надо будет сказать Луизе, чтобы она разрешила ее на тряпки — чистить металлическую посуду!..

— Чем тебе не нравится моя пижама?

— У тебя в ней вид каторжника из кинофильмов!

— Тебе не нравится мой серый костюм, тебе не нравится моя полосатая пижама... Что же тебе нравится?

— Даже не знаю. Пожалуй, твоя кремовая пижама.

— Я берегу ее для особых случаев.

Она приподняла брови и спросила хрипловато-насмешливым тоном:

— Для каких особых случаев, Пьер?

— Если, например, мы с тобой отправимся путешествовать.

Он сказал это не подумав. И почувствовал, как у него сжало горло.

— Ты хочешь, чтобы я сменил пижаму? — поспешно спросил он.

— Да.

Он выполнил ее просьбу. У кремовой пижамы были слишком длинные рукава.

— Ты выглядишь бесподобно! — сказала она.

Он выключил телевизор и лег под одеяло. Сегодня Эмильенна казалась менее раздражительной, чем обычно. Может быть, потому, что они были вдвоем? Ничего не поймешь с этой болезнью — одни сплошные неожиданности!... Пьер придвинулся к жене.

— Позволь мне обнять тебя, — прошептал он. — Вот так... Тихонько... Подержать хоть несколько минут... Так хорошо, когда мы вместе!..

Она прильнула к нему. До чего же она стала худенькая! Казалось, прижми ее чуть покрепче — и косточки хрустнут. Он обнял ее за плечи. Теплота ее тела волновала его. Ей было двадцать пять лет. И от волос се все так же пахло чем-то пряным.

— Если бы ты знала, как я тебя люблю! — прошептал он.

И вдруг безмерная радость охватила его: она выздоровеет! Конечно, выздоровеет, уж он-то знает это лучше, чем кто-либо. Вопреки всем доводам разума.

Она слегка шевельнулась, высвобождаясь из его объятий. И прошептала:

— Пьер, я хотела тебе сказать... Ты ворочаешься ночью, храпишь... Это неудивительно, когда у человека крупный нос... А мне так нужен отдых!.. Нам лучше спать отдельно...

Он не ожидал такого поворота и на минуту оторопел. Потом почувствовал обиду: за что же так его наказывать!

— Спать без тебя... — сбивчиво проговорил он. — Но... но это же' невозможно!

— Только пока я больна.

— Понимаешь ли ты, чего ты от меня требуешь?

— Да, Пьер. Но надо быть благоразумным.

— Ну ладно, тогда я устроюсь подле тебя в кресле или в шезлонге...

— Нет, все равно я буду слышать твой храп.

— Так куда же ты хочешь, чтобы я ушел?

— В маленькую комнату. Там тебе будет удобно, и ты сможешь читать сколько захочешь.

Эта каморка в глубине квартиры уже давно служила кладовой. Туда складывали чемоданы, картонки, набитые бумагами, ненужные книги, старые журналы.

— Но это же нелепо! — возразил он. — Я буду так далеко от тебя! Лучше я буду спать на диване в гостиной.

— Как хочешь, — сказала она.

Он стиснул зубы. Его изгоняли, высылали. Такая немилость после стольких лет любви! Ему стало жаль себя до слез. Вся жизнь сразу показалась сплошной цепью неудач. Вот бы умереть ему сейчас, здесь, вместо жены. Никто о нем не заботится, никого не интересует ни его здоровье, ни его настроение. И вдруг не она, а он уходит из жизни. Он вздохнул и сказал

— Ты хочешь, чтобы я перешел туда сейчас же?

— Нет, — сказала она, — завтра.

Он подумал, что завтра она еще может переменить решение. Эта мысль успокоила его. Вот если бы ему удалось не храпеть ночью... Говорят, для этого надо спать на боку. И он осторожно перевернулся на левый бок. Неудобно! Но чего бы он не вынес ради Эмильенны!

— Спокойной ночи, дорогая, — сказал он.

Вскоре он уснул, уверенный, что достаточно захотеть — и ты превратишься в бестелесное, молчаливое существо.

Анну задержали на работе, и когда она, как ураган, ворвалась домой, было уже семь часов и Луиза собиралась уходить. К счастью, все было готово: жареная телятина с морковью томилась на маленьком огне, яблочный пирог, посыпанный сахарной пудрой, лежал на круглом блюде, стол был накрыт в столовой на троих — как условились: о том, чтобы Эмильенна встала не могло быть и речи. Она плохо чувствовала себя ночью и с утра жаловалась на тупые боли в правом боку. Доктор Морэн, приходивший в полдень, предписал еще один укол. Может, следовало бы отменить приглашение на ужин? Нет, уже поздно. Анна прошла к матери. Ввалившиеся щеки, заостренный нос... Казалось, больная спала. Но услышав шаги дочери, она тотчас открыла глаза и прошептала:

— Я не хочу видеть Марка.

— Ты и не увидишь его, Мили, обещаю тебе, — сказала Анна. — Мы быстро поужинаем, и он уйдет.

— Скажи ему, что я повидаюсь с ним на будущей неделе.

— Ну, конечно, конечно... К чему спешить — времени у нас сколько угодно! Я

принесу тебе сэндвичи.

— Нет... Даже думать о еде не могу — тошнит... Этот гепатит — такая гадость!... Наверно, я вчера съела что-то и печень взбунтовалась... И эти кухонные запахи! Хоть бы ты проветривала почаще... А где твой отец?

— Должно быть, пошел в книжный магазин Коломбье,

— Странно! Он почему-то взял себе за правило уходить, не предупредив меня!

Не успела она это произнести, как Пьер вернулся с двумя бутылками «божолé».

— У нас дома оказалось только простое столовое вино, — объяснил он.

Эмильенна сразу успокоилась и снова закрыла глаза. В дверь позвонили. Анна пошла открыть — на площадке стояла привратница.

— Я по поводу вашей комнаты для прислуги. Вы, кажется, сдали ее какому-то студенту. Так вот теперь их там десять человек. Только и шныряют мимо! Будто общежитие устроили! Кто-то даже спит в коридоре на полу. Соседи жалуются. Мне не хочется говорить об этом управляющему домом...

— Спасибо, что предупредили, — сказала Анна.

Пьер, вышедший в прихожую во время этого разговора, пробормотал:

— Этого еще не хватало! Он же выглядел вполне прилично, этот студент. Что мы теперь будем делать?

— Я сейчас же поднимусь и поговорю с ним!

— А Марк?

— Он придет не раньше восьми.

— Но этот разговор можно отложить и до завтра...

— Нет, папа.

На черной лестнице стоял ледяной холод. На седьмом этаже, как всегда, когда Анна поднималась, ее неприятно поразили обшарпанные стены коридора, в который выходили комнаты прислуги. Из благопристойного, комфортабельного мира вы без всякого перехода вдруг попадали в зону удручающей нищеты. Анна остановилась у комнаты под номером 11. За дверью гудели голоса. Она постучала. Дверь открыла высокая девушка — белокурые ее волосы прямыми прядями свисали вдоль щек. Розовый махровый халатик обтягивал большой живот. Беременная — должно быть, месяцев восемь. Позади нее на стуле сидел согнувшись чернявый парень. Длинноволосый, с квадратным лицом. Анна, никогда ранее не видевшая ни парня, ни девушки, спросила сухо:

— А где мосье Жан Ломбар?

— Он вам зачем? — спросил парень, медленно поднимаясь со стула.

— Я владелица этой комнаты, мосье.

— Ах, вот что. Жан уехал.

— Когда же?

— Да уже порядочно.

— А когда он вернется?

— Не знаю.

— А кто вы такой?

— Лоран Версье. А это — Ингрид. Она шведка. Ни слова не говорит по-французски.

Девушка улыбнулась и закивала головой с несколько тяжеловатой грацией. Она стояла, свесив руки вдоль живота.

— А что вы здесь делаете, мосье? — спросила Анна.

— Мы друзья Жана, — ответил Лоран Версье.

— Но эту комнату я сдала ему, а не вам.

— Я знаю. Но Жан уехал внезапно. И сказал, что мы можем обосноваться тут вместо него. Ну, конечно, мне следовало предупредить вас. Я все ждал, когда у меня будет немного денег... Нуда, чтобы уплатить вам. Теперь это уже вопрос нескольких дней...

Он говорил мягко, не сводя с Анны взгляда. Адамово яблоко поднималось и опускалось на плохо выбритой шее.

— Мне сказали, что вы укладываете своих приятелей спать в коридоре, — заметила она.

— Ну, это было всего один раз!

— Но соседи пожаловались. А сколько вас в этой комнате?

— Трое. Ингрид, ее муж и я.

Она недоуменно уставилась на него.

— Но... как же... как же вы устраиваетесь?

— Прекрасно... как в кемпинге.

Она окинула комнату беглым взглядом. Три метра на два. Железная койка, умывальник в углу, электрический рефлектор, одноконфорочная газовая плитка. С потолка свешивалась голая электрическая лампочка. Анне стало не по себе.

— Нет, с этим надо кончать! — сказала она, преодолевая душевное смятение. — Вы поселились здесь ни у кого не спросясь. Мои родители и я — мы не имеем права держать у себя людей, о которых ровным счетом ничего не знаем.

Она излагала довод за доводом, словно желая убедить самое себя в обоснованности столь жесткой позиции. Шведка с большим животом смотрела на нее пустым взглядом. Красивая и вялая, как петельная корова.

Лоран Версье молча вытащил из заднего кармана брюк документы и протянул их Анне. Помятый кусочек картона с фотографией в углу. Анна машинально прочитала фамилию и дату рождения. Ему было двадцать три года. И вдруг она почувствовала себя в положении шпики. Облава. Допрос. На что существуете? От стыда у нее даже загудело в ушах. Она вернула документы парню, и тот снова положил их в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Вы правы. Мы переберемся отсюда.

— Куда?

— Не знаю.

— Она в положении, — заметила уже гораздо мягче Анна. — Я не могу вышвырнуть ее на улицу. Оставайтесь, пока не найдете комнаты.

— Спасибо, мадам. Так или иначе Ингрид и ее муж все равно скоро вернуться в Швецию. Она хочет родить там. Что до меня, то если вы возьмете меня постояльцем вместо Жана...

Она не успела ответить. Рядом возник белокурый бородатый гигант, широкоплечий, с узкими бедрами. В руке он держал батон хлеба.

— А вот и Гуннар! — воскликнул Лоран Версье.

Анна вышла из комнаты и рядом с дверью, в коридоре, увидела картонную коробку, из которой вываливался мусор.

— Во всяком случае, прошу вас немедленно убрать это! Завалили весь проход отбросами! Возмутительно!..

Спускаясь по лестнице, она и сама не знала, хвалить себя или злиться.

Марк пришел, пока ее не было. Она рассеянно поцеловала его. Они с Пьером потягивали сухое вино в гостиной. Бокал для Анны стоял на маленьком столике. Она поспешно поднесла его к губам.

— Оказывается, Мили неважно себя сегодня чувствует, — заметил Марк.

— Нет, — возразила Анна, — вовсе нет.

— Она переутомилась вчера, — печальным голосом проговорил Пьер. — И теперь спит. Я не решаюсь ее будить...

— Как жаль, — сказал Марк. — Мне так хотелось бы ее увидеть.

— Кстати, Анна, как там обошлось наверху? — осведомился Пьер.

— Отлично, — сказала она. — Привратница все раздула. Наш постоялец один только раз пригласил к себе гостей!

Они сели за стол. Анну поразила необычная возбужденность отца. Любая фраза Марка вызывала у него восторженный отклик. Казалось, он готов был без конца слушать своего бывшего зятя, словно хотел, чтобы дочь увидела его в наиболее выгодном свете.

— Ну, как Канада?.. Нет? Не может быть!.. Ты слышишь, Анна? А как твоя работа?

Ей неприятна была его назойливость. Неужели он забыл, чем для нее был Марк? Несколько раз ей хотелось мягко одернуть отца. Но потом она подумала: «Я так критиковала маму, а ведь сама становлюсь похожей на нее!» Она отнесла грязные тарелки на кухню и вернулась с пирогом. Марк рассказывал Пьеру, что по его предложению фирма, где он работает, намерена попытаться завоевать рынки Востока для своей продукции — статических конверторов и блоков управления. Подавленный множеством технических деталей, Пьер машинально кивал головой и бормотал:

— Да, да... Надо же!..

Анна тоже делала вид, будто интересуется делами Марка, но мысли ее упорно возвращались на верхний этаж. Она думала о беременной шведке, ее муже и приятеле. Какая холодина у них в комнате! И к тому же они наверняка голодают. А может быть, даже принимают наркотики? «Это меня не касается», — неожиданно решила она.

— Какой изумительный сладкий пирог! — сказал Марк. — Это ты испекла?

— Нет, Луиза.

— Как? Она до сих пор у вас? Невероятно!

Пьер разливал вино. Щеки у него порозовели, глаза сверкали. Анна спрашивала себя, зачем ей понадобилось звать Марка. Когда она была замужем, они по традиции всегда ужинали в субботу у ее родителей. Те же стулья, те же тарелки с голубым узором на стенах, тот же пирог. Она все помнила и ни о чем не жалела. Нет, жалела, что за столом нет Мили с ее лучистым взглядом — Мили, которая так любила принимать гостей...

— Знаете вы что-нибудь о Клардье? — спросил Марк.

— Да, — ответил Пьер, — но с тех пор, как заболела Мили, мы с ними больше не встречаемся. И все же Шарль оказался отличным малым: рекомендовал меня на работу в СЕП. Но из этого ничего не получилось.

— Почему?

— Неинтересно — ни в денежном, ни в ином отношении! Ах, как же это непросто! Вот уже полгода я ищу место... Никто не хочет брать человека моего возраста!..

Анна, поджав губы, встала и прошла в комнату матери. Эмильенна лежала на спине, вытянув вдоль тела руки. Дышала она прерывисто, с трудом. Анна дотронулась до ее плеча. Больная приоткрыла глаза и прошептала:

— Он еще здесь?

— Да, Мили. Тебе ничего не нужно?

— Нет. Иди, иди, моя милая...

Анна вернулась в столовую и подала кофе мужчинам, которых теперь занимал вопрос о плюсах и минусах снижения пенсионного возраста.

Пьер лежал на диване в гостиной; просмотрев все крупные заголовки в газете, он сложил ее и задумался: интересно, почему Анна порвала с Марком? Такой веселый, живой и умный малый! Может быть, она к нему еще вернется? Ведь не зря же она пригласила его сегодня! Но что у нее там в голове — нипочем не узнаешь. Диван этот, конечно, жестковат. Но одиночество имеет и свою положительную сторону. Полная свобода движений! Он мог вставать, ходить, читать в свое удовольствие. Лампа под большим абажуром из пергамента освещала его любимую старую мебель. Он вдруг почувствовал себя холостяком. И по его телу пробежал холодок. «Мили! Мили!» — тяжело вздохнул он. И снова принялся за газету.

— Когда он опять придет? — спросила Эмильенна.

— Не знаю, — ответила Анна. — Мы об этом не говорили.

Мне так хотелось посидеть вчера с вами за столом! Но я была не причесана, выглядела ужасно, он просто сбежал бы!

Она явно забыла, что Марк приходил на ужин неделю назад. Она все больше и больше путала даты.

— В следующий раз, когда он придет... — сказала она усталым голосом. И, не закончив фразы, погрузилась в сон.

Она редко засыпала вот так — утром, вскоре после первого укола. А ведь она хорошо позавтракала и ни на что не жаловалась, когда ее приводили в порядок. Пьер ушел в гостиную читать газету. Анна укрыла мать и, поскольку на сердце у нее было беспокойно, присела возле кровати. Ничего не поделаешь: придется опоздать немного на работу. Теперь, при ее положении, никто уже и не требует, чтобы она приходила вовремя. Она отбросила прядь волос со лба больной.

— Как приятно чувствовать твою руку на лбу! — прошептала Эмильенна, не открывая глаз. — А Марку понравился галстук, который ты ему подарила?

«Какой галстук?» — подумала Анна. Должно быть, Эмильенна, потеряв ощущение времени, вспомнила какой-то из дней рождения в далеком прошлом.

— Да, Мили, — сказала Анна. — А теперь спи...

— Какой красивый галстук! Мы ведь его вместе выбирали, правда?

— Да.

Почему мать так упорно говорит с ней о Марке? «Мили уже ничего не воображает... Неужели мой брак оставил в ней более глубокий след, чем во мне?.. Вообще-то она очень любила Марка... Все любили Марка... И я тоже». Анна улыбнулась и вздохнула. Этот брак — какое жалкое недоразумение! С самого начала, вопреки очевидному, Марк видел в ней лишь капризное, хрупкое создание. А она совершенно другая. Его попытки обращаться с женой как со слабым, пленительным существом вызывали у нее ожесточенное сопротивление. Она чувствовала, как день ото дня между ней и мужем углубляется непонимание — не помогли сгладить его и ночные ласки, ибо интимная жизнь складывалась у них не очень удачно. Марк обожал путешествия, а для нее всякая перемена мест была пыткой; он расцветал в обществе, тогда как она больше всего любила одиночество; он стремился добиться повышения по службе, чтобы избавить ее от необходимости работать, а она все больше привязывалась к своей профессии. Но могло ли все это оправдать разрыв? Однажды утром она проснулась, твердо убежденная, что с этим недоразумением пора кончать и надо как можно скорее расставаться с Марком. Никто тогда не мог понять ее решения: ни Марк, ни их друзья, ни ее родители. Разве что мать. Когда Анна сообщила ей о своем намерении, Эмильенна сказала лишь: «Я ожидала этого, дорогая. Уже давно вы с Марком шагаете не в ногу». Анна вспомнила эту фразу слово в слово и сопровождавший ее грустный и умный взгляд. После развода она могла бы обосноваться в однокомнатной квартирке и вести независимую жизнь. Но такая мысль даже не пришла ей в голову. Как приятно было вновь обрести милые семейные привычки! Настоящая семья ее была не той, которую она временно создала с Марком, — с самого раннего возраста ее семьей была мать. Она чувствовала большую нежность и тягу к Мили. О, эти их сбивчивые, бесконечные разговоры, горячие споры, умение с полуслова понять друг друга! У них были свои словечки, тайный код улыбок и взглядов, которых не знал даже Пьер, несмотря на все его старания. Порой обмен репликами между матерью и дочерью ставил его в тупик, и, чувствуя, что его намеренно оставляют в стороне, Пьер замыкался в себе, настораживался. Мили царила в доме с неоспоримостью суверена, всем управляла и все решала сама. И Анна, сама себе не признаваясь, с удовольствием подчинялась ей. Собственно, подчинение это не столько шло от ума, сколько объяснялось поразительным обаянием матери. Анна и Марка-то покинула в основном потому, что хотела вернуться под крылышко Мили. Теперь она потеряла и мужа и мать: Марк стал ей совсем чужим, а мать — с каждым биением сердца все больше удалялась от них. Нет, нет, это невозможно. Мили не может сдаться... Анна встала.

— Ты уходишь? — пролепетала Мили.

— Уже десять минут десятого!

— Марк ждет тебя в машине?

— Да нет же, Мили, — с внезапным раздражением проговорила Анна, — ты прекрасно знаешь, что у нас с Марком все кончено!

— Ах, верно... Но ты не очень несчастлива?

— Отчего я должна быть несчастлива?

— Не знаю... Одинокая женщина... Где твой отец?

— Читает газету.

— А Луиза занимается уборкой?

— Да.

— Ну хорошо. Тогда я могу спать...

— Да, конечно, Мили, спи.

Эмильенна вздохнула:

— Какая тоска! На будущей неделе непременно схожу в парикмахерскую...

Раздался звонок. Спустя минуту из-за двери донесся голос Луизы:

— Мадемуазель! Мадемуазель! Вас хочет видеть какой-то мосье. Кажется, что-то срочное.

Анна в который раз подумала: почему Луиза так упорно продолжает называть ее «мадемуазель». Бросив последний взгляд на задремавшую мать, она на цыпочках вышла из спальни и прошла к Луизе на кухню. В дверях черной лестницы стоял Лоран Версье.

— Вы не могли бы подняться взглянуть на Ингрид? — спросил он. — Что-то с ней неладно! Мы с Гуннаром не знаем, что делать. У нее сильные боли в животе, и она плачет! А привратницы нет!

Анна сразу решила, что у шведки, наверно, начались роды. И она вслед за Лораном поднялась по лестнице.

Ингрид лежала на спине и, обеими руками сжимая живот, стонала. В расширенных зрачках застыл животный страх. Гуннар, стоя рядом, машинально поглаживал ей лоб. Анна попросила мужчин выйти и, как только дверь за ними закрылась, отбросила одеяло. Большое пятно крови расплылось на простыне.

— У нее кровотечение, — сказала Анна, выйдя из комнаты. — Это может плохо кончиться. У вас нет врача?

— Нет, — сказал Лоран.

— Тогда пойдете со мной!

Она побежала вниз, Лоран — за ней. Звук их шагов гулко отдавался по лестнице. Лоран стоял подле нее, когда она из гостиной звонила по телефону. К счастью, доктор Морэн оказался на месте. Он попросил объяснить, в чем дело, и сказал, что молодую женщину надо немедленно отправить в ближайший родильный дом на бульваре Пор-Руайаль.

— Я приеду и осмотрю ее там, — сказал он. — А вы пока вызовите «скорую помощь».

Едва она повесила трубку, как подошел отец — узнать, в чем дело. Анна, с трудом сдерживая раздражение, представила ему Лорана и в нескольких словах рассказала о случившемся. Пьер совсем растерялся и взглядом вопрошал дочь, как же быть.

— Вот беда-то! — бормотал он. — Но вы можете вполне положиться на доктора Морэна.

Тем временем Анна набрала номер «скорой помощи». Естественно, Лоран и Гуннар ничего в этом не смыслят и не способны помочь женщине в таком положении. Поэтому сопровождать шведку в больницу придется ей. А мужчины поедут потом. Она сказала об этом Лорану, и он согласился.

— А как же твоя работа? — робко вмешался Пьер. — Может быть, мне позвонить и

предупредить, что ты задержишься?

— Не нужно, — сказала она лаконично. — У меня на утро ничего не назначено.

— Но ты вернешься к обеду?

— Конечно!

«Скорая помощь» уже подъехала. Два санитары спустили Ингрид на носилках с седьмого этажа. Анна села с ней в машину. Улица оказалась забитой. Машина с трудом продвигалась вперед. Шофер без конца сигналил. Сидя возле шведки, Анна время от времени улыбалась, чтобы подбодрить молодую женщину. У нее было такое ощущение, что ее жизнь покинула привычное русло и теперь течет где-то параллельным курсом по незнакомой местности. Какая игра случая заставила ее покинуть изголовье матери и очутиться у изголовья этой незнакомки? Или ее удел — вечно ухаживать за больными? За матовыми стеклами машины гудел город. Ингрид пошевелила ногами под шерстяным коричневым одеялом. Лицо ее исказилось от боли. Зубы стучали. Анна взяла ее за руку. Она видела, как страдает эта крупная белокурая женщина, но жалости к ней не испытывала. Машина переехала через канал, замедлила ход, остановилась; дверцы отворились, и волна холодного воздуха обдала Анну.

Люди в белых халатах унесли шведку. Анна внезапно осталась одна. Направляясь к воротам, она увидела Лорана и Гуннара, спешивших к ней навстречу. Как быстро они добрались! Она, правда, потратила некоторое время на выполнение формальностей.

— Ну, как дела? — спросил Лоран.

— Ею уже занялись, — ответила Анна.

— А, ну хорошо. Не знаю, что бы мы без вас делали. Мы с ним останемся здесь, чтобы быть в курсе.

Гуннар в знак подтверждения мотнул бородой. Анна оставила их посреди двора, жалких и растерянных.

Как только она появилась на работе, к ней кинулись оба художника Брюно и Каролус. Господин Куртуа пожелал взглянуть на макеты обложек для Гойи. Они ему не понравились, и он потребовал срочно представить новые варианты. Брюно и Каролус набросали кое-что и ждали прихода Анны. Она посмотрела и нашла новые макеты безобразными. Придется «переосмыслить задачу», следуя любимому выражению господина Куртуа. Она оставила художников работать и закрылась в своем застекленном кабинетике, чтобы, в свою очередь, поискать решение. Ее карандаш летал по бумаге. Она пробовала вариант за вариантом — по-разному располагала буквы, меняла их величину, передвигала портрет Гойи. За это время раз двадцать звонил телефон, прерывая ее работу. Наступил полдень, а она так и не нашла ничего оригинального.

Домой она отправилась, как всегда пешком и застала мать еще более обессиленной и взвинченной, чем утром. Укол. Затем обед на скорую руку. И снова — светлый кабинетик, где она исчерчивала листок за листком, в то время, как художники ходили туда-сюда за стеклянной стенкой. Наконец, она придумала нечто приемлемое. Отдала эскиз Брюно и стояла за его спиной, пока он делал макет обложки в натуральную величину. Господин Куртуа, так ничего и не дождавшись, явился сам в мастерскую и тоже склонился над чертежной доской. На этот раз его приговор был положительным. Стали обсуждать краски. Тут снова победила точка зрения Анны: в издательстве с ее мнением явно все больше и больше считались. Она удивилась, почувствовав, что эта маленькая профессиональная удача радует ее. Как будто она услышала приятную новость, изменившую ей настроение на целый день.

Выйдя с работы, она заглянула к «Старине Жоржу» и выпила бокал «мюскаде» у

стойки. Дома Мили дремала. Пьер у ее изголовья листал «Исторический справочник улиц Парижа», а Луиза собиралась уходить.

— Не появлялся наш новый жилец в мое отсутствие? — спросила Анна.

— Нет, — ответил Пьер. — А что?

— Мне интересно было бы знать, как там эта молодая женщина.

Она поднялась на седьмой этаж и постучала в дверь под номером 11. Открыл Лоран.

— Ну как? — спросила Анна.

— Да неважно, — сказал он. — Пришлось сделать кесарево сечение. Ребенок родился мертвым.

Анна посмотрела на Гуннара, который с унылым видом стоял в глубине. Он беспомощно развел руками.

— Ужасно! — сказала она.

— Ну, в их положении может, так оно и лучше, — буркнул Лоран.

— А она... она-то как?

— Ничего. Как только она поправится, они уедут домой.

Кровать была застелена. Анна резким движением откинула одеяло — под ним оказалась запачканная кровью простыня.

— Это надо снять, — сказала она.

— Мы как раз собирались.

Анна содрала с постели обе простыни, свернула их в комок и положила в угол на пол.

— Тут недалеко автоматическая прачечная, — сказала она.

— Да, да, я знаю...

— Есть у вас простыни на смену?

— Нет... но это не обязательно.

— Я одолжу вам пару простынь. Пойдемте.

Лоран пошел с ней. Она оставила его на кухне, а сама отправилась искать простыни в бельеовом шкафу. Когда она вернулась, он стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Анна достала бутылку сухого вина и два бокала: вдруг ужасно захотелось пить!

— Нет, спасибо, — сказал он. — Я не пью вина.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Вы что же — аскет?

— Да нет. Но у каждого свои вкусы. Я бы лучше выпил воды.

— Можете вообще ничего не пить, если не хотите.

— Но я люблю воду, — возразил он.

Анна открыла холодильник и достала бутылку минеральной воды. Она всегда держала несколько бутылок про запас для матери.

— Ах, нет, только не эту мертвечину! — воскликнул он.

Он взял у нее бокал, наполнил под краном и поставил рядом с бокалом сухого вина. Анна толкнула дверцу холодильника, и он захлопнулся мягко и плотно, причмокнув резиной. Они выпили одновременно, она — вино, он — воду. Она хотела было спросить, как они теперь собираются питаться там наверху: ведь обычно готовила, наверно, Ингрид. Но удержалась, не спросила. Собственно, почему он стоит здесь — между холодильником и кухонным столом? Надо было пригласить его в гостиную. Но теперь уже поздно.

— Вы живете с отцом? — внезапно спросил он.

— Да, и с матерью. — И, помолчав немного, она добавила: — Моя мать тяжело больна.

Напрасно она это сказала. Теперь он сочтет необходимым расспрашивать ее. Но он молчал. Быть может, не расслышал, что она сказала? Она налила себе второй бокал. А он продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу. Невысокий, с острыми чертами лица, худобу которого лишь подчеркивал яркий свет, падавший с потолка.

— Вы работаете? — спросил он наконец.

— Да, — ответила она. — А вы?

— Я? Я перепробовал три дюжины профессий. А сейчас устроил себе передышку... Подыскиваю что-нибудь... Не спеша... Я из тех, кого называют неудачниками...

— Вы не учились после школы?

— Учился. Год в Школе декоративного искусства...

— Так вы рисуете?

— Как курица лапой.

Она улыбнулась.

— А почему бы вам не попробовать рисовать для рекламы?

— Надо будет подумать. А что делаете вы?

— Я работаю в одном издательстве, в отделе оформления книг.

— В каком издательстве?

— «Гастель».

— А, вот как... А ваш отец?

— Он, можно сказать, отошел от дел...

— Мечта моей жизни! — воскликнул он, широко разведя руками. И тотчас посерьезнев, добавил: — Через несколько дней я, наверно, вернусь в тот гараж, где я работал мойщиком машин... Там у меня еще остался один приятель...

В кухню вошел Пьер с книгой под мышкой.

— А, ты здесь, Анна, — сказал он. — Я не слышал, как ты вернулась.

С Лораном он поздоровался наклоном головы. Тот не спеша выпрямился. Рука Пьера потянулась к бутылке. Наливая вино в бокал, он осведомился, как чувствует себя «эта молодая женщина, которую увезли на «скорой помощи»». Узнав, что

произошло, он вздохнул и покачал головой. Потом сказал:

— А вы знаете, что родильный дом, куда вы ездили сегодня утром, не что иное, как бывшее аббатство Пор-Руайяль, где настоятельницей была мать Анжелика Арно?.. Во время революции там сидели в заточении Малерб, мадемуазель де Сомрей, Флориан...

Он умолк и маленькими глотками принялся пить вино. Лоран взял простыни и направился к двери. Анна вышла с ним на площадку и постояла, глядя ему вслед, а он стремительно побежал вверх, перепрыгивая через ступеньки. Затем она поспешила к Мили, которой уже явно надоело лежать одной.

— Уже поздно... Куда вы все запропастились? Я хочу апельсинового сока...

Анна закрыла дверь квартиры и пошла вниз по лестнице, держась за перила, низко свесив голову. Заботы неотступно следовали за ней ступенька за ступенькой. Со вчерашнего дня добавили еще один укол. Теперь уже пять в день. Оглушенная морфием, мать большую часть дня дремала. Ее раздражительность, частая смена настроения уступили место полному безразличию. И по мере того, как морфий убивал в ней личность, в доме наступала тишина. В спальне была уже не истерзанная болью, измученная, требовательная женщина, а безвольный манекен, который можно было поворачивать, мыть, колоть в строго установленные часы. Сознавала ли Мили, что это — предвестие скорого конца? Вот если бы она могла как-нибудь вечером мирно заснуть и больше не проснуться! Эта мысль на минуту вывела Анну из состояния равновесия, точно она оступилась. А ведь пора было бы признать неизбежное. На этой стадии болезни надеяться уже не на что — надо лишь желать матери спокойной смерти. Хорошо бы все время быть подле нее. Или, по крайней мере, забегать несколько раз в день... Сколько времени еще будет длиться эта страшная борьба за жизнь?

Когда Анна проходила мимо помещения привратницы, та вдруг возникла на пороге и громогласно объявила:

— А, мадам Предайль! Ваш жилец выехал сегодня утром. И попросил меня передать вам это!

Анна взяла из рук привратницы сверток, письмо и ключ. Кончиком ногтя она проткнула сверток — показался кусочек белой ткани: простыни. Она сунула ключ и письмо в сумку.

— Можно оставить у вас сверток? — сказала она. — Я заберу его, когда вернусь с работы. А как его друзья? Они тоже съехали?

— Шведы? — переспросила привратница. — Да они уже больше недели как убралась! Подумать только, несчастная женщина!..

Анна не стала слушать ее причитания и выскочила на улицу. На работе повседневные дела так закрутили ее, что не оставалось ни минуты подумать о чем-либо постороннем. В одиннадцать часов ее вызвал господин Куртуа и сообщил о решении выпустить полное собрание сочинений Оскара Уайльда. Ему хотелось, чтобы это было сенсационное издание. Анна записала все его пожелания.

Марк пригласил ее пообедать. Она зашла домой, чтобы обиходить мать, и затем встретилась с ним в маленьком ресторанчике на улице Сен-Бенуа. Около сорока человек сидело в темном зале, пропитанном запахом жарящегося на углях мяса. Марк был в ударе. Он рассказывал о своей работе, своих проектах... На этот раз Анна слушала его с интересом. Тогда, у них дома, за ужином, он раздражал ее, а теперь, на нейтральной почве, она получала удовольствие от его общества. Внезапно она услышала:

Не знаю, что со мной происходит, Анна, но каждая минута моей жизни связана с тобой. Сто раз в течение дня мне хочется спросить твое мнение, рассказать тебе о моих заботах. В Канаде, когда ты была далеко, мне казалось, что между нами все

порвано, кончено... Но здесь... Ах, Анна, если бы ты могла понять...

— Я понимаю, Марк, — сказала она. — Мне тоже приятно с тобой. Но это вызвано дружбой, доверием к тебе. Нельзя приказать прошлому вернуться...

Он грустно улыбнулся.

— Ты права... И все же, Анна, Анна...

— Расскажи мне лучше о своей работе, — сказала она.

Эти легкие вспышки нежности, подумала она, делают их встречи еще приятнее. Ей было хорошо в этом тесном ресторане с человеком, который стал для нее теперь просто другом, его неусыпное внимание льстило ей. Он отвез ее на работу в своей машине. На столе у нее лежала гора писем. И вдруг она вспомнила о письме Лорана, которое с утра носила в сумке. Дел было столько, что она не успела его прочесть. Анна распечатала конверт. Лист обычной бумаги был исписан нервным почерком, сползавшим в конце строк книзу:

«Меня глубоко тронуло то, что Вы сделали для моих друзей и меня. И мне хотелось рассчитаться с Вами за квартиру до отъезда, но не могу. Сделаю это позднее. Если Вы не против, чтобы я жил у Вас наверху, — напишите мне об этом. Мы с Вами мало общались, но я почувствовал в Вас такой ум, такую чуткость, что не перестаю думать о Вас... »

В углу был нацарапан адрес: *Экс-ан-Прованс, бульвар Республики.*

Анна сложила листок и убрала его в сумку. Почему он вдруг уехал? Почему написал письмо? Почему оставил свой адрес? Зазвонил телефон: господин Куртуа выражал удивление, почему ее нет на совещании по рекламе.

Вечером, возвратившись домой, она вдруг решила посмотреть, совсем ли Лоран съехал. Ей зачем-то непременно понадобилось убедиться в этом самой. Она поднялась на седьмой этаж. Комната была в полном порядке. Матрас на железной койке свернут, в шкафу — пусто, пол подметен. На стене висел план метро, прикрепленный кнопками. Анна не заметила его в прошлый раз. Стекло в мансардном окне было черное от копоти и пыли. Из-за стены доносился чей то голос. Было холодно и сыро. Голая лампочка, свисавшая на проводе с потолка, освещала все ровным белым светом. Анна стояла, опустив руки, забыв обо всем. Ее завораживала эта пустота. Она могла бы сейчас сказать, какого цвета были брюки на Лоране, когда она увидела его в первый раз. Из грубого синего полинявшего полотна, с заплатами на коленях. Длинные блестящие волосы теплого каштанового цвета обрамляли его мужественное лицо с тяжелой челюстью и мясистыми губами. В глазах поблескивали золотистые искорки.

Всякий раз, когда Пьер принимал какое-нибудь решение, не посоветовавшись с женой или дочерью, у него бывал виноватый вид.

— Тебя не было дома, — оправдывался он, — а Мили спала... Я был застигнут врасплох... К тому же он вел себя очень корректно... Хотя я ничего у него не просил, он заплатил мне за предыдущего жильца... И попросил ключ от комнаты... Я дал ему... Я думаю, я правильно поступил, да?

— Ну, конечно, — сказала Анна. — Раз он уплатил долг...

За три недели, прошедшие после отъезда Лорана, она привыкла к мысли, что он уже не вернется. Она даже подумывала сдать комнату студенту, которого рекомендовала привратница.

— Надеюсь, что он один, — добавила она.

— Вот ведь глупость, я и не спросил его об этом!

— Неважно, папа.

Она выпила, как всегда, стакан сухого вина на кухне. В доме вдруг снова стал существовать седьмой этаж. Там находилось нечто дружелюбное, теплое и таинственное. Обирав Мили и поужинав сама, Анна присела с отцом у телевизора. Пьер, держа руку жены, постепенно погружался в дремоту, убаюкиваемый мельканием лошадей в ковбойском фильме. Мили спала, хрипло дыша, втягивала запавшие щеки. Анна пыталась решить в уме одну служебную проблему. Ей надо было завтра представить господину Куртуа эффектный эскиз рекламы собрания сочинений Оскара Уайльда. Эскиз Карольюса был неплох, но... Она взялась за вышивание. Иголка скользила взад и вперед, создавая стежок за стежком блеклые контуры цветка.

Большинство помещений были уже пусты, когда Анна вышла из своего кабинета с Карольюсом и Брюно. Мимо по коридору прошла уборщица, волоча мусорную корзину, до краев набитую бумагами. Улицу Сервандони окутывал туман. Уличные фонари отражались в блестящих капотах стоявших вдоль тротуара машин. На противоположной стороне улицы среди спящих теней прохожих виднелся неподвижный силуэт. Анна узнала Лорана. Он медленно пересек проезжую часть улицы. Она быстро распрощалась со своими сотрудниками и повернулась к нему.

— Добрый вечер, — пробасил он. — Поздненько вы задерживаетесь... Значит, вот где вы работаете... Ничего себе махина!..

— Да, довольно большое издательство, — сказала она.

— И что же вы издаете? Романы?

— Нет. Больше — книги о путешествиях, труды по истории, классику... Выпускаем также много книг для детей...

Они шли к площади Сен-Сюльпис. Лоран шагал молча, глядя себе под ноги. Вдруг он спросил:

— Вы не сердитесь, что я снова занял вашу комнату?

— Нет, почему же?

— Это могло вас не устраивать...

— Я тогда бы так и сказала.

— Я надеялся, что вы ответите на мое письмо.

Она солгала:

— Я не думала, что нужен ответ.

Они прошли еще немного, не пытаясь даже поддерживать разговор. Потом Лоран предложил Анне зайти в кафе. Они сели за столик, и перед ней, не успевшая опомниться, появился бокал сухого вина. Он заказал себе томатный сок, но не пил его. Сидел напротив, скрестив на груди руки, и глядел на нее. Молча. Не выдержав, она прервала молчание.

— Почему вы так внезапно уехали? — спросила она.

— У меня все деньги кончились.

— А почему в Экс-ан-Прованс.

— Потому что там живут мои родители... Пойдемте со мной сегодня в кино?

Анна с удивлением посмотрела на него. В глазах молодого человека была властная мольба, была нетерпеливая нежность. Она намеренно тянула с ответом. Потом

сказала небрежно:

— А почему бы и нет?..

Лоран так просиял, что она поняла: он этого от нее не ждал.

— Нет, правда?! — воскликнул он. — Вы согласны?

— Смотря на какой фильм! — сказала она.

— Вот уж мне абсолютно наплевать на какой! Главное провести с вами вечер!

Снова долгое молчание. Лоран с решительным видом насыпал в сок перцу. Его взгляд уже не выражал особых эмоций. Какие мысли бродили в его голове? Он выпил сок и спросил:

— Как чувствует себя ваша мать?

Анна улыбнулась. Странная манера перескакивать с предмета на предмет! Точно в мыслях его нет логической связи.

— Да все так же, — сказала она.

— Вы очень ее любите?

Она утвердительно наклонила голову.

— А вы на нее похожи? — снова спросил он.

— Думаю... кое в чем да... Но мне пора. Мама ждет меня. Я и так уже задержалась...

Впервые, находясь в кафе с мужчиной, она почувствовала желание заплатить за него и за себя. Они встали. Лоран порылся в левом кармане, потом в правом, извлек оттуда несколько смятых бумажек и монет, бросил все это на стол, посмотрел на чек, положил на блюдечко нужную сумму, добавил три франка, собрал со стола остальные деньги, подумал и взял обратно два франка из чаевых.

— Так как же насчет кино? Хотите, я буду ждать вас перед домом без четверти восемь?

— Хорошо. Только я, возможно, немного опоздаю.

— Не имеет значения!

Они вместе вошли в ворота, а во дворе каждый повернул в свою сторону: Анна поднялась по парадной лестнице, Лоран по черной.

— Знаешь, Мили, — сказала Анна, — мне хотелось бы пойти с друзьями сегодня в кино. Через два часа я вернусь. Надеюсь, ты не против. А то я ведь могу и отказаться.

— Нет, нет! — возразила Эмильенна. — Пожалуйста, иди... Мне будет приятно, если ты хоть немного развлечешься!.. Сколько сейчас времени?.. Мне совсем не хочется есть...

Анна нежно пожурила ее, и больная согласилась проглотить немного холодного бульона и половинку сэндвича с сыром. Но вот родители устроились перед телевизором, и Анна, словно получив разрешение, почувствовала, что может о них забыть. Она взглянула на себя в зеркало, провела расческой по волосам и умчалась.

Лоран ждал ее на улице, прислонившись к стене дома и засунув руки в карманы.

— Что, если мы посмотрим «Архипелаг» в «Бонапарте»? — предложила она. — В прессе прекрасные отзывы! Да и идет рядом.

Он сказал, что это отличная мысль. Когда они подошли к кинотеатру, сеанс уже начался, и зрителей впускали в зал, лишь когда кто-то выходил. Тем не менее они решили попытаться счастья. Очередь двигалась то медленно, то вдруг убыстряя свое движение, то совсем останавливаясь. Билеты взял Лоран. Билетерша с карманным фонариком провела их в темноте к двум пустым креслам в четвертом ряду сбоку. Анна не любила сидеть так близко: нелегко, запрокинув голову, смотреть на мелькающие перед тобой искаженные изображения. Фильм начался двадцать минут тому назад, и теперь трудно было установить взаимосвязь между персонажами. Во всяком случае, действие разворачивалось в Лондоне во времена королевы Виктории. Актеры говорили на прекрасном английском языке, и Анна понимала почти все — без помощи надписей. На ее руку неожиданно легла рука. Она тихонько высвободилась. Но Лоран вновь завладел ее рукой и прижался к ней губами. Затем перевернул ее и долгим поцелуем прильнул к ладони. Губы его подрагивали, касаясь ее кожи. Острое чувство радости наполнило Анну — ей казалось, будто молодой конь ест у нее с ладони. Она забыла про фильм, про зрителей, — была ночь, и она находилась в поле, под звездным небом. Она медленно повернулась к нему. Он распрямылся. И она увидела его лицо, плоское в лунном свете экрана. Он выглядел так дико — лохматый, с крупными чертами лица! Грубый и одновременно нежный, с блестящими, как у кошки, глазами. Ей захотелось дотронуться до его подбородка с ямкой посередине, словно оставшейся от нажима пальца. Но она тут же спохватилась — в своем ли она уме? Впрочем, разве не ради этого она с ним пошла? Голоса актеров с экрана гремели раскатами над ее головой. Громкая музыка сотрясала стены зала. Викторианская драма приближалась к развязке. Когда в зале вспыхнул свет, Анна и Лоран встали и последовали за толпой к выходу. Ни у него, ни у нее не было желания остаться и досмотреть начало фильма. Толпа вынесла их в холл, где за стеклянной дверью на улице лил дождь. Часть публики, боясь вымокнуть, стояла в проходе и загромождала выход.

— Пойдем? — спросил Лоран.

Они вышли под дождь. Лоран шел медленно — время от времени он запрокидывал голову, подставляя дождю лицо, открывал рот и с наслаждением облизывался.

— Идемте быстрее, Лоран! — сказала она. — Мы промокнем!

— Вы не любите дождь?

— Нет.

Он взял ее под руку. До самого дома они шли быстро, крупным шагом, прижавшись друг к другу. У нее устали ноги, она с трудом переводила дух. Он подтолкнул ее в подворотню. Не дожидаясь, когда она отдышится, сжал ее в объятиях, нашел ее губы. В смятении она почувствовала, с какой силой впилась в нее пухлые, мягкие губы. И поспешила отстраниться. В его больших золотистых зрачках отразилось недоумение.

— Я люблю тебя, Анна, — сказал он. — Пойдем ко мне наверх, прошу тебя!

Ее поразил этот молящий тон, но его слабость грозила стать для нее ловушкой, и, испугавшись, она отказалась.

— Нет, Лоран, это невозможно, — сказала она, глядя прямо ему в глаза.

Он сдвинул брови. Будет он настаивать? Ей почти хотелось этого. Но он опустил голову и пробормотал:

— Я так и знал.

Она позвала его:

— Лоран, Лоран, послушайте!..

Но он шел, не оборачиваясь, глухой к ее призывам, и исчез за дверью с двумя мусорными бачками по бокам.

Оставшись одна в подворотне, Анна постояла с минуту, затем поднялась к себе в полной растерянности: ведь она же сама сказала «нет», а у нее было такое ощущение, будто ее отвергли. В квартире царил полнейшая тишина. Она приоткрыла дверь в гостиную. Луч света упал в нее, разрезав комнату на две части. Отец спал на диване. Возле него на ковре валялась книга. Неслышно ступая, Анна проскользнула в спальню матери, где круглые сутки горел ночник. Больная, как всегда, лежала на спине, вытянув вдоль тела руки. И это хрупкое, почти бестелесное существо сотрясал храп. А вокруг все было спокойно, обыденно и неподвижно. Охваченная внезапным ощущением раздвоенности, Анна подумала, что не удивилась бы, если бы, открыв дверь своей комнаты, увидела самое себя спящей в постели. Она ходила по чужому дому. Как во сне, прошла она на кухню. Ее ослепила яркая белизна стен. Она открыла дверь на черную лестницу, нажала кнопку выключателя и стала взбираться по узким и крутым ступенькам, что вели в комнаты прислуги.

Сколько времени просидела она на этом стуле, у этой кровати? Стоявший на полу рефлектор не мог согреть комнату, но его раскаленные спирали светились, озаряя красным отсветом костра лицо Лорана. Он лежал на боку, ровно дыша, и неотрывно смотрел на Анну. Она отобрала у него куртку и, чтобы лучше согреться, накинула прямо на голое тело. Ей приятно было ощущать на себе эту жесткую мужскую одежду. Лоран улыбнулся ей — такой счастливый и сильный. А она не могла глаз оторвать от этой огненной маски с темными впадинами и словно отполированными выпуклостями, поблескивавшими в резком свете рефлектора.

Другого освещения в комнате не было. Мансардное окно было наполовину затянато полотенцем. Из крана в раковину капала вода. Дверь закрывалась неплотно, и в щели проникал ледяной ветер. Всякий раз, как в коридоре зажигали электричество, вокруг двери возникала рамка желтого света. До часу ночи Анна слышала шаги жильцов, возвращавшихся домой, приглушенные голоса, взрывы смеха. Несколько раз ей казалось, что кто-то вот-вот ворвется к ним в комнату. Она легонько подтрунивала над собой — надо же оказаться в такой нелепой ситуации. То, что произошло, так не вязалось ни с ее характером, ни с образом жизни, — у нее даже зародилось сомнение, действительно ли это все было. Ее переполняло счастье — огромное, дикое, такое нелепое, примитивное и смешное. Наслаждение, которое она познала, слившись с этим мускулистым горячим телом, не было похоже ни на что уже пережитое. Она поднялась с железной койки, преисполненная благодарности. Мозг ее спал, словно затуманенный наркотиком. Родители перестали для нее существовать. А у нее самой — у той, что сидела на стуле, накинув на плечи мужскую куртку, не было ни профессии, ни возраста, ни имени. Она знала, конечно, что подобная эйфория не может длиться вечно, что ей придется вновь идти тем же путем, каким она шагала вчера, вновь ощутить под рукой крепко спаянные перила дней. А пока можно, даже нужно сполна насладиться этой возможностью вырваться из-под собственного панциря. Эти несколько часов, проведенные в объятиях Лорана, были как бы маленьким островком тайной жизни, образовавшимся в потоке ее повседневной жизни. Возможно, после этой ночи, которая никогда не повторится, Лоран останется для нее тем, о ком она будет вспоминать с улыбкой, снисхождением и тоской! Возможно, она до самой смерти не узнает ничего более прекрасного, более совершенного. Как бы то ни было, она никогда больше не придет в эту комнату. Не станет больше встречаться с Лораном. Их встреча может остаться единственной в своем роде лишь при условии, что больше не повторится. Она вздрогнула. Маленький рефлектор согревал ей щиколотки и бедра, но верхняя часть тела заледенела от сквозняка, проникавшего в дверные щели. Как может Лоран жить в такой нищенской обстановке? Все вспыхнуло между ними так быстро, что они даже не успели поговорить, а сразу кинулись в объятия друг друга. И вот она вылезла из постели совсем незнакомого человека. Она — такая гордая, разумная,

здравомыслящая... А о чем думал он, разглядывая ее так жадно, так пристально? Он пошевелил ногами под рваным клетчатым одеялом. Затем поднял руки и заложил их за голову. Затаив дыхание, Анна рассматривала в красном полумраке его крепкие мышцы, волосатую впадину под мышкой. Внезапно он сел. Горящие глаза. Лохматые волосы. А ниже — торс словно из терракоты.

— Как ты далеко от меня, Анна! — сказал он. — Иди сюда, ко мне.

— Мне пора.

— Почему?'

— Уже два часа ночи.

— Знаю, но ты же можешь побыть со мной еще немного, разве нет?

Она легонько поцеловала его в губы.

— Нет, Лоран, все. Пора...

Но он протянул к ней руки. В его взгляде был властный призыв, нежность, каприз. И она поняла, что переоценила свои силы, что все ее решения тщетны, что она увидит его снова — и завтра, и послезавтра, и так часто, как он того захочет и как она сможет. Он схватил ее за руки, заставил сесть на постель, обнял, опрокинул, склонился над ней. Из крана над раковиной капала вода. Кто-то откашливался за перегородкой. Анна повторила еще раз:

— Не надо, Лоран.

А затем мир исчез для нее в вихре пламени.

Была половина четвертого, когда она спустилась к себе в квартиру. Безумие! А что если Мили звала ее!.. За дверью раздался слабый кашель. Анна вошла в спальню.

— Что с тобой, Мили? Ты не спишь?

— Нет, я только что проснулась.

— Подать тебе судно?

— Не знаю... Пожалуй, дай...

Анна подождала, пока мать снова заснет, и на цыпочках вышла из комнаты. Ей было страшно холодно. Она легла в постель, но спать не могла.

Измученная рвотой, Эмильенна откинулась на подушки — рот ее дергался от икоты, глаза были полны слез. Анна вытерла ей лицо мокрой салфеткой и поставила тазик на пол. С болью и тревогой посмотрела на мать. Затем проверила пульс: он был слабым и неровным. Но вот лицо больной разгладилось — значит, приступ прошел. По крайней мере в ближайшее время не повторится.

— Теперь ты можешь заснуть, — сказала Анна.

— Да, — прошептала Эмильенна, — но здесь столько гусениц ползает по комоду... Надо их прогнать... А то они заползут ко мне в постель...

Последние две недели у нее часто бывали галлюцинации. И возникал такой страх, что она металась по подушке, стиснув зубы, жалобно стонала. Она уже почти ничего не ела. Только немного пила. В ответ на упорные расспросы Анны доктор Морэн, наконец, признался, что он опасается близкой развязки. По его совету она увеличила дозу камфары. Но лекарства уже не действовали на истощенный организм больной. Ноги ее настолько отекали, что уколы приходилось делать в руки.

— Ты обещаешь мне, что прогонишь гусениц? — тоном капризного ребенка снова проговорила Эмильенна.

— Да, Мили.

— Прогони сейчас же!

Анна сделала вид, будто сметает что-то с комода.

— Вот, — сказала она. — Больше ничего нет. Спи. Я побуду возле тебя на случай, если они вернуться.

— Да, да, побудь со мной...

Эмильенна закрыла глаза. Анна села в кресло возле кровати, накинула на ноги плед. Вот уже третью ночь она проводила у постели матери. Отец не мог ее заменить. Он, конечно, вначале предлагал свои услуги, но она сумела внушить ему, что ей не нужна ничья помощь, и он смирился с ролью плаксивого очевидца. Конечно, он по-прежнему был в отчаянии из-за состояния своей жены, но это не мешало ему спать сном праведника на диване в гостиной. Анна могла приходиться, уходить, зажечь все лампы, греметь кастрюлями на кухне — он не просыпался. Железное здоровье и беспечен, как избалованный ребенок! Таким образом, Анна одна встречала надвигавшуюся смерть. Впрочем, ей этого даже хотелось — из любви к Мили, из присущего ей чувства самопожертвования, из упрямства. Ничто больше не существовало в ее жизни — только страшное приближение конца. В этом мраке даже Лоран отошел на задний план. Правда время от времени она все же поднималась к нему наверх. Он ждал ее там, в своей берлоге, ничем не занятый, изголодавшийся по ней. Казалось, вся его жизнь свелась к ожиданию, когда шаги Анны раздадутся в коридоре. Едва она открывала дверь, как он набрасывался на нее. Несколько наспех сказанных слов, быстрые ласки — и она исчезала на лестнице. Мили была слишком плоха — ее нельзя было оставить даже на час. Анна позвонила на работу и взяла отпуск. Время в доме остановилось. Они были вдвоем с матерью — и никого между ними. Она одна будет бороться со смертью. Мили лежала, раскрыв рот, сомкнув веки, — она тяжело дышала, из груди ее вырывался хриплый свист. Ее длинные тощие, прозрачные руки лежали по обеим сторонам тела, плоского, как пустой конверт. Под простыней от плеч и ниже не просматривалось никаких выпуклостей. Разве только в самом низу — пальцы ног. А жизнь все еще трепетала в этом почти разрушенном теле. Да разве это жизнь — бесконечное страдание. Ради чего? Чтобы обратиться в ничто. И надо было присутствовать, сидеть сложа руки при этой каждодневной пытке. Ждать, когда природа доделает свое дело, тогда как любовь, милосердие и разум приказывали прекратить ужасную агонию. Как бог мог допустить, чтобы Мили пожирала эта медленная, неумолимая болезнь? А если он допустил эту чудовищную, слепую несправедливость, не следует ли пойти наперекор ему? Да, да, бывают случаи, когда человек обязан восстать, когда его священный долг — пойти наперекор судьбе. Навязать ей свою волю. Ради дорогого существа. Достаточно увеличить дозу морфия — и Мили заснет навсегда. Спокойно. С благодарностью. Анна думала об этом сотни раз. Но никогда еще так упорно, с такой трагической настойчивостью, как сейчас. Ей даже показалось, что она сказала об этом вслух. Но нет, просто в мыслях у нее был такой сумбур, что шум стоял в ушах. И каждый вдох матери отдавался в сердце. Зловещая неподвижность вещей завораживала ее и пугала; расширенными зрачками смотрела она на зажженный ночник, прикрытый розовым шелковым платком, на комод, заваленный иллюстрированными журналами, на матовый экран телевизора, на стол, где лежали Милины лекарства и рецепты, сколотые вместе, уже ненужные... Эта домашняя обстановка, которая должна была бы ее успокаивать, как ни странно, лишь порождала в ней страх. Она жила в кошмаре, где тени значили больше, чем предметы, а молчание — больше, чем голоса. Все это создавало у нее гнетущее впечатление. Мозг заволакивал туман. Она сжала зубы, вся напряглась, но не смогла сдержать потока слез. И уткнулась лицом в ладони. Чем больше она старалась не сдаваться, тем больше сгибалась под напором горя. В зловещей ночной тишине раздался еле слышный робкий звонок. Потом еще один. Звонили на черной лестнице. Анна

бросила взгляд на мать, встала, вытерла глаза и вышла на кухню. Она уже знала, кого увидит за дверью. Какая нелепость! Она впустила в свою жизнь зверя, не властного над собой и неукротимого! Надо отослать его наверх. В его нору.

Она открыла дверь, и колени у нее подкосились от радости. Конечно, это был он, ласковый зверь.

— Что случилось, Анна? — спросил он. — Ты плакала?

Она отступила на шаг и проговорила, прислонясь к стене:

— Ничего. Но ты не должен приходить сюда!

Он обнял ее и прикрыл за собой кухонную дверь.

— Я там с ума схожу! Это ужасно, что ты здесь переживаешь! Нельзя так себя изводить! На тебе же лица нет! Надо взять ночную сиделку!

— Ну, нет! — вскричала она. — Никто, кроме меня не будет ухаживать за Мили!

— Но почему, Анна?

— Я не хочу, чтобы до нее дотрагивались посторонние. Она — моя. Ее последние часы... понимаешь... я должна пережить их вместе с ней... Она и я... Это... это всего важнее... Тебе нельзя оставаться, Лоран... Уходи, уходи скорей! А вдруг отец войдет...

— При чем тут отец, когда умирает твоя мать, а мы любим друг друга?

Она подумала, что он прав, что все эти условности смешны, что в мире существуют только две священные истины: любовь и смерть. Он поцеловал ее в лоб.

— Анна, — сказал он, — моя маленькая Анна, мне так хотелось бы помочь тебе, быть рядом с тобой, все делить пополам...

Ее растрогал его взгляд умного пса. Он принадлежит ей. Душой и телом.

— Нет, Лоран, — отрезала она. — Я хочу быть одна.

Она вытолкала его за порог. Но он не уходил, продолжая стоять в дверном проеме. Тогда она с силой закрыла дверь, вычеркнула его из своей жизни. И вернулась к матери.

Эмильенна с огромным трудом приподнялась на подушке. Она делала руками в воздухе какие-то слабые, судорожные движения, словно пыталась откинуть простыню. Левая нога ее свешивалась с постели. Анна осторожно положила ногу на постель, прикрыла ее. Гримаса исказила лицо больной, обнажив зубы. Из-под морщинистых век потекли слезы.

— Мне больно, Анна... Я больше не могу...

Эта жалобная мольба поразила Анну в самое сердце. Она не хотела больше этого слышать. Никогда!

— Где у тебя болит, мама?

Эмильенна не ответила и со стоном уронила голову на подушку. Казалось, в ней сидел дикий зверь и пожирал внутренности. Хватит! Хватит!.. Анна решительно подошла к столику с лекарствами. Руки у нее дрожали. «Надо действовать — и не медля. Если я буду тянуть, то потом уже не смогу. Она так страдает... Но что я дам ей взамен? Что знаю я о той бесконечной ночи, куда я отправлю ее? Боже, помоги мне!.. Нет, бог тут ни при чем... Я сама... Скорей!» Она схватила ампулу морфия и отпилила кончик. Пальцы ее не слушались, и ампула упала. Часть содержимого растеклась по полу. Анна стала вбирать в шприц оставшееся. Шприц наполнялся

жидкостью. Чистой, прозрачной, смертоносной. Еще одну ампулу. Конец отломан. И вот игла шприца снова втягивает яд. Поршень медленно движется вверх. Рука Анны судорожно сжимает шприц. Только бы не уронить. Еще одну ампулу. Еще одну... Доктор Морэн говорил, что нельзя превышать дозу. Теперь шприц полон, поршень вытянут почти целиком. Ни капельки воздуха. Все готово. Не надо ни ваты, ни спирта. «Прости меня, мама!» Эта фраза прозвучала в голове Анны, и ей показалось, что она сейчас упадет. Скорее вылить содержимое шприца в раковину, все забыть. Нет. Усилим воли она заставила себя склониться над постелью. «Ну давай же... Сейчас, сейчас...» — бормотала она. Взяв руку Эмильенны, она осторожно подняла ее. Рука скелета. Сухонькая, легкая. Анна неотрывно смотрела на желтоватую кожу, нежную и сморщенную, каждый сантиметр которой был ей дороже собственного естества. Она вонзила иглу. Больная даже не вздрогнула. Укол почувствовала сама Анна. До глубины сердца. Она закусил губу, чтобы не разрыдаться. Поршень медленно — до чего же медленно! — выталкивал жидкость. Казалось, этому конца не будет. Она с ума сойдет... Еще несколько капель. Анна вытащила иглу. Ноги у нее подкашивались. Анна поправила голову Мили на подушке, чтобы она лежала посередине.

— Спасибо за укол, — прошептала Эмильенна, не открывая глаз. — Спасибо, дорогая.

Овладев собой, Анна сказала еле слышно:

— Теперь, Мили, все будет хорошо. Надо спать.

— Ладно... Вот, значит, что... Ты хочешь, чтобы я заснула... Дай мне руку... Сожми крепче...

Совершенно разбитая, Анна присела в кресло у изголовья и взяла в ладони узкую безвольную руку матери. Ей вдруг показалось, что на лице Мили заиграла лукавая улыбка. Точно она все поняла, точно все одобрила. Потом эта счастливая гримаса исчезла с ее губ. И началось бесконечное ожидание в тишине и неподвижности, единственными свидетелями которого были вещи. Устремив взгляд на лицо Мили, Анна чувствовала, как медленно немеет ее собственное тело. Мозг ее наливался свинцом. Она забыла про отца, про Лорана. Существовала только она сама и совершенное ею. Эта ночь, видно, никогда не кончится. «Она выглядит сейчас такой спокойной! Достаточно ли я влила морфия? Почему же не наступает смерть? До чего же это долго тянется. До чего невероятно долго!»

А Мили была уже без сознания и храпела, приоткрыв рот. Казалось, в этом тщедушном теле работала машина — но работала с перебоями, прежде, чем остановиться навсегда. Внезапно в горле Эмильенны что-то забулькало, и она издала глубокий вздох. Веки ее приподнялись, глаза выкатились. Рот разверзся. Все кончено. Черты лица застыли. Ни рот, ни глаза уже не закрылись.

— Мама!

Анна упала поперек неподвижного тела. Она рыдала, прижимая к себе эту еще теплую голову, покрывала поцелуями лоб и щеки, которые уже не чувствовали ничего. Немного погодя, овладев собой, она закрыла глаза и рот покойной. Подвязала подбородок салфеткой. Мили обрела, наконец, вид спящей. Избавленной от боли, умиротворенной, исцеленной. Анна снова села в кресло. Прижавшись к спинке, она с недоумением и любовью рассматривала эту безразличную ко всему женщину, которая лежала на постели и для которой, казалось, началась новая эра.

Проснувшись словно от толчка, Анна приподнялась на подушках. Вот уже две недели, как она каждую ночь просыпалась в один и тот же час от одного и того же неотвязного видения. В сотый раз делала она укол в руку Мили. Иголочка вонзалась в кожу. Жидкость медленно покидала шприц. Когда кого-нибудь любишь, сделаешь невозможное, чтобы избавить его от страданий. Даже если потом придется нести бремя страшной ответственности. И теперь, когда страдания Мили окончились,

начались ее страдания, Анны. Не физические, а моральные. И не было такого наркотика, который помог бы ей избавиться от них! Если бы она хоть во что-то верила, то, наверное, не совершила бы этого. Хорошо верующим — они в своей трусости могут в любых обстоятельствах сослаться на церковную догму, позволяющую не принимать решения и избавиться от угрызений совести. Интересно, где она сейчас, своенравная, красивая, прелестная Эмильенна? На кладбище под слоем свежевырытой земли? Или же в некоем пространстве, населенном ангелами, купается в лучах господней благодати, о которой она никогда не молила? Или же осталась здесь, где жила, в сердцах тех, кто ее любил? Да, да, ее присутствие в доме чувствовалось повсюду: ее прикосновение осталось на вещах, ее дыханием был согрет воздух, мысли о ней не выходили из головы. Вся эта страшная комедия с катафалком, заупокойной службой и похоронами не смогла ее убить. Отделенная от них черными драпри с серебряной каймой, она не утратила связи с их повседневной жизнью. А вот отец, подумала Анна, не может это понять. Для него все оборвалось вместе с последним вздохом жены. Его отчаяние при виде покойницы было таким чрезмерным, таким театральным, что Анна даже вспыхнула, чтобы заставить его опомниться. А он вопил, бросался на труп Эмильенны, целовал ее холодные губы, дрожащими руками пытался приподнять ей веки. Потом не давал гробовщикам закрыть гроб. В церкви во время службы он едва не потерял сознание — сидел на стуле как мешок, тупо глядя в пространство, разинув рот. А весь этот ужас на кладбище, когда он рвался к вырытой могиле с криком: «Пустите меня... Я хочу вместе с ней!..» Анна даже теперь со стыдом вспоминала об этом.

Вернувшись домой с кладбища, он заперся в ванной. Там в аптечном шкафчике хранились все лекарства. А он ни за что не желал открывать дверь. Луиза, в глубоком трауре, с опухшими от слез глазами, дрожащим голосом умоляла Анну вмешаться как можно скорее: «В таком состоянии мосье может совершить что-нибудь страшное! Прошу вас, мадемуазель, сделайте что-нибудь!..» Анна и сама в какой-то момент заволновалась, опасаясь худшего, но потом холодно рассудила: нужно бояться горя втихомолку, а не такого, которое выставляется напоказ. И в самом деле, минут через двадцать Пьер вышел из ванной уже в гораздо более спокойном состоянии: он умылся и причесал волосы. Он тихо плакал, а она жалела его, но не без отвращения. В последующие дни он жил как под гипнозом: часами сидел в кресле, устремив взгляд в одну точку, положив руки на колени; за столом едва притрагивался к еде, почти не разговаривал, не раскрывал ни газеты, ни книги. Анна предвидела, что он может впасть в оцепенение. И все же это волновало ее. Что она станет делать, если отец будет все больше погружаться в прострацию? Легко ей критиковать его. Ее-то спасала работа. На другой же день после похорон она вернулась в издательство. И боролась с горем, работая вдвое больше обычного. А он? Возможно, и он сумел бы преодолеть свое отчаяние, если бы у него было хоть какое-то занятие. Только молодые могут ничего не делать с утра до вечера. Вот, например, Лоран... Любой ход мыслей приводил ее к нему. Она даже улыбнулась, подумав, как легко он приходит ей на память. Он был на похоронах. Но с тех пор пропал. Ни разу не заходил, не написал ни слова. Что это было — деликатность или невнимание? Или же она вдруг надоела ему — она и ее семейные дела? Ей почти хотелось этого, настолько их связь казалась ей теперь нелепой и опасной. Она могла бы вновь распалить Лорана, поднявшись к нему в комнату. Но ее все меньше и меньше тянуло к нему. Горе убило в ней мечты и желания. Ей неприятно было даже думать о наслаждении, которое она познала при свете рефлектора. Она чувствовала себя вдруг постаревшей на тридцать лет, достигшей возраста Мили — возраста самоотречения, мудрости и душевного холода. Сейчас она снова заснет, как только избавится от всех этих мыслей. Голова ее вновь погрузилась в подушку, тело бессильно распласталось в потоке простынь, и спокойное течение понесло ее к морю.

Встала она позже обычного. Было воскресенье. На что потратить долгий день? С улицы тянуло свежестью и покоем. Пьер еще спал. Быстро одевшись, Анна вдруг почувствовала невыносимую тяжесть остановившегося времени. И ей показалось, что если она сейчас же не наладит заведенный в доме порядок, шестеренки механизма сцепятся навсегда. Каждое воскресенье, встав раньше всех, Мили отправлялась за горячими рогаликами в булочную. Когда Анна с Пьером — в халатах

— выходили в гостиную, где на карточном столике их ожидал завтрак, в глаза им бросались шесть маленьких золотистых полумесяцев из слоеного теста, лежавших горкой на тарелке. Пьер неизменно восклицал: «О, рогалики!» А Мили неизменно отвечала: «Но ведь сегодня воскресенье!» Иногда с наступлением хорошей погоды она вытаскивала мужа и дочь завтракать на террасу кафе «Две обезьяны». Сидя на солнце лицом к колокольне Сен-Жермен-де-Пре, она запрокидывала голову и прикрывала веки, словно стремилась всеми порами впитать в себя солнечный свет.

Анна вышла из квартиры и осторожно закрыла за собой дверь. Улица Сены, обычно оживленная, была почти пуста работало лишь несколько продуктовых магазинов. Прохожие не спешили. Один направлялся за газетой, другой выгуливал собаку. Анна шла по этому маленькому воскресному миру со странным чувством — у нее было такое ощущение, будто кто-то со стороны направляет ее действия. Все, что она задумала, все, что решила, было задумано и решено за нее. Однако это не воспринималось ею как подчинение кому-то, а скорее как слияние с любимым существом.

Она вошла в булочную и купила четыре рогалика, которые выбрала со знанием дела. Теплые и мягкие, они согревали ей руку сквозь тонкую бумагу. Возвратясь домой, она поспешила накрыть карточный столик в гостиной. Пьер был в ванной. Он вышел оттуда уже одетый, как раз когда она вносила кофейник.

— Что это? — спросил он, вздрогнув.

— Рогалики.

На лице его появилось страдальческое выражение:

— Я не хочу.

Это раздосадовало ее, но она не стала переубеждать отца только смотрела, как он пьет кофе со стоическим, мрачным и оскорбленным видом. При свете дня особенно бросался в глаза беспорядок на диване, превращенном в постель, — измятые простыни, продавленная головой подушка.

— Знаешь, папа, — сказала она, — надо тебе вернуться в спальню.

— Зачем?

— Как зачем? Нельзя же устраивать ночлежку в гостиной! Это неудобно и глупо!

— Но мне здесь так хорошо!

— Там тебе будет еще лучше!

— Нет.

Он упирался в ужасе, точно стоял на краю пропасти. Интересно, подумала она, он предпочитает спать в гостиной, потому что привык или потому, что боится лечь в постель, где умерла его жена?

— Если ты не хочешь возвращаться в свою спальню, тогда я переберусь туда, — сказала она.

— Ну, нет! — запротестовал он. — Я сам туда перееду. Лучше уж...

Анна убрала со стола и занялась наведением порядка. Сначала — придать дивану надлежащий вид. Она сняла простыни, одеяло, подушку, подобрала валявшиеся на полу книги и перенесла все в спальню. Отец следовал за ней по пятам и, сокрушенная качая головой, наблюдал за ее действиями. Вскоре кровать Эмильенны снова стала ложем для живого человека, а не смертным одром. На ночных столиках по обе стороны кровати появились книги, газеты, лупа, коробка с лакричными таблетками. На глазах у Пьера комната стала приобретать мужской характер. Анна ходила по ней, довольная своими преобразованиями. Удалив из

спальни телевизор, она вернула его на прежнее место в гостиной. Затем отворила окно. Холодный воздух и шум нарушили покой воспоминаний. Пьер сморщился, словно присутствовал при святотатстве. Он, конечно, считал, что она действует слишком решительно, даже жестоко. А ее переполняла нежность.

На обед она быстро зажарила небольшой ростбиф с подрумяненной картошкой (вечером его можно будет доесть в холодном виде). Отец взял даже второй кусок. Но ели они молча — едва ли обменялись двумя словами. Выйдя из-за стола, Пьер уселся в кресло. Анна ушла мыть посуду. Когда она вернулась, он спал, опустив голову на грудь. Отчего ему доставляет такое удовольствие изображать из себя старика? Можно подумать, что ему не терпится стать восьмидесятилетним: в шестьдесят лет он уже приобрел привычки, свойственные глубоким старикам. К тому же она не была убеждена, что он действительно спит. Возможно, он просто делает вид, что спит, чтобы показать, сколь мало интересует его окружающая жизнь. Он знал, что его быстрая утомляемость и угнетенное состояние беспокоят Анну, и подыгрывал, чтобы усилить ее тревогу. Она нарочно толкнула стул. Он сразу открыл глаза и глубоко вздохнул, словно удивляясь тому, что все еще находится в мире, где ему не место.

— Пойдешь со мной, папа? — спросила она. — Я хочу прогуляться. Такая чудесная погода!

Голос ее звучал решительно. Он скорчил гримасу, но отправился за пальто.

Небо, пасмурное утром, было теперь ярко-голубое. В прозрачном воздухе голые ветки деревьев, словно на литографии, образовали причудливый узор. Тюильрийский сад был полон разгоряченных детей и закочневших родителей. Анна шагала в ногу с отцом по направлению к Лувру. По дороге они остановились перед одной из статуй Майоля.

— Эти статуи... — пробормотал Пьер. — Твоя мать... твоя мать так их любила!

В дрожащем голосе его звучали слезы. Анна еще раньше заметила, что он не говорит больше «Эмильенна» или «Мили», а выражается высокопарно: «Твоя мать». К чему эта вечная потребность возносить покойную вместо того, чтобы вспоминать о ней просто как о человеке!

— Последний раз, когда мы приходили сюда с ней, — продолжал он, — боже мой, это было через несколько месяцев после операции... Как она себя хорошо тогда чувствовала! Кто бы мог предположить, что так быстро... — Он не закончил фразы. Слезы текли по его носу. На голову статуи уселся воробей. Пьер громко высморкался. — А что если сходить на кладбище? — предложил он вдруг.

— Зачем? Тебе не кажется, что присутствие Мили ощущается скорее здесь, куда ты так часто приходил с ней, чем там, где вы никогда не были вместе?

— Но, Анна, она-то все-таки там!

— Нет, папа.

Он покачал головой.

— А ты ведь даже и траура по ней не носишь!

— Мили бы не потерпела этого.

— И ты ни разу не была на ее могиле после похорон!

— Ну и что же? Да, я не чувствую в этом потребности. Более того, я уверена, что если бы я бегала на кладбище через два дня на третий, как это делаешь ты, я убила бы в себе память о ней. Среди всех этих крестов она сама в конце концов превратилась бы для меня в крест с именем и двумя датами. Ты хочешь именно этого? Я пойду туда, не волнуйся, только позже. Значительно позже. Может быть, в

будущем году, в День поминовения усопших. И принесу горшок с хризантемами — как все...

Продолжая говорить, Анна шла по аллее. Она сознавала, что груба с отцом. Но не сомневалась, что это пойдет ему на пользу. А он уже не возражал, словно отупел под градом ударов. Тогда она смягчилась и спросила, не устал ли он. Он заверил ее, что не устал, и, чтобы развлечь его, она завела с ним разговор о старом Париже. Ей с трудом удалось вытянуть из него (хотя она слышала этот рассказ уже сто раз на протяжении своего детства!), что во времена Людовика XV на квадратном луврском дворе стоял с десяток жалких домишек, которые были снесены лишь после того, как их обитателей, по настоянию главного интенданта королевских сооружений, брата мадам Помпадур, удалось выселить. Произнеся это, он замкнулся в молчании. Он явно сожалел о том, что позволил себе даже этот маленький экскурс в историю.

Солнце скрылось, и сразу стало очень холодно. Они вернулись домой. Анна выпила на кухне стакан сухого вина. Пьер высокомерно отказался последовать ее примеру. Она взяла вышивку и уселась в гостиной, а он стал раскладывать пасьянс на зеленом сукне карточного стола. Обед прошел в мрачной обстановке, как у старых супругов, которым нечего друг другу сказать. По мере того, как шло время, лицо Пьера становилось все более озабоченным. Очевидно, он думал о возвращении в супружескую спальню. Когда Анна пожелала ему доброй ночи, он посмотрел на нее с отчаянием. Точно умолял ее в последний раз избавить его от этого испытания. Она проводила его до порога спальни и закрыла за ним дверь.

На другой день утром, войдя в гостиную, она застала отца на диване — он лежал, поджав ноги, натянув на себя одеяло, голова покоилась на подушке, он мерно дышал, но не спал.

— Прости меня! — сказал он, с виноватым видом поворачиваясь к Анне. — Я не смог!.. Слишком тяжело!.. Но это пройдет... пройдет...

Господин Ферроне так гордился фотографиями, которые он сделал во время поездки по долине Амазонки, что отказывался снять хотя бы одну из них. Напрасно Анна пыталась доказать неуступчивому автору, что нельзя поместить более шестнадцати иллюстраций в книге, не повысив значительно ее цену.

— Ну, уменьшите формат клише, — сказал он, — и тогда сможете поместить их все!

— Нельзя делать иллюстрации слишком мелкими, — возразила Анна, — они не будут смотреться. Получится что-то вроде коллекции почтовых марок. Уверяю вас, в большинстве случаев ваш текст настолько красноречив...

Продолжая разговаривать, она подняла глаза от стола и увидела, что дверь в ее кабинетик приоткрылась. В проеме показалась голова Лорана. Анна смутилась. Точно ветер заколебал ветвь, на которой она сидела.

— Извините, — сказала она господину Ферроне. — Я на минуточку.

Она вышла в коридор, отодвинув в сторону Лорана.

— Как ты похудела! — сказал он. — До чего же у тебя утомленный вид!

— Где ты пропадал все это время? — спросила она.

— После похорон я почувствовал себя лишним. Тебя надо было оставить наедине с отцом и твоим горем, поэтому я на неделю перебрался к товарищам...

— Мог бы оставить мне записку!

— Я думал, что ты и так поймешь...

Зазвонил телефон. За перегородкой раздался треск пишущих машинок.

Мадемуазель Моиз, секретарша господина Куртуа, появилась в коридоре, улыбнулась Анне и исчезла в дверях соседнего кабинета. Одна из машинисток вышла из туалета, оправляя юбку. Безразличный ко всему окружающему, Лоран смотрел на Анну с жадной нежностью.

— Я не могу сейчас говорить с тобой, — сказала она. — Можешь подождать меня в «Старине Жорже»? Я буду там через четверть часа.

— Хорошо, Анна.

Она хотела уйти, но он удержал ее за руку.

— Ты действительно хочешь меня видеть? — спросил он.

— Ну конечно же!

— Тогда можешь не спешить. Я буду ждать тебя, если понадобится, хоть целый день!

Она убежала к себе, где ее ждал господин Ферроне среди своих фотографий. Унесясь далеко мыслью, она с трудом вспомнила, о чем шла речь. Думала лишь о том, как бы скорее закончить разговор, и теперь уже готова была уступить по всем пунктам. Она не сразу находила нужные слова, невпопад улыбалась, то и дело поглядывала на часы. Наконец, скрепя сердце, господин Ферроне согласился отказать от дюжины фотографий-дубликатов. Едва он вышел из кабинета, как она крикнула Каролусу: «Я исчезну на четверть часа!» И умчалась.

Лоран сидел перед маленькой бутылочкой газированной минеральной воды — длинные волосы, квадратная челюсть, грустный взгляд. Прижавшись к нему, она позволила его мягкой теплой ладони прочно завладеть ее рукой. Он сжимал ей пальцы и говорил тихо, приблизив свое лицо к самому ее лицу. Он столько думал о ней все это время! Как она перенесла возвращение после похорон в опустевший дом? Как отец?

— Он показался мне таким несчастным в церкви! — сказал он.

Она была до того взволнована, что не могла даже ответить ему. Какой внешне грубый, а в действительности — какой чуткий! Каждая его фраза подтверждала необычайную широту души.

— А сегодня ночью ты придешь ко мне? — наконец спросил он.

Она была настолько захвачена нежностью, что этот внезапный откровенный вопрос, ставивший точки над «i», подействовал на нее как ушат холодной воды. Ей-то хотелось лишь одного: говорить с ним, отогреться в его присутствии.

— Послушай, Лоран... — неуверенно начала она.

Он прервал ее:

— Как? Ты не хочешь?

— Нет, хочу, — ответила она.

И внезапно лицо Лорана расплылось переднею, как отражение в воде. Она поднесла руку к губам, раздосадованная этими нелепыми слезами, глубоко вздохнула и добавила:

— А теперь мне пора назад, на работу!

Сидя в гостиной перед телевизором, Анна вышивала и слушала концерт. Исполняли скерцо из октета Шуберта. Мрачный, как всегда в последнее время, Пьер отказался составить ей компанию. Он читал у себя в спальне. Однако музыка, наверно, мешала ему. Скоро ли он ляжет спать? Пока он не заснет, Анна не может

уйти из квартиры. А там, наверху, Лоран уже ждет ее. До чего же он был мил в бистро! Это лицо, исполненное нетерпения, прерывистое дыхание, манера подносить стакан к губам... На экране крупным планом показали скрипача со скрипкой, вдавленной в щеку. Мелодия текла с прозрачной веселостью каскада. Пьер вошел в гостиную, постоял, насупившись, прослушал несколько тактов скерцо и вышел, не произнеся ни слова. Через десять минут он вернулся, якобы за газетой, и задержался до конца пьесы. Когда оркестр начал играть один из шести дивертисментов Моцарта, он сел на диван. Анна спиной чувствовала его присутствие — оно тяготило и раздражало ее. Затем стали передавать последние известия, и Пьер остался слушать. Впервые после смерти жены он смотрел телевизионную передачу. Анна взглянула на него. Он был в халате с кашмирским узором, надетом поверх полосатой пижамы. Напряженное лицо отражало тяжелую внутреннюю борьбу. Когда передача закончилась, он поцеловал Анну и спросил, скоро ли она собирается ложиться.

— Я еще немного посижу, — сказала она.

— Хороший был концерт!

— Очень.

— Наверно, мне не следовало слушать его...

— Да что ты, папа!

Наконец, он ушел к себе. Он уже не жаловался, что его осаждают там воспоминания. Анна вздохнула. Какой внезапный перелом произошел в ее жизни! При мысли о том, что она может теперь свободно распоряжаться своим временем, у нее даже появлялось нечто вроде головокружения. Не надо больше делать уколов, подавать судно, готовить сэндвичи, говорить душеспасительную ложь в присутствии дорогого существа, уже находящегося в полузабытьи... Она может и должна заниматься теперь собой. А собой — это значило Лораном. Лораном, который нетерпеливо ждал ее, который надеялся получить от нее больше, чем она могла дать. Сидя в кресле перед выключенным телевизором, с вышиванием на коленях, она вдруг почувствовала, что у нее нет сил. Она уже почти жалела, что согласилась на это свидание, где ей придется притворяться. Так она просидела еще с полчаса. Затем, убедившись, что отец спит, накинула пальто, тихонько вышла и стрелглав помчалась вверх по лестнице.

Дверь в его комнату была приоткрыта. Лоран сидел на кровати и чинил рефлектор, детали которого валялись вокруг него на полу.

— Вот уже час, как я вожусь с этой гадостью! — сказал он. — Должно быть, перегорело сопротивление. Он прекрасно работал и вдруг — на тебе!...

Не выпуская из рук перочинного ножика с отломанным концом, служившего ему отверткой, он потянулся к Анне и легонько поцеловал ее в щеку. Она опустила на стул напротив него. Анну забавляло то, что он так ее встретил. Вот уж этого она никак не ожидала!.. А Лоран, прикусив губу, продолжал работать. Поглядывая из-под свесившейся на глаза пряди волос, он собирал рефлектор винтик за винтиком.

— Дай мне маленькую гайку, вот эту... Спасибо... А проволока-то еле дышит!.. Ну и материал!

В комнате стоял ледяной холод. Анна почувствовала озноб и поплотнее запахнула полы пальто.

— Тебе холодно? — проговорил он. — Черт знает что! Комната столько времени не обогревается!..

На столе Анна заметила жирную бумагу с остатками ветчины и яичной скорлупой. Это он ужинал. Лоран был в толстом шерстяном свитере темно-зеленого цвета. Из рта его шел пар.

— На этот раз заработает! — объявил он.

Он опустился на корточки и включил аппарат. Никакого эффекта. Он встал. Свесил руки и с комическим отчаянием посмотрел на Анну.

— Что теперь будем делать? — пробурчал он.

— Здесь оставаться нельзя, — сказала она. — Слишком холодно. Пошли!

Она столь внезапно приняла это решение, что даже сама удивилась. И потянула Лорана на лестницу. Он постоял в кухне, пока она на цыпочках пробиралась вглубь квартиры. Мирный храп отца за дверью успокоил ее. Тогда она вернулась, взяла Лорана за руку и повела по темному коридору к себе в комнату. Поворот ключа — и она уже была в его объятиях.

— Я люблю тебя! — сказал он. — Я просто болен тобой! Скорее!

И он прильнул к ее рту. По всему ее телу побежали магнетические волны. Это длилось лишь миг, потом он оторвался от нее и стал раздеваться. Она развязала шарф и набросила его на лампу у изголовья, чтобы приглушить свет. И тогда начала раздеваться. Она делала это медленно. Не спуская с него глаз. Он с какой-то яростью срывал с себя в полумраке одежду, как если бы свитер, брюки, обувь, носки были для него лишь обузой, данью условностям, и он спешил поскорее от них отделаться, чтобы появиться, наконец, в своем первозданном виде. Трусы пролетели по комнате белой птицей и упали на комод. Перед Анной, широко расставив ноги, раскрыв ей навстречу руки, стоял во всем своем бесстыдном великолепии обнаженный мужчина — самец. И она, словно зачарованная, смотрела, как он шагнул к ней, этот нежный убийца. Как не вяжутся его по-девичьи длинные волосы с напружинившимся, мускулистым телом! Чего бояться этой встречи, когда все ее естество алчет ласки? Еще секунда — и тела их слились. Счастье пронзило ее с такой силой, словно током ударило, — она еле удержалась от крика. Он отнес ее на постель. Она прикрыла глаза, а его влажные мясистые губы покрывали поцелуями ее плечи, грудь, живот, бедра. Все тело ее трепетало от наслаждения. Она взяла в ладони голову Лорана, притянула ее к губам, покрывала поцелуями это скуластое лицо, зарылась носом в густую шевелюру. В этой игре, от которой порой у нее перехватывало дыхание, она чувствовала себя одновременно и побежденной и победительницей. Жизнь кипела в ней как никогда — с привкусом пота и крови. Словно то, что она столько времени жила рядом со смертью, до предела обострило в ней вкус к наслаждению. Лоран уже придавил ей ноги — еще секунда, и он овладеет ею. В этот момент она услышала шаги в коридоре. Отец!.. С каких пор у нее появился отец? Над ней — глаза Лорана. Обеспокоенный, вопрошающий взгляд. Длинные волосы, ниспадающие вдоль лица. Лоран затаил дыхание. Она улынулась ему. Пусть отец входит в комнату — она не сдвинется с места. Не выпустит Лорана из объятий. Хлопнула дверца холодильника. Шаги удалились. В воцарившейся тишине Лоран улыбнулся ей. Лицо его исказила жестокая гримаса желания. И всей своей тяжестью, всей своей силой он обрушился на нее. Но бешеную сарабанду их тел повела она и, следуя велению плоти, то замедляла, то ускоряла темп, пока все не исчезло в вихре взрыва.

— Лоран, Лоран! Прогнись! Уже семь часов. Скоро придет Луиза.

— Что за Луиза? — спросил охрипший голос.

— Прислуга.

Он отбросил одеяло. Лампа у изголовья осветила голое, набрякшее от сна тело. Анна окинула его взглядом собственницы. В одной руке она держала чашку, до краев наполненную кофе с молоком, в другой — тарелку с двумя большими ломтями хлеба, намазанными медом.

— А ты, — спросил он, — ты не будешь завтракать?

— Буду, позже, — сказала она. — Вместе с отцом.

Он обеими руками взял чашку и прильнул к ней. Поверх широкой чашки видны были лишь его золотистые, блестящие от удовольствия глаза. Затем он накинулся на хлеб с медом. Он откусывал большие куски, забавно вздергивая при этом губу. Мед стекал по пальцам. Он их облизывал. Алчность, с какою он ел, пробудила в Анне желание раздеться и снова лечь в постель. Прижаться к нему, забыть о времени. Она тряхнула головой, словно пытаясь высвободиться из паутины:

— Лоран, скорее!..

Доев последний кусок, он молнией выскочил из-под одеяла и бросился к одежде. Мгновение — и он уже был одет. Ему захотелось ее поцеловать, но она стала отбиваться, борясь и с ним и с собой.

— До вечера, — проговорил он. — Ты придешь за мной?

— Да, да, уходи же скорее!

Она вытолкала его в кухню и открыла дверь на черную лестницу. Снизу несся грохот передвигаемых мусорных бачков. Дом просыпался. Вскоре раздастся звук ключа, вставляемого Луизой в скважину...

Анна закрыла дверь и прислонилась к ней, тяжело дыша. Когда к ней вернулось спокойствие, она тихонько пробралась к себе в спальню и нырнула в постель, надеясь найти там тепло и запах Лорана.

— Ты не можешь немного задержаться? — заискивающе спросил Пьер, отодвигая чашку.

— Исключено, — ответила Анна, — у меня сегодня с утра назначено несколько встреч на работе.

Он вздохнул:

— Тебе везет. А мне вот совсем нечем заполнить дни!..

— Ну, а эта книга — ты не сходишь за ней?

— Да, возможно...

Она поцеловала его и исчезла. Оставшись один, он налил себе еще чашку кофе, машинально вытащил из кармана письмо госпожи Жироде и перечитал его: «Я с большим опозданием узнала о постигшей Вас страшной потере... Поверьте, что в этих трагических обстоятельствах... Часто думаю о Вас... Не знаю, могу ли сообщить Вам, что книга, которую Вы мне заказали, ждет Вас... Если Вам представится случай зайти на этих днях в наш магазин...» Да, он зайдет. Не потому, что ему так уж хочется. Просто приличия ради. Сама книга, которую он так жаждал получить, теперь его почти не интересовала! Со смертью Эмильенны мир вокруг него поблек, потерял краски. Уйдя от него, она унесла с собой свет, освещавший даже самые незначительные предметы. Он выпил глоток кофе, нашел его горьким, но сахар добавлять не стал. К чему? Луиза вошла, чтобы убрать со стола, и с удивлением спросила:

— Как? Мадемуазель уже ушла?

— Да, — со вздохом произнес он. — Она спешила!

Он потупился, давая мутной волне отчаяния подняться из недр души, почувствовал острую боль, потребность в утешении и сказал тихим голосом:

— Я так одинок, добрая моя Луиза! Да это и понятно. Моя дочь слишком молода, чтобы разделить горе человека, погребенного заживо!

— Не думайте так, мосье! — воскликнула Луиза. — Мадемуазель переживает очень сильно, по-своему. На днях, когда мы перебирали вещи бедной мадам, у нее были

красные глаза...

Все вещи Эмильенны были сложены в картонки. Пьер подумал, что ему следовало бы воспротивиться столь поспешной их уборке. Когда Анна объявила о своем намерении, он только заплакал. Она была с ним такая грубая, такая резкая! И такая холодная! Зачем она все убрала? Боялась воспоминаний? Он предпочел бы сохранить платья, пальто, обувь, белье на прежнем месте в шкафу, чтобы, разглядывая их, вдыхая их запах, острее чувствовать свое горе.

— А... а куда же моя дочь положила все эти вещи?

— Отдала их на благотворительные цели, — ответила Луиза.

— Что?!

На свете столько нуждающихся! А мадемуазель такая добрая! Я тоже кое-что получила от нее: черное пальто с меховым воротником нашей бедной мадам, ее коричневый костюм и блузку, которая ей так шла...

— Какую блузку?

— Голубую. Но будьте спокойны, мосье, я никогда не надену ее при вас. Я не хочу причинять вам боль...

Сраженный услышанным, Пьер опустил голову. Значит вся одежда жены роздана кому попало, посторонние люди носят вещи, освященные прикосновением к телу Эмильенны! В храм вторглись и осквернили святыню. А вечером, когда придет Анна, у него не хватит даже смелости осудить сделанное. А впрочем, может, так оно и лучше. Он потерял всякое представление о чем бы то ни было — так ему было плохо... Он попытался вспомнить, когда Эмильенна купила голубую блузку, доставшуюся Луизе. Ах, да, это было года три или четыре назад, перед рождеством. Эмильенна еще была тогда здоровая, красивая, изящная, веселая... И вдруг образ ее застыл. Он не мог вспомнить ничего, кроме фотографии. Напрасно он пытался изгнать из памяти этот квадрат глянцевой бумаги. Луиза унесла тарелки, сняла со стола скатерть. И все-таки Анна могла бы посоветоваться с ним, прежде чем принять такое решение! Как она изменилась после смерти матери! Прежде она всегда держалась в тени Эмильенны. Она всегда держалась в стороне, внимательно следила за всем, со всеми соглашалась, но никогда не вмешивалась в хозяйственные дела. А теперь, когда матери не стало, она решительно заняла опустевшее место. Не было ни междоусобия, ни безвластия. Из рук жены Пьер перешел в руки дочери. Не сопротивляясь, не удивляясь, скорее даже с благодарностью. Он почувствовал, что сейчас разрыдается.

— Луиза, я выйду! — сказал он.

На улице он почувствовал себя лучше. Свежий воздух и движение разорвали тягостную пелену его мыслей. Однако у книжного магазина его ожидало разочарование. Дверь оказалась запертой. Вероятно, госпожа Жироде придет только к трем часам. Вернуться домой? На это у него не хватало духа. Чтобы скоротать время, он зашел в бистро и заказал кофе. Через десять минут он был уже снова на улице. На этот раз магазин был открыт. Но госпожи Жироде не оказалось на месте. Белокурая женщина невысокого роста, с приятными манерами и лучистыми голубыми глазами спросила, что ему угодно.

— Я зашел за книгой, которую мадам Жироде выписала для меня, — сказал он. — «Paris, during the Interesting Month of July, 1815» .

— Я не в курсе дела, — сказала женщина. — Но я попробую найти книгу. В любом случае мадам Жироде должна скоро подойти.

Она стала рыться среди книг, лежавших кипами на длинном столе. Пьер взял одну из них наугад и начал листать. Это была подборка сводок Великой армии. «Мы овладели Штеттином. О русских пока ничего не слышно. Пусть явятся — хоть сто

тысяч. Однако слухи об их выступлении — пустая болтовня. Они не осмелятся выйти нам навстречу...» Тут явилась госпожа Жироде, худенькая, бледненькая, сильно напудренная, и рассыпалась в извинениях и соболезнованиях. Не было ли с ее стороны нескромным послать ему письмо? Пьер уверил ее, что, наоборот, он был этим очень тронут. Она представила его своей новой продавщице Элен Редан.

— Я просто физически не в состоянии больше управляться одна в магазине. Вот я и попросила мою племянницу мадам Редан помочь мне.

— Мне придется столькому учиться! — улыбнувшись, заметила госпожа Редан. — Я не имею никакого представления об исторических публикациях...

— Ты быстро войдешь в курс дела, моя дорогая, — успокоила ее госпожа Жироде. — Покупатели здесь люди не случайные. Это скорее друзья — верно, мосье Предайль? Сейчас пойду поищу вашу книгу.

А через минуту она уже вручала ему тоненький томик в красном сафьяновом переплете с широким золотым тиснением. Пьер осторожно взял книгу в руки, открыл ее и с наслаждением прочел титульный лист. Под фамилией автора «У. Д. Феллоу, эсквайр» — черно-белая гравюра, портрет Наполеона I. На полосе слева — в цвете — профили герцога Беррийского, герцога и герцогини Ангулемских, графа Артуа и Людовика XVIII. Книга была написана в виде писем на английском языке, на первом из которых стояла дата — 8 июля 1815 года. Полистав страницы, Пьер убедился, что автор, как он того и ожидал, описывал жизнь Парижа по время оккупации города союзниками — простым, доступным для понимания языком. Он подумал о том, какое удовольствие доставит ему чтение этой книги, и тотчас удивился, что у него могла появиться такая мысль.

— Это та самая книга, которую вы разыскивали? — спросила госпожа Жироде.

— Совершенно верно, — ответил он. — И притом — в прекрасном состоянии!

— Я ее просмотрела. Мне показалось, что в ней масса забавных наблюдений! Теперь, когда у вас собрана такая документация, вы сможете воссоздать Париж, каким его видели иностранцы, и я уверена, с немалым количеством пикантных деталей!

— Да, да, конечно, — сказал он. — Если бы к тому же у меня был писательский дар...

— Мосье Предайль поистине ходячая энциклопедия, — заметила госпожа Жироде, обращаясь к племяннице. — Он знает наш квартал, как никто другой. Это он, например, рассказал мне, что Тальма жил в бывшем особняке Ларошфуко, где теперь проходит улица Изящных Искусств...

— В самом деле? — воскликнула госпожа Редан.

— Там жил также Давид, — продолжал Пьер, — и Себастьян Мерсье... Немного дальше, в доме номер двадцать шесть, находилось кабаре «Маленький мавр». Туда принесли поэта Сент-Амана в тысяча шестьсот шестьдесят первом году, когда его избili на Новом мосту сторонники принца Кондэ, которого он высмеял в песенке. Там он и скончался от полученных побоев. Когда-то двор этого дома служил местом дуэлей...

— А правда, что здесь где-то неподалеку жил Расин? — спросила госпожа Редан.

— Да, только не на улице Сены, а на улице Висконти. Он поселился там к концу жизни с женой и всеми своими детьми. Там и умер от дизентерии, а также от абсцесса печени. А может быть, от горя, что потерял расположение Людовика Четырнадцатого!

Пьер мог немало порассказать о последних годах жизни Расина. Но он как-то не решался продолжать. Однако обе женщины, пораженные его познаниями, были

явно готовы внимать ему и дальше. Он выпятил грудь. Дома с ним не считались. А здесь его слушали, уважали. И он охотно стал описывать квартиру Расина, о которой читал в нескольких специальных трудах: его рабочий кабинет, сарай, где стояла его карета и кресло на колесиках, конюшню, где держали пару лошадей...

— Как интересно! — промолвила госпожа Редан.

Он скромно улыбнулся.

— А знаете, — сказал он, — я хотел бы работать у кого-нибудь вроде Рошегюда или Ленотра, носиться по улицам, опрашивать владельцев домов или привратниц, толкаться у нотариусов, перебирать старые документы, письма, восстанавливать историю каждого дома...

И он уже видел себя в роли страстного исследователя, роющегося в архивах, ничем не связанного с реальным миром и окруженного уважением знатоков. Он упустил свое призвание. Не слишком ли поздно в шестьдесят лет все еще мечтать об этом? В магазин вошел покупатель, и госпожа Редан направилась к нему, а госпожа Жироде украдкой стала наблюдать, как она его обслуживает.

Пьер охотно побыл бы еще немного с госпожой Жироде, но боясь надоесть ей, решил уйти. Заплатив за свою покупку (триста пятьдесят франков — безумие!), он вышел на улицу с книгой под мышкой. Он был до того упоен своим приобретением, что не чувствовал под собой ног. Вернувшись домой, он с гордостью обозрел застекленный шкаф в гостиной, где хранились его книги о старом Париже. Все самое интересное, что он знал, стояло там на полках. Целые исторические эпохи, вереницы персонажей — глухой отголосок дней, давно канувших в вечность. Как мог он столько времени не интересоваться всем этим? Только прошлое может служить утешением в настоящем. Томик, который он сейчас приобрел, — бесспорно один из самых любопытных в его коллекции. Он повертел его в руках, вдохнул его запах и погрузился в чтение. Время от времени он обращался к помощи англо-французского словаря. Описание парада союзных войск на Елисейских полях вызвало у него улыбку. Он решил, что непременно перескажет все госпоже Жироде при следующем посещении магазина. Внезапно раздавшийся телефонный звонок оторвал его от толпы зевак, глазевших на маршировавшую шотландскую гвардию. Он снял трубку, уверенный, что это звонит Анна — хочет предупредить, что не вернется к ужину. Она теперь часто вечером уходила куда-то с друзьями. Что это были за друзья? Он не решался спросить. Она бросала его и уезжала. Что ж, вполне понят но! Он ведь такой скучный! Во всяком случае, ей скучно с ним... Но на другом конце провода раздался мужской голос. Звонил Шарль Клардье. Он не подавал о себе вестей со времени похорон. После обычных дружеских приветствий он пригласил Пьера на бридж в следующее воскресенье. И Пьер, к собственному удивлению, ответил:

— В воскресенье? Хорошо, старина... В какое время?

Анна со всей суровостью посмотрела на него.

— Послушай, папа, — сказала она, — но ведь это же просто нелепо! Ты то и дело меняешь решения! Клардье рассчитывают на тебя сегодня. Нельзя же отказываться в последнюю минуту! Ты им сорвешь игру!

— Я так жалею, что принял приглашение! — сказал он со вздохом. — Они застали меня врасплох. Тебя ведь не было дома. А Клардье так настаивал, что я не сумел отказать ему. Ты действительно думаешь, что если я позвоню им и откажусь...

Она покачала головой:

— Нет, отец, нельзя.

Он откусил кусочек рогалика, прожевал его.

— Ты же знаешь, что они исключительно из жалости пригласили меня. Раньше они

приглашали нас из-за твоей матери. А я ходил с ней. Играл я редко. Я никогда не считался у них хорошим игроком в бридж. К тому же и бридж и остальное без нее — ничто, ничто, ничто!..

— Ну что за глупости ты говоришь! — оборвала его Анна, нахмутив брови. — Клардье тебя очень любят. Может быть, даже больше, чем маму. И ты это прекрасно знаешь. Но у тебя просто мания жаловаться и принижать себя...

Кофе с молоком остыл. Он допил его до дна. Во рту остался вкус сахара. На тарелке у Анны лежал несъеденный второй рогалик.

— Ты не хочешь больше? — спросил он.

— Нет.

Он взял рогалик, намазал маслом, задумчиво, без удовольствия сжевал его и пробормотал:

— Я так часто ходил туда играть с твоей матерью. Сидеть у них в гостиной без нее, с картами в руках, видеть сочувствующие лица Клардье — ах, как это будет трудно!

— Вначале, возможно, — сказала Анна. — А потом, я уверена, что ты будешь рад возобновить эту привычку. Поверь мне, Мили слишком любила жизнь, и будет неправильно, если ты станешь от всего отказываться!

Слова дочери глубоко взволновали его. Анна сразу стала ему намного ближе.

— И все же я предпочел бы провести вечер с тобой, — сказал он. — Пошли бы погулять...

— Но ведь льет дождь!

— В таком случае мы посидели бы дома, поболтали. Ведь нам так хорошо вместе, правда?

Он взял ее за руку. Она поднялась из-за стола и нежно обняла его.

— Правда, папа.

— Я тебе не надоел?

— Почему ты должен мне надоест?

— Не знаю... У меня всегда такое впечатление, что я мешаю, как старая рухлядь...

Она улыбнулась:

— Опять ты за свое!

Он посмотрел на нее снизу вверх и нашел необыкновенно хорошенькой. Глаза светились, на щеках румянец.

— А тебе не хочется пойти со мной к Клардье? — спросил он.

Она снова стала серьезной.

— Нет, у меня здесь много дел.

— Каких же?

— Надо навести порядок в доме. Луиза совершенно не умеет этого делать. В шкафах все свалено как попало! Ты видел, в каком состоянии маленькая комната? Туда просто не войти, до того она завалена! Ну и к тому же, тебе надо привыкнуть обходиться без меня.

— Но я этого вовсе не хочу!

Она стояла перед ним и теперь положила обе руки ему на плечи.

— А я хочу. Для твоего же блага, для блага нас обоих.

— Ох, Анна, не говори так! Если ты меня покинешь, то я... я, наверно, покончу с собой! Я не смогу жить без тебя!

Она рассмеялась:

— С чего ты взял, что я тебя покину?

— Ну, кто знает, что может случиться...

— Я-то знаю, — сказала она.

Он почувствовал гордость оттого, что у него такая дочь.

— Я выйду купить чего-нибудь к обеду, — заявила она.

— Не покупай ничего для меня: я совсем есть не хочу.

— Как всегда! — сказала она. — А сядешь за стол, будешь есть за четверых!

Она погладила его по волосам. И он прижался головой к ее бедру.

— Ты знаешь, который сейчас час? — шепотом спросила она.

— Нет, — ответил он и даже не шевельнулся.

— Пять часов.

— Ну и что же? Разве твоему отцу уже пора возвращаться с бриджа?

— Нет еще!

Она выскользнула из постели, почувствовала сразу холод и поспешно натянула халат.

— Ты куда? — спросил он.

— В гостиную. Ты придешь?

Через некоторое время он вошел в гостиную уже одетый. Печальным взглядом осмотрел все вокруг.

— Прекрасная мебель, прекрасные книги, прекрасный ковер! Тебя не тошнит от этой банальной добропорядочности?

— Без тебя — да! — ответила она.

— Я не мог бы жить здесь. Даже есть телевизор. Ты смотришь телевизор по вечерам?

— Когда бывают хорошие передачи.

— Невероятно!

Он расхаживал по комнате, трогал безделушки, похлопывал по спинкам кресел. И вдруг схватил вышивку Анны, валявшуюся на комод.

— Ты этим занимаешься?

— Да.

— Совсем как моя мать! До чего же она мне осатаневала этой своей канвой и цветной шерстью!

— Но, Лоран, ты от всего осатаневаешь! — возразила Анна. — И ничего не признаешь! Ты не выносишь даже, когда я тебя о чем-то спрашиваю!

— А что именно тебе хотелось бы знать?

— Расскажи мне немного о себе, о твоей семье...

— Опять! Но это же неинтересно!

— Мне — интересно.

— В моей семье я чувствую себя точно среди чужих, я там задыхаюсь! Добропорядочные люди с узким кругозором, провинциальные буржуа, опутанные нелепейшими предрассудками...

— А твои брат и сестра?

— Такие же, как родители, только моложе!

— Чем они занимаются?

— Брат помогает отцу в аптеке.

— Аптекарь — какая хорошая профессия!

— Бакалейщик — тоже! Кстати, моя сестра тоже встанет за родительский прилавок, как только закончит учение. А пока она умудрилась обручиться с таким длинным болваном, который готовится стать доктором права. Наверно, подождет, пока он получит диплом, а уж тогда будет спать с ним. Во всяком случае, раньше ни за что не выйдет за него замуж! Этакая мещанская ограниченность!

— Ограниченность — это у тебя, хоть ты и отвергаешь все условности! — сказала она. — Но рано или поздно и тебе придется чем-то заняться в жизни!

— Я об этом подумаю, когда мне надоест ничего не делать!

Она рассмеялась.

— Я люблю, когда ты смеешься, — сказал он, приблизив к ней лицо так, что она почувствовала его дыхание.

В это время зазвонил телефон. Анна сняла трубку — голос Марка.

— Я тебе так давно не звонил, — сказал он, — Ты, наверно, уже не понимала, в чем дело!

— Да, — сказала она неопределенно.

— Я был в Румынии. Ну, как же ты поживаешь?

— Хорошо.

— А твой отец?

— Он тоже, — ответила она. — Во всяком случае, насколько это возможно...

Разговаривая, она наблюдала за Лораном — тот враскачку пересек комнату и взял отводную трубку. Она улыбнулась и слегка ударила его по пальцам. Но он не выпустил трубки, а лишь поудобнее прислонился к стене.

— Ты не свободна сегодня вечером — чтобы поужинать со мной?

— Нет, сегодня я не могу...

— А когда же? Может быть, завтра вечером?

— Тоже не могу.

Лоран смотрел на нее саркастическим взглядом. Этот контроль вызвал у Анны чувство досады и раздражения. Внезапно он протянул руку, взял ножницы из рабочей корзинки, где лежало вышивание, и сделал вид, будто намерен перерезать телефонный шнур. Анна пожала плечами.

— Если хочешь, мы можем пообедать завтра, — сказала она.

— Мне хотелось бы провести с тобой вечер, — возразил Марк. — Ну хорошо, давай пообедаем. Как всегда, в нашем ресторанчике на улице Сен-Бенуа?

— Да.

Лоран, продолжая держать трубку возле уха, пощелкал лезвиями ножниц.

— Мне столько нужно тебе рассказать, — продолжал Марк.

— Отлично, — ответила Анна.

— Так до завтра, Анна. Целую тебя.

— Я тоже.

Она повесила трубку. Лоран уже не улыбался. Лицо его стало каменным.

— Кто это был?

— Марк.

— Твой бывший муж?

— Да.

— Почему ты с ним встречаешься?

— А почему бы мне с ним не встречаться?

— О чем вы будете завтра разговаривать?

— Как всегда — о его работе, о моей, о наших общих знакомых, о его поездке: он только что вернулся из Румынии. Мы ведь остались друзьями.

— Я запрещаю тебе встречаться с ним! — со страдальческим видом в исступлении воскликнул он.

— Ты ничего не можешь мне запретить, Лоран, — сказала она.

У нее было такое впечатление, что она говорит с плохо воспитанным ребенком. Никогда еще она так остро не чувствовала разницы в их возрасте. Семь лет. Ужас! Он изо всех сил хватил кулаком по столику.

— Тебе нравилось спать с ним? — спросил он глухо.

Она не ответила. Он грубо схватил ее за плечи.

— Нравилось? — повторил он. — С ним было лучше, чем со мной?

Он спрашивал, впившись в нее взглядом, чуть не касаясь губами ее рта. Она всем телом чувствовала, как он напрягся и дрожит, сгорая от нетерпения. Руки не слушались его — он неуклюже распахнул полы ее халата. И уткнулся головой ей в

плечо, затем в проем между грудей, в низ живота. Опустившись на колени, он вдыхал запах ее кожи, покусывал, впивал ртом. Она теряла голову от наслаждения. Он опрокинул ее на диван и ринулся на нее. Лучше бы он разделся. Но ему не терпелось овладеть ею. Она сказала: «Не надо». Но так или иначе было уже поздно. Он отвалился на бок, измотанный, без сил. Она лежала, слегка раздосадованная, прислушиваясь к неутихавшему в ней волнению. Зазвонил телефон.

— Опять! — вскричал Лоран.

Он вскочил и опередив Анну, схватил трубку. Еще на расстоянии она услышала журчание женского голоса. Лоран молча протянул ей трубку.

— Алло, Анна? Здравствуйте, дорогая. Это Ивонна Клардье... Да... Мы оставляем вашего отца у нас на ужин. Может быть, и вы к нам присоединитесь?

Инстинктивно она прикрыла халатом обнаженную грудь.

— Нет, это невозможно, — сказала она. — Но я очень рада за отца.

— Ну что ж, тогда в другой раз, Анна.

Лоран, умиротворенный, сел на диван. Она присоединилась к нему. Он обнял ее за плечи.

— Побудь со мной, — сказал он. — Я так несчастен! Мне бы хотелось запереть тебя в шкапулку и всюду носить с собой. Ты завтра идешь на работу?

— Ну, конечно!

— И ты будешь работать с этими двумя парнями, которых я видел тогда с тобой на улице?

— Да, — сказала она, — с Брюно и Каролусом. Отличные ребята. Талантливые, с выдумкой... Я бы так хотела, чтобы ты был на их месте!

— А они, ты думаешь, не хотели бы быть на моем? — спросил он, чмокнув ее за ухом.

— Что ты придумываешь? Они меня даже не замечают!

— Но ты-то их замечаешь. Ты только что сказала, что в восторге от них!

— Послушай, Лоран, ты меня злишь...

— Но пойми меня, Анна...

Она закрыла ему рот поцелуем. Он выбрал пластинку в альбоме, лежавшем в изножье дивана, и поставил ее на проигрыватель. Это была «Баркаролла» Шопена.

Они сидели рядом и слушали музыку. Комната медленно погружалась в темноту. Лицо Лорана превратилось в большое бледное пятно. Рука его конвульсивно сжимала руку Анны.

Столик стоял в стороне, у окна с мелким переплетом, застекленного как бы толстыми бутылочными донышками. Молчаливый официант налил ароматное вино в бокалы и удалился. Зажаренное на углях, благоухающее мясо обнажало под ножом нежно-розовое нутро.

— Мясо здесь просто великолепное! — промолвил Марк.

Анна весело кивнула в знак согласия: рот у нее был полон. Тайна, которую она носила в себе, несомненно, обостряла ее восприятие радостей жизни.

— Ну, какие у тебя впечатления от Румынии? — спросила она.

— Весьма сложные, — ответил Марк. — Это, конечно, социалистическая страна, но со своими особенностями. Отель, в котором я жил, был буквально забит европейскими и американскими бизнесменами. Трудно даже представить, как стараются Соединенные Штаты там закрепиться... Идет бешеная конкуренция... А возможности — огромные...

Внезапно Анна перестала его слышать. Похолодев, с замирающим сердцем, смотрела она на Лорана, медленно приближающегося к ней. Он, наверно, обследовал все рестораны на улице Сен-Бенуа, прежде чем попасть сюда. Искривленное лицо его было смертельно бледно, глаза — как у помешанного. На плечах — черная куртка. Он встал перед столиком, широко расставив ноги, заложив за пояс большие пальцы рук. Воцарилось напряженное молчание. Во взгляде Анны был протест, осуждение, приказ уйти.

— Здравствуй, Анна, — произнес наконец он. — Можно присесть?

— Нет, — отрезала она голосом, дрожавшим от гнева.

— Почему? — с удивлением спросил он. — Я тебе мешаю?

— Да, очень.

Брови Лорана дрогнули. Снедаемый гневом, отчаянием, презрением, он тяжело дышал, раздувая ноздри. Глаза его сверкали.

— Ты могла бы, по крайней мере, меня представить, как того требуют правила хорошего тона! — сказал он. — Не хочешь? Прекрасно, я сделаю это сам.

И, повернувшись к Марку, добавил:

— Меня зовут Лоран. А вы — Марк, бывший муж Анны, верно? Вы вряд ли что-либо слышали обо мне. А я о вас много слышал. Я знаю от Анны, что вы остались с ней в отличных отношениях. Друг, почти брат! Трогательно.

Анна исподтишка бросила взгляд на Марка. Он спокойно улыбался, поглаживая кончиками пальцев бокал.

— Кстати, я именно таким вас и представлял, — продолжал Лоран, повышая голос. — Человек с положением, преуспевающий, солидный. На такого можно опереться. А тебе повезло, Анна! Конечно, когда ты сравниваешь меня с этим мосье...

Задыхаясь от стыда и бессильной ярости, Анна еле слышно пробормотала:

— К чему ты клонишь, Лоран?

— Ты не догадываешься, нет? — пробормотал он.

В его горящих глазах была мольба. К ней взывал нищий, жалкий, безответный. Он молча призывал ее воскресить в памяти воспоминания о проведенных вместе ночах. Но она, нимало не смущаясь, отклонила его мольбу. Тогда злобная гримаса вдруг исказила лицо Лорана. И, упершись обеими руками в стол, он едко произнес:

— Мы вчера забыли условиться. Я хотел бы знать, ты придешь ко мне сегодня ночью или мне прийти к тебе?

— Хватит, Лоран, — сказала она. — Убирайся!

— И ты думаешь, я послушаюсь тебя? Точно покорная собака! А где награда?

Он явно издевался. Марк дотронулся до руки Анны.

— Позволь мне выпроводить этого любезного молодого человека за дверь! — сказал

он.

— Нет, — сказала Анна, вставая. — Он будет только рад устроить спектакль. Лучше я уйду. И, пожалуйста, не провожай меня, Марк. Я позвоню тебе вечером.

Говоря это, она надевала пальто. Официант поспешно подскочил и отодвинул столик. Она вышла с пылающими щеками, чувствуя позади себя, за спиной, присутствие Лорана. Он явно следовал за ней. Она шагала по улицам, не глядя, куда идет, лишь стремясь унять бушевавшие в душе страсти, — от них перехватывало дух и бешено билось сердце. На бульваре Сен-Жермен она попали в водоворот разгулявшихся парней и девчонок. И тут, обогнав ее, Лоран неожиданно преградил ей дорогу. Он стоял перед ней в распахнутой куртке, сверля ее взглядом.

— Ты что, в самом деле думала, что я позволю тебе обедать с этим типом и крутить шуры-муры? Плохо же ты меня знаешь, Анна!

— Я тебя уже достаточно хорошо знаю, — сквозь зубы сказала она. — Знаю, какой ты бесхарактерный, грубый, эгоистичный и самовлюбленный дурак! Жалкий мальчишка — вот и спи с девчонками своего возраста! Никакой деликатности, ни глубины чувства, ни стыда! Ничтожество... мразь!

Он схватил ее за руку. Она высвободилась.

— Не трогай меня!

И ударила его по щеке. С такой силой, что почувствовала боль в плече. Зачем она это сделала? Лоран был ошеломлен и подавлен. Анна поднесла руку ко рту. Глаза ее застлала пелена слез. Он бросился от нее прочь.

— Лоран, послушай!.. — крикнула она.

Но он уже бежал по мостовой, петляя между машинами. Прямо на него мчался мотоцикл. Зажмурившись, Анна увидела его на земле, в луже крови. Но нет — вот он уже на противоположном тротуаре, мчится — куртка нараспашку, длинные, как у индейца, волосы развеваются на ветру. Секунда — и он затерялся в толпе. Прохожие, которые присутствовали при разыгравшейся сцене, глазели на Анну с насмешливым любопытством. Силы вдруг оставили ее — она заплакала и пошла. Кто-то дотронулся до ее руки. Она обернулась — Марк.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Он привел ее в бистро. Там почти никого не было. Они сидели за столиком в глубине зала — перед каждым чашка с черным кофе — и молчали. В телефонной будке за матовым стеклом кто-то без конца говорил. Мужчина или женщина? Лишь какая-то тень, время от времени шевелившая плечами.

— Прости меня, — сказала Анна. — Все было так безобразно!

— Ты живешь с ним? — мягко спросил Марк.

— Да.

— И любишь его?

Анна молчала. Он взял ее за руку. Она так нуждалась в поддержке, что это прикосновение растрогало ее до слез.

— Ну, конечно, любишь, — продолжал Марк. — Но мне кажется, не очень это удачная затея. Он же сумасшедший!

Она согласно кивнула.

— И что же ты собираешься делать? — спросил он.

— То, что произошло сегодня, должно было произойти. Теперь между нами все кончено. Я не хочу больше слышать о нем. Поставлю крест на этой печальной истории. А сейчас мне пора. Надо возвращаться на работу.

— Хочешь я тебя провожу?

— Да, Марк.

— А что, если мы поужинаем сегодня вместе?

— Нет, мне надо побыть одной. Но позже... Я тебе обещаю...

— Я буду звонить тебе каждый день, — сказал он.

Анна улыбнулась ему. Она чувствовала, что избавилась от тяжелого бремени — ей было одновременно легко и грустно, — словно промчался смерч, перевернул все вокруг нее, и она не знала, как шагать в этой непривычной обстановке. Однако на улице все было по-старому — и люди и дома. Марк вел ее под руку. Она прижалась к его плечу.

— Очень сожалею, мосье, — сказала госпожа Редан, — но моя тетушка больше не бывает по утрам в магазине. Она плохо себя чувствует. Может быть, я могу быть вам полезной?..

Без старой хозяйки магазин Коломбье потерял половину своей прелести. Пьер колебался. Прошелся взглядом по большому столу, заваленному книгами.

— Нет, нет, не обращайтесь на меня внимания, — сказал он. — Я сам пороюсь в книгах.

Она вернулась к покупателю, раздумывавшему, какую из книг о северном пригороде Парижа лучше взять — ту, что подороже, или ту, что подешевле? Просматривая книги, которые лежали на большом столе — почти все они были ему известны, — Пьер с интересом слушал разъяснения продавщицы. У нее был приятный мелодичный голос, говорила она легко и непринужденно. Она вовсе не стремилась заставить покупателя приобрести дорогую книгу — наоборот, пыталась убедить его в том, что менее дорогое издание содержит, пожалуй, более интересный материал.

— Конечно, в этом томе нет цветных иллюстраций, которые есть в другом, да и внешне он менее презентабелен, но как справочный материал для работы...

Кончилось дело тем, что покупатель приобрел оба тома. Когда он вышел, Пьер поздравил госпожу Редан: она поистине обладает даром убеждения.

— Не издевайтесь, пожалуйста надо мной! — улыбнулась госпожа Редан. — Я с трудом скрываю свое невежество!

Не станете же вы уверять меня, что вы новичок в этом деле!

— И да, и нет. Я, конечно, давно работаю в книжной торговле. Но до сих пор занималась только новинками. А это — совсем другое!

— И вы сожалеете о том, что теперь вам приходится заниматься другим?

— Вовсе нет!.. Просто я не чувствую себя на высоте положения... Не знаю, вытяну ли я... Мадам Жиродэ такая удивительная женщина! Разве я сумею ее заменить?.. Хотя, конечно, сейчас ей просто необходимо, чтобы подле нее был человек, которому она доверяет...

— Мне кажется, я знаю ее вечно. Она очень пожилая, не так ли?

— Семьдесят восемь лет! А какая память, какой организаторский дар, какая поразительная ясность мысли! Взгляните хотя бы на это!

Она достала из-под кассы большую регистрационную книгу в черном коленкоровом переплете и раскрыла ее перед Пьером. Там в алфавитном порядке значились все ее основные покупатели. Под фамилией госпожа Жироде отмечала, какие исторические темы интересуют каждого клиента; а также какие книги и когда она ему продала.

— Поразительно! — воскликнул Пьер.

— Только не говорите тете, что я вам ее показала!

— Вы позволите?..

Пьер листал книгу; он проникал в библиотеки неизвестных ему людей и открыл, что один из любителей старины собирает труды о пытках в разные века и в разных странах, другой — историю военных хитростей, третий — памфлеты против Мазарини. Сам он числился под буквой «П» как «страстный любитель и знаток старого Парижа, особенно первой половины XIX века». А после этой лаконичной характеристики значились все его приобретения. Он передал алфавитную книгу госпоже Редан и спросил:

— Вы много читаете?

— Очень! — ответила она. — Это моя страсть. Но не романы, а главным образом биографии.

— В таком случае я спокоен! Вы не только не уйдете из этого магазина, но все больше и больше привяжетесь к нему! И потом, ваша тетья не доверила бы вам этой работы, если бы не подозревала о ваших способностях!

— Моя тетушка еще и мой лучший друг. Кроме того, она крестная мать моего сына!

— А у вас есть сын? Наверно, совсем еще мальчик! — добавил Пьер.

Она подняла глаза к потолку.

— Ему двадцать пять лет. Он инженер-агроном. Сумел устроиться на работу в Чили и там женился на прелестной местной девушке. С прошлого года я стала бабушкой, но знаю свою внучку только по фотографиям!

Пьер в уме вычислил, что госпоже Редан, должно быть, лет сорок пять. Эти пепельно-светлые волосы, этот живой взгляд голубых глаз...

— А чем занимается ваш муж? — осведомился он.

— Я уже давно с ним в разводе.

Он подумал, что, вероятно, совершил оплошность, задав ей этот вопрос. Но госпожа Редан непринужденно улыбалась, приводя в порядок книги на столе.

— А у вас, кажется, есть дочь? — спросила она.

— Да, к счастью. Мы живем вместе. И она помогает мне переносить горе. Но совсем не понимает меня. Она хочет, чтобы я встряхнулся, снова активно включился в жизнь...

Госпожа Редан отошла обслужить очередного покупателя. На этот раз она быстро с ним расправилась и, возвратясь к Пьеру, наградила его веселым, искрящимся взглядом. Должно быть, у нее ровный характер и цветущее здоровье, подумал он. Теперь уйти, ничего не купив, было бы неприлично. И пораздумав немного, он выбрал любопытный «Свод обычаев Иль-де-Франса», целиком написанный от руки неким господином Шарра, бывшим версальским актуариусом. Томик стоил пятьдесят семь франков. Совсем даром. Госпожа Редан завернула книгу в голубую бумагу. У нее были изящные руки с ухоженными ногтями. Пробыло двенадцать, и

она объявила, что закрывает магазин на обед. Пьер вышел вместе с ней и постоял, наблюдая, как она опускает предохранительную решетку и поворачивает ключ в замке. На ней был непромокаемый плащ, подбитый коричневым мехом.

— А когда вы откроете снова? — спросил он.

— В три часа.

— В таком случае, может быть, у вас есть время зайти чего-нибудь выпить?

Она посмотрела на него с удивлением, улыбнулась и проговорила:

— С удовольствием.

Он не ожидал, что госпожа Редан согласится, и тут же упрекнул себя за то, что пригласил ее. В кафе он почувствовал себя еще более неловко. Точно приглашение исходило не от него и ему пришлось подчиниться. Она заказала себе пастис — напиток, который, по его мнению, вовсе не подходил для благовоспитанной и скромной дамы. Он взял сухого вина и тут же подумал о дочери. Что, если бы Анна увидела его в бистро с этой незнакомой женщиной, увидела, как он смотрит на нее и принужденно, из любезности, поддерживает беседу!.. Какой бес толкнул его на это? Пока он находился с госпожой Редан в книжном магазине, все шло нормально. Но теперь, когда вокруг не было книг, он не знал, о чем с ней говорить. Он почувствовал себя виноватым, и ему сразу стало с ней скучно.

— Вы живете где-то здесь, неподалеку? — спросил он.

— На авеню Ла Мотт-Пике. От «Одеона» туда идет прямая линия метро. А вы?

— Совсем рядом, на улице Сены.

— Трудно представить себе лучшее место для человека, влюбленного в старый Париж! Вы, наверно, настолько погружены в увлекательные истории прошлого, что и не видите событий сегодняшнего дня, того, что происходит в окружающей вас жизни!

— Что вы! Я вовсе не пустой мечтатель. Я с интересом слежу за происходящим, как и все мои соотечественники...

— А что вы любите, помимо чтения?

Он медлил с ответом, потом сказал:

— Люблю музыку, прогулки, хожу в музеи, играю в... бридж.

— Я тоже иногда играю у друзей в бридж. Но у меня нет к этому призвания...

— Да и я не из сильных игроков...

По мере того, как текли минуты, он со все возрастающим беспокойством думал об Анне, которая, конечно, уже вернулась с работы и ждет его обедать. Она, конечно, не понимает, куда он мог запропасться. Как объяснить ей свое опоздание? Еще немного и он обвинил бы госпожу Редан в том, что по ее милости он попал в столь сложное положение. Он уже не находил ее ни привлекательной, ни умной. А она маленькими глоточками пила пастис. Не мог же он оборвать разговор и подняться. Но неужели у нее нет никаких обязательств в жизни? Интересно, в какое время она обедает? Уж не думает ли она, что он пригласит ее в ресторан? Ведь он же ясно сказал: «Не хотите ли чего-нибудь выпить?». Он начал нервничать. Руки у него покрылись испариной. А госпожа Редан рассказывала об экскурсии, с которой она в прошлое воскресенье ездила в замок Фонтенбло:

— Было довольно интересно, только вот гид словно отвечал заученный урок. Когда я сравниваю его бесстрастное повествование с тем, как вы горячо и живо рассказывали прошлый раз о старых домах вашего района!..

Ему это было очень приятно, и в то же время он почувствовал приближение опасности. Сейчас его поймают на крючок. Он весь сжался.

— Я уверена, что вы иногда гуляете с дочерью по самым старым улицам Парижа, проводя ее через века, рассказываете ей историю людей и зданий, — продолжала госпожа Редан.

— Да, случается, — пробормотал он.

— Как я ей завидую! — вздохнула госпожа Редан.

— Как-нибудь, если вы пожелаете, я с удовольствием составил бы вам компанию... — начал он.

По его представлениям, этого требовала обычная вежливость. Не мог он не предложить ей такой прогулки после того, что она сказала. Но он ужасно расстроился, когда она ответила согласием.

— Вы очень любезны, — сказала она. — Мне не хотелось бы показаться назойливой. Но если вам придет мысль пройтись в воскресенье или понедельник... Да, магазин в понедельник закрыт...

— Отлично... Отлично... — пробормотал он.

Она допила рюмку. С нижней губы у нее сошла помада, и она подвела ее снова. Лицо сразу помолодело, засветилось. Пьер так спешил домой, что даже не предложил госпоже Редан проводить ее до метро. Они расстались у выхода из кафе. Пьер тотчас вздохнул с облегчением. Никогда больше ноги его не будет в этом магазине. Пять минут второго. Он чуть не вприпрыжку бежал по улице. Лицо Анны маячило перед его мысленным взором — огромное и мрачное, как грозовая туча. Войдя в гостиную, где она сидела, он пробормотал, глядя куда-то в сторону:

— Извини, пожалуйста... Ты давно меня ждешь?

— Нет, — сказала она. — Я только что пришла. А ты откуда?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь, Анна?

— Просто так интересуюсь, папа...

— Я выходил кое-что купить...

Он опасался, что она начнет выпрашивать, но расспросов не последовало. И он с облегчением сел напротив нее за стол. Поскольку дома все обошлось благополучно, он уже с удовольствием вспомнил госпожу Редан. У нее действительно были очень красивые руки и синие, прозрачные, как витражи, глаза. Он правильно поступил, купив книгу, — библиографическая редкость и так недорого. От сухого вина, которое он выпил в кафе, у него разыгрался аппетит. И он с веселой жадностью набросился на еду. Анна же, наоборот, лишь ковряла в своей тарелке.

— Ты не хочешь есть? — спросил он.

— Нет.

Лицо у нее осунулось, щеки были бледные, поэтому особенно бросался в глаза высокий выпуклый лоб.

— Ты что-то неважно последнее время выглядишь, — заметил он. — Уж не заболела ли?

— Ничуть. Просто у меня неприятности на работе.

— Какие?

— Да все одни и те же.

— Ты мне ничего не рассказываешь!

— Ох, оставь, пожалуйста, папа! — сказала она резко.

— Ты рассердилась, потому что я опоздал к обеду?

— Да нет же!

Вошла Луиза, неся сыр. Анна решительно отказалась. А Пьер, хоть и очень любил кантальский сыр, взял лишь небольшой кусочек, точно боялся, что вызовет недовольство дочери, если возьмет больше.

— Чем мне заняться после обеда, мадемуазель? — спросила Луиза.

— Вам давно пора знать это самой! — недовольно пробурчала Анна. — Вечно за вас надо думать!

— Но, мадемуазель, вы же сами вчера сказали, чтоб я спросила вас... И постирать нужно, и погладить...

— Делайте, что хотите. Кстати, на будущее — будьте любезны не перекладывайте мои вещи. Сегодня утром я обнаружила свою сумку в шкафу для обуви, а лосьон для лица — в аптечном шкафчике. Если так будет продолжаться, я не смогу вас держать!

Луиза огорчилась, лицо у нее сморщилось, большие выкаченные глаза наполнились слезами.

— О, мадемуазель, прошу вас... Что я стану делать, если вы меня прогоните?.. В моем-то возрасте разве кто-нибудь меня возьмет?..

Плотно сжав губы, Анна поглядела на нее испепеляющим взглядом, и Луиза ретировалась на кухню.

— Я нахожу, что ты слишком строга с ней, — сказал Пьер. — Ведь она делает все, что может.

— Ты хочешь сказать, что она все больше поступает так, как ей вздумается!

— А что мы станем делать без нее?.. Боюсь, ты не найдешь никого лучше...

— Ты всегда всего боишься, папа. Незаменимых людей нет.

Он замолчал, чтобы не раздражать ее еще больше. У Эмильенны тоже бывали такие приступы холодного гнева, и тогда она строжила прислугу. По всей вероятности, у всех женщин, даже вполне уравновешенных с виду, возникает иногда потребность разрядить нервное напряжение таким вот взрывом. Даже госпожа Редан и та, наверно, не лишена этого недостатка. Хотя она такая спокойная, приветливая, улыбчивая, что трудно представить ее себе иной...

Анна ушла на работу еще до того, как он успел выпить вторую чашечку кофе. Она сказала, что опаздывает на деловое свидание.

На самом же деле ее никто не ждал. Она села за свой рабочий стол и при виде громоздившихся на нем бумаг пришла в полное уныние. Если после смерти матери она подавляла свое горе, уходя с головой в повседневные дела, то со времени ссоры с Лораном, она не могла ни продиктовать письмо, ни составить проект рекламы, — словом, не могла выразить на бумаге простейшую мысль. Вот уже две недели, как он съехал. Куда? Привратница понятия не имеет. Наверно, вернулся к себе в Эксан-Прованс. Во всяком случае, он ничего не оставил — ни носка, ни носового платка. Теперь она была убеждена, что это — полный разрыв. Но разве она этого не хотела? В сотый раз она видела перед собой сцену в ресторане. Почему она так

плохо его встретила? Для чего надо было раздражаться, можно было просто предложить ему присесть. Марк бы это прекрасно понял. Они пообедали бы вдвоем. Короче говоря, она пожертвовала Лораном, который был для нее всем, ради Марка, который уже ничего для нее не значил. Из приличия, по глупости! А эта пощечина посреди улицы!.. Она отхлестала Лорана как дерзкого мальчишку. Но на самом-то деле прав был он. Хотя бы потому, что жил на свете ради самого главного. Он так любит свободу, так ненавидит законы, что его не впрячь ни в какую упряжку. Как он, наверно, презирает ее после этой ссоры, когда она показала всю свою мещанскую ограниченность. Его отношения с ней были лишь небольшой авантюрой, экскурсом в неведомый ему мир тридцатилетних женщин. А кем он был для нее? Партнером по нелепой связи или удивительным открытием? А может, тем и другим? Всеми силами она хотела его забыть. Но чем больше пыталась отогнать от себя его образ, тем прочнее он утверждался в ее сознании — всем своим весом, теплом, упорством. Шли дни — она растрачивала последние силы в неравной борьбе. Она стала раздражительной. Нетерпимо относилась к причудам отца. Луиза выводила ее из себя. Как-то раз она подумала: а Мили сумела бы ее понять? Мысль о матери вызвала у нее прилив нежности. Тщетно пыталась она завязать диалог с образом, отступавшим в глубь времен, несмотря на ее попытку удержать его. Мили интересовала ее не как мать, а как женщина. Ее взгляды на любовь. Что бы она подумала о Лоране, если бы увидела его? Почувствовала бы таинственную силу его животного обаяния? Да, конечно, вне всяких сомнений!.. Анна снова и снова повторяла это, чтобы оправдать свою слабость. Сердце ее бешено колотилось. Хотелось плакать. А надо было разговаривать с Каролюсом и Брюно, просматривать их эскизы, отвечать на телефонные звонки, спускаться к господину Куртуа, который смотрел на нее так подозрительно, точно видел Лорана за ее спиной. Наконец, дом, ужин, телевизор. Сидя в гостиной подле отца, Анна вышивала, а он смотрел телевизор, где мелькали, сменяя друг друга, сцены из спектакля варьете. Так оно и будет, и ничего больше. Отец и она. Вдвоем. Молчание с одной стороны, молчание — с другой. Узники собственных привычек. Она вспомнила, как Лоран ходил взад и вперед по комнате, трогал одно, другое, потом схватил ее вышивание: «Ты этим занимаешься?» Воспоминание полоснуло ее как ножом. Все внутри ее кричало: «Дура, это твоя вина! Зачем ты его отпустила? У него-то своя логика жизни! А ты... ты...» Все прыгало у нее перед глазами. Какой-то глупый певец корчился на фоне кубов, шаров и лестниц. Отец клевал носом, потом вздергивал голову. Он все больше и больше устает. И как быстро стареет! А что, если он будет так тянуть до девяноста лет? Надоела ей старость, болезни, траур! Ей нужны простор, ветер, солнце!

— Спокойной ночи, папа, — сказала она. — Я устала.

— Ты не хочешь досмотреть до конца?

— Нет.

В постели было еще хуже. Пришлось проглотить таблетку, чтобы уснуть.

Когда Анна убирала на кухне посуду после ужина, раздался телефонный звонок. Пьер вышел из-за стола, снял трубку и тут же крикнул:

— Это тебя, Анна!

Она вытерла руки и взяла трубку. Незнакомый мужской голос спросил:

— Это говорит Анна?

— Да.

— Я друг Лорана.

Она перевела дух и спросила:

— Где он?

— У меня. Приезжайте как можно скорее. С ним плохо. Он болен. Запишите адрес. Это в Сент-Уане...

Она нацарапала адрес в блокноте, лежавшем у телефона, оторвала листок и снова спросила:

— Но что же все-таки с ним?

Вместо ответа на другом конце прохрипело:

— Вы приедете немедленно, да или нет?

— Да... Алло, алло! А кого мне спросить? На каком это этаже?

— Это маленький домик. Я буду ждать вас на крыльце.

Он повесил трубку. Она надела пальто. Нервы ее были напряжены до предела. Мучительный страх сжимал все нутро.

— Куда ты? — спросил Пьер.

— У меня важная встреча. Не жди меня.

Он произнес еще что-то, но она не расслышала. Хлопнула дверь, избавляясь от расспросов. В ночной темноте она бегом бежала к перекрестку Одеона. По счастью, на стоянке оказались такси. Она села в первую машину и дала адрес. Шофер не знал этой улицы и долго искал ее в справочнике. Анна нервничала. Наконец машина тронулась. Они пересекли Сену. Авеню Оперы вспыхнуло тысячами огней. Все казалось возможным в этом черно-золотом водовороте, когда на другом конце города ее ждал Лоран. Но что с Лораном? Почему этот человек не захотел ничего сказать по телефону? Уличные фонари пошли реже, ночная темнота стала гуще. За стеклом Анна узнала улицу, ведущую к воротам Сент-Уан. В памяти возник Blois-рынок. Она так часто ездила туда с Мили! Такси углубилось в лабиринт темных улочек, неуверенно выбирая дорогу, замедлило ход и, наконец, остановилось.

— Это здесь, — произнес шофер.

Она вышла около двухэтажного домика с потрескавшимися стенами. На крыльце — сутулый силуэт, руки засунуты в карманы. Она толкнула калитку, поднялась на три ступеньки. Свет, падавший из окна первого этажа, осветил молодое лицо с висячими усами и узенькой полоской бакенбардов.

— Это Лоран просил вас позвонить мне? — спросила она.

— Он в таком состоянии, что не может ничего просить! — сказал парень. — Но он часто говорил мне о вас. И я нашел ваш номер в телефонном справочнике.

— Что с ним?

— Вот уже две недели, как он ничего не ест. На прошлой неделе он хотел покончить с собой. Проглотил какую-то гадость — несколько порошков. К счастью, его вырвало. Боюсь, как бы он не повторил этого снова. Я просто не знаю, что с ним делать...

Анне было больно, хотя слова молодого парня не удивили ее, точно она давно этого ждала. Главное, что Лоран — здесь!

Они вошли в дом. Сразу за входной дверью находилась большая комната с голыми стенами. Анна обнаружила там с десяток парней и девчонок, длинноволосых и оборванных. Одни курили, сидя на стульях или по-восточному прямо на полу. Другие вяло играли в карты. Бледный юноша с отсутствующим взглядом меланхолично дул в камышовую дудочку, и из нее время от времени вылетали обрывки примитивной мелодии. На матрасе, прижавшись друг к другу животами,

спала пара. Никто не обращал на Анну никакого внимания. Лавируя между группами, встретивший Анну парень вывел ее к лестнице в глубине комнаты. И она вслед за ним стала подниматься по ступенькам.

На втором этаже одна из дверей была открыта. Голая лампочка на шнуре освещала убогую комнату, где со стен свисали клочья желтых обоев в полоску. На полу валялись окурки, обрывки бечевки, пробки от бутылок. Грязное полотенце висело на спинке стула. Возле складной кровати Анна увидела графин с водой, тюбики с лекарствами, грязные ботинки — ботинки Лорана. Он лежал прямо на матрасе, одетый, повернувшись к стене лицом.

— Эй! К тебе пришли! — сказал парень, дотрагиваясь до его плеча.

Лоран молчал и не двигался.

— Лоран! Лоран! — окликнула его Анна.

Тогда он медленно повернулся к свету. И она увидела его лицо — осунувшееся, смертельно бледное, заросшее бородой. Глаза лихорадочно блестели из-под красных век. Он вдруг хрипло закашлялся, сотрясаясь всем телом. Потрескавшиеся губы дрожали. Он поморгал и, словно то была галлюцинация, внезапно выкрикнул:

— Что ты здесь делаешь, Анна?

— Лоран! — пробормотала она. — Что с тобой? Ты болен?

Парень, который привел ее, вышел и закрыл за собой дверь. Она присела на край кровати.

— Нисколько я не болен, — сказал Лоран. — Наоборот, мне очень хорошо. Я хочу лишь одного — чтобы ты отсюда выкатилась!

— Нет, я не уйду. Я должна знать... Что там за лекарства на полу?

— Одни — чтоб спать, другие — чтоб просыпаться. Теперь, когда они у меня есть, все в порядке!

Она хотела взять его за руку, но он резко высвободился.

— Послушай, Лоран, — сказала она. — Ты не можешь оставаться здесь, в этой нищете, в этой грязи!

— Представь себе, что мне хорошо в этой нищете и в этой грязи! — воскликнул он. — Все, что тебя раздражает, мне нравится! Тебе противно, а мне приятно! Славные, простые ребята, жизнь без обязательств, без притворства; живот хоть и подвело, зато голова свободная; хоть ноги и грязные, зато чистая душа! Ничего не поделаешь, Анна, мы с тобой принадлежим к разным расам! Я не то, что ты, — не исповедую благопристойность! Пойми же, наконец, я больше всего на свете ненавижу то, что ты олицетворяешь: респектабельность, здравомыслие, пунктуальность, расчет... Черт побери! Жизнь слишком коротка!..

Новый приступ кашля заставил Лорана умолкнуть. Глаза его налились кровью. Он сел в постели, хватая ртом воздух.

— Хорошо, — сказала Анна. — Чего же ты хочешь?

— Ничего! Я не задаюсь такими вопросами. Живу сегодняшним днем!

— А как же будет с нами, Лоран, с нами обоими?

— С нами обоими? Ты хочешь сказать, с нами тремя, включая твоего бывшего супруга?

Она хотела было закрыть лицо руками и тут же в отчаянии уронила их на колени. Опять. Его было так же трудно сдвинуть с места, как гору.

— Но, Лоран, повторяю тебе: Марк для меня просто товарищ. Ты должен понять.

— Я уже давно все понял!

— Не думай больше об этой глупой истории. Я готова даже признать, что была неправа тогда в ресторане. Ты должен вернуться домой.

— Зачем? У меня здесь есть все, что мне нужно! Когда мне нужна женщина, всегда находится какая-нибудь из девчонок.

Она в ужасе смотрела на него, точно он плюнул ей в лицо. А он, вздернув подбородок, продолжал бахвалиться с сумасшедшинкой в глазах.

— Ты что думаешь? — продолжал он. — Что я жил здесь как монах эти пятнадцать дней? Думаешь, я так влюблен в тебя, что ни о чем больше и не помышляю? Ты видела девочек внизу? Красивые, правда? А до чего покладистые — ты и представить себе не можешь! И притом — молоденькие!.. Да, да, молоденькие, — ты меня слышишь?

Злость поднималась в груди Анны, как закипающее молоко. Она резко встала.

— Замолчи! — властно крикнула она.

— Опять приказы! — фыркнул он. — До чего же ты любишь командовать, Анна! Ты сухая, как теорема! И старомодна, как старая занавеска!

Анна подняла руку. Надо заставить замолкнуть этот злобный голос, одним ударом прекратить кошмар. На этот раз она не станет жалеть, что ударила его. Мысль эта промелькнула в ее мозгу, когда ее рука с треском опустилась на щеку Лорана. Он оторопел, а она повернулась и направилась к двери. Но он, прыгнув как обезьяна, опередил ее, преградил ей дорогу, схватил за обе руки и заорал:

— Это что же, у тебя такая мания?! Как увидишь меня, сразу — пощечина!

— Оставь меня, — сказала она. — Ты мне противен!

Но он не слушал ее, а рывками тянул в глубину комнаты. Его небритое лицо искажал тик. Он икал, кашлял, что-то бормотал. Анна, вся в слезах, слабо отбивалась — силы изменяли ей. Лоран швырнул ее на кровать, лег сверху. Распластанная, придавленная, она чувствовала на своих губах его лихорадочное дыхание. Колючая борода царапала ей щеки. Острый запах его тела кружил голову.

И вдруг он застонал:

— Анна, Анна! Любовь моя! Прости! Я люблю тебя! Я подыхаю от любви к тебе! Зачем ты это сделала?

— Что, Лоран?

— Да этот человек в твоей жизни... Этот Марк... Я не хочу больше... Ты — моя... Только моя... Поклянись мне...

— Клянусь...

— Это было ужасно — думать, что я потерял тебя... Без тебя я не знал, за что ухватиться... Не хотел больше жить...

Никогда еще она не видела его таким беспомощным. Ведь у него нет никого, кроме нее во всем мире. Охваченная жгучей жалостью, она жаждала теперь лишь дать ему прибежище, забвение, исцеление. Он впился поцелуем в ее рот; руки его

лихорадочно расстегивали ее пальто, блузку, обнажая плечи. Она гладила его по голове, а он покрывал ее поцелуями. «Я люблю его, — думала она. — Я нашла его. И он нуждается во мне. Все так просто. Я сделаю его счастливым...» А он уже выдохся. Мускулы его ослабли, щеки ввалились, дыхание стало хриплым. В глазах промелькнуло отчаяние. Она поняла, что ничего не выйдет. Он упал, уткнувшись головой ей в плечо, и прошептал:

— Что это со мной?

— Ничего, — ответила она. — Успокойся. У тебя температура.

Он стучал зубами и плакал. Она обняла его, прижала к себе, слабого, теплого, беспомощного, покорного, точно ребенок. Она наслаждалась своей любовью, баюкала свою добычу. Спустя некоторое время она прошептала:

— Вставай, Лоран. Пойдем домой.

— Да, — сказал он. — Забери меня отсюда!

Дождь струился по стеклам витрины. На улице Сены, забитой машинами, нетерпеливо гудели моторы. За витриной скользили силуэты ссутулившихся прохожих. Никто не останавливался взглянуть на выставленные книги. Пока Пьер был в магазине, туда не зашел ни один покупатель, Элен исчезла в глубине лавки, чтобы вскипятить на плитке чай. Госпожа Жироде была все еще больна, и ее племянница уже более месяца одна занималась магазином. У Пьера вошло теперь в привычку под вечер заходить проведать ее. Он, конечно, ничего не говорил об этом Анне. Но она безусловно поняла бы, какое удовольствие доставляют ему эти долгие задушевные беседы в книжном магазине. Недаром однажды вечером, вспомнив, как госпожа Редан приносила Пьеру книги во время его болезни, Анна заметила: «А она недурна собой, эта женщина». Эта фраза подтверждала, что он прав. Он всецело доверял мнению дочери! Сгущались сумерки. Листая книгу, он уже с трудом разбирал текст.

— Вы ведь ничего не видите! — сказала Элен, войдя в помещение.

Она протянула руку к выключателю, и все лампы разом зажглись. На подносе стояли две чашки и чайник. В металлической коробке — печенье. Элен пригласила Пьера сесть рядом с ней за прилавком. Он сделал глоток и похвалил чай.

— Пьер, когда вы придете ко мне поужинать? — вдруг спросила она.

Она уже не первый раз задавала ему этот вопрос. До сих пор он трусливо уклонялся от ответа. Но нельзя же вечно уваливать.

— Мне это не так просто, Элен, — сказал он. — Из-за дочери...

— Я уверена, что она поймет!

— Я не столь уверен в этом, как вы. Она так тяжело перенесла смерть матери. Ей будет невыносимо, если она увидит, что я пытаюсь отвлечься и хотя бы на минуту забыть о том, что было для меня огромным счастьем! Вы знаете, мне ведь с ней очень нелегко... Она такая нетерпимая, такая требовательная... Это уже вошло у нее в привычку... Признаю, я, конечно, в этом виноват...

— Не хотите же вы сказать, что боитесь ее!

— Нет. Но мне неприятно причинять ей боль. Пока... пока еще так свежа память о нашей утрате.

Он сделал большой глоток чая, обжег язык, откусил кусок сухого печенья и добавил:

— Если я скажу дочери, что провожу время с дамой...

Элен сидела перед ним, иронически улыбаясь.

— Вы проводите время не с дамой, — сказала она, — а с другом.

— Тем более! Она рассердится, если узнает, что я... что я питаю к вам дружеские чувства... Она вообразит...

— Вы говорите какие-то очень странные вещи, — заметила Элен, прерывая его. — Она произвела на меня впечатление весьма уравновешенной женщины!

— Да она такая и есть. Но она не желает видеть определенных сторон жизни. Она такая холодная, замкнутая, властная. У нее не современный взгляд на вещи...

— А почему она не вышла замуж?

— Что вы, она была замужем! Потом развелась. Отчего — я так и не понял. Мой зять был обаятельным человеком. Умный, симпатичный, с хорошим положением. Кстати, у нас с ним сохранились прекрасные отношения. Уверяю вас, она очень странная...

— А вы, дорогой Пьер, слишком ранимы! — сказала Элен.

Он машинально протянул ей пустую чашку. Она наклонила чайник. Заварка была темная, ароматная. Ничего больше ему от нее не надо. В этом магазине, заполненном книгами, он испытывал двойное удовольствие от того, что встретил родственную душу и безо всякого ущерба для кого-либо проводил с ней втайне часок-другой. Однако за витриной на улице машин стало больше, число прохожих увеличилось: в конторах закончили работу. Пьер уже всерьез подумывал, что надо возвращаться домой. Но эта мысль не была ему неприятна. Правда, прерывать столь милый разговор очень не хотелось, но, с другой стороны, лучше не попадать под обаяние Элен. Любая привязанность, думалось ему, в конце концов превращается в ловушку.

Он взял зонтик и ушел, унося с собой в дождливую и холодную тьму образ улыбающейся Элен, которая стояла в дверях магазина.

Дома Луиза уже собиралась уходить. Не дожидаясь Анны, Пьер налил себе сухого вина. Он выпьет с ней еще, когда она придет. Зазвонил телефон.

— Алло, папа! Извини, пожалуйста, но я сегодня не буду ужинать дома. Я иду в ресторан с друзьями. Луиза, я полагаю, все приготовила...

— Да, да, не беспокойся, — сказал он. — Веселись, как следует...

И повесил трубку. Он был расстроен, хотя, конечно, ничего не ждал от этого вечера в компании дочери. Вялый разговор, прерываемый долгими паузами, — одно и то же изо дня в день... Но оставив его неожиданно одного, Анна словно запустила его в космическую пустоту, где ум его не находил точки опоры. Он направился на кухню, обозрел салатницу с зеленым салатом, начатую бутылку вина, нарезанный хлеб, и этот натюрморт показался ему трагичным в своей банальности. Ему больше не хотелось есть. Телевизор тоже смотреть не хотелось. Лениво и бесцельно слонялся он из комнаты в комнату. Не создан он для одинокой жизни! С какими же это друзьями ужинала сегодня Анна? Не пошла ли она куда-нибудь с Лораном? Этот юноша был ей явно не безразличен. Но представить себе, что он... Во всяком случае, рядом с Марком он выглядел жалко! Анна, такая разумная, должна бы это сознавать. Он налил себе второй стакан, снял телефонную трубку и набрал номер Элен. Ему просто нужно было услышать дружеский голос. Но она, вероятно, еще не вернулась домой. Нет, вернулась!

— Это снова я! — сказал он. — Что вы делаете сегодня вечером, Элен?

— Ничего особенного.

Он обождал немного. Какой кавардак у него в голове! И, наконец, решился:

— Мы могли бы поужинать вместе в каком-нибудь ресторане неподалеку.

Она помедлила и сказала:

— Я бы предпочла, чтобы вы пришли ко мне.

— Это не затруднит вас?

— Нет, нисколько... Что вы?.. Наоборот... Приходите скорее! Я вас жду!

Он обрадовался, хотя к радости примешивался страх. Как он осмелился? На что он шел? А все из-за Анны. Если бы она с ним ужинала сегодня... Но не надо ли переодеться? Серый костюм ему идет, однако, пожалуй, не по сезону легок. Темно-синий костюм, что сейчас на нем, пообтерся в локтях и на коленях. Может быть, коричневый... Не у кого спросить совета! Как правило, это решали Эмильенна или Анна. Из-за них он постепенно потерял привычку принимать решения. Ну что ж, он останется в том, в чем есть. По крайней мере создается впечатление, что он зашел случайно. К тому же еще будет случай показаться Элен в сером костюме. Что до галстука, тут все было ясно — черный. Никогда больше он не будет носить другого цвета. Он причесался перед зеркалом в ванной. По счастью, волосы у него не выпадают. И зубы тоже в порядке. Он мог еще нравиться, он нравился... От этой мысли он почувствовал прилив энергии и поспешил вон из дома.

Все прошло прекрасно. Правда иного он от Элен и не ожидал. Как только она открыла дверь, он понял, что входит в дом женщины вполне достойной. В ее маленькой бежево-розовой квартирке все было просто, изысканно, неброско и элегантно. Холодный ужин, с отличным «шато-латуром», был сервирован на маленьком столике. Два полена тлели в крохотном камине, отделанном резным деревом. Удобное глубокое кресло — Пьер устроился в нем после еды с рюмкой коньяка в руке. А она села напротив, пониже, на пуфе, и глядя на него вопрошающим взглядом, поощряла его рассказывать о себе. За два с половиной часа, проведенных с нею, он много ей рассказал. Возможно, даже слишком. Но нет. Говорил ли он о себе или о недавно прочитанных книгах по истории, лицо ее неизменно выражало интерес, понимание, признательность. На какое-то мгновение он испугался, как бы она не воспользовалась их свиданием в этой уютной обстановке, чтобы толкнуть его на большую смелость. Но она ни разу не вышла за рамки сдержанности, делавшей ее столь привлекательной. Не пытаясь его провоцировать, она привязывала его к себе куда надежнее, чем если бы вздумала выказать бурную страсть. И хотя они ни разу не прикоснулись друг к другу и не было ни признаний, ни заверений, ни ушел от нее в таком смятении чувств, словно она отдалась ему в конце ужина. Правда, уже уходя, и дверях он с жаром поцеловал ей обе руки. В такси, по дороге домой, он закрыл глаза, чтобы лучше сохранить воспоминание о запахе ее кожи. Он был так счастлив, что впервые не боялся вернуться домой позже Анны, и сидя в машине, был преисполнен боевого духа. Пусть дочь отважится сказать хотя бы одно слово против Элен, уж он поставит ее на место! Ни она, да и никто другой не имеют права судить его или ее.

В квартире было пусто. На кухне Пьер обнаружил ужин, приготовленный Луизой. Он совсем об этом забыл! Ведь если Анна по возвращении увидит нетронутый прибор, она поймет, что он ужинал не дома. Он поспешно капнул на тарелку горчицы, налил в бокал на палец вина, раскрошил в хлебнице хлеб, выбросил половину салата в мусорное ведро, спрятал холодное мясо в холодильник. Закончив эту инсценировку, он лег спать. Анна, подумал он, должна вернуться с минуты на минуту. Однако он заснул до ее возвращения.

Придя утром к себе в издательство, Анна узнала от телефонистки, что ей звонил Марк. Она позвонила ему на работу. Секретарша сообщила, что он болен и на работе сегодня не будет. Обеспокоившись, Анна позвонила ему домой. Ей ответил низкий женский голос:

— Одну минутку, сейчас я его позову.

Этот же голос более высоким тембром позвал:

— Это тебя, Марк!

Он подошел к телефону.

— Извини меня, милая Анна. Я не смогу быть завтра у «Старины Жоржа» в половине седьмого...

Она не сразу смогла его понять. В голове замелькали страницы записной книжки. Она совсем забыла об их свидании!

— Ничего, — сказала она наконец. — Но что с тобой? Мне сказали у тебя на работе, что ты болен!

— Да. Такой идиотизм — у меня прострел! Не могу разогнуться!

— Но ты хоть лечишься?

— Не беспокойся! Меня смотрел доктор. По его словам, это продлится еще несколько дней. Как только мне будет лучше, я тебе позвоню...

Она повесила трубку и задумалась. Кто эта женщина, чей голос показался ей таким знакомым? Может быть, Марк живет не один, несмотря на все его заверения? Эта мысль показалась ей забавной, заинтриговала ее и немного огорчила, но только потому, что Марк ничего не сказал ей об этом... А может быть, это какая-то недавняя связь без будущего? Однако стоило ей приняться за работу, как она забыла и Марка, и его личную жизнь. Самым важным стало отобрать несколько гравюр для иллюстрации нового издания «Путешествия на острова Америки» его преосвященства отца Лаба. Эстампы XVIII века оказались очень разными по качеству. Не более 16 иллюстраций, сказал господин Куртуа. Анна колебалась. К тому же надо было решить вопрос с обложкой для той же книги. набросок, который она сделала накануне, не очень ей нравился. Она взяла его и начала подправлять. Скоро она встретится с Лораном в столовой для работников издательства. Они обедали там вместе каждый день с тех пор, как она устроила его на работу в издательство «Гастель». Он, кажется, довольно быстро привык к новой жизни. В разное время она спускалась в подвал, где находился склад, чтобы повидаться с ним. Свет неоновых трубок придавал помещению сходство с моргом. Толстые трубы отопления, выкрашенные серебряной краской, извивались под низким потолком. Жара стояла удушающая. Лоран работал с десятью другими рабочими, комплектовавшими заказы, среди металлических полок, забитых книгами. Старший по группе говорил, что у Лорана отличная память и что после двух недель ученичества он уже лично разбирается в тысяче названий, значащихся в каталоге. Заказы на подъемнике поднимали на первый этаж, где контролеры переправляли их в отдел продажи. Время от времени заказы громко передавались через рупор. Такое было впечатление, что находишься в трюме корабля. Но главное, думала Анна, было запрять Лорана в повседневную работу. Затем постепенно она вытащит его из подвала на верхние этажи. В полдень Каролус и Брюно покинули мастерскую. Она бросила взгляд на макеты, лежавшие как попало на чертежных досках, и спустилась вниз.

В столовой — огромном застекленном помещении во дворе соседнего дома — было полно народа, стоял оглушительный шум. Из кухни проникал резкий запах соуса. Люди группировались по совместной работе или общим интересам. Лоран сидел с двумя рабочими, комплектовавшими, как и он, заказы. Анна села подле него в конце стола. Как только она появилась, товарищи Лорана уткнулись в свои тарелки. Для них она была представительницей другого мира, именуемого «дирекцией». Они не реагировали на ее присутствие, словно были глухи или слепы.

— Как дела? — тихо спросила она, повернувшись к Лорану.

— Отлично!

Из-за спешки по утрам он решил не бриться и отпустить себе бороду. Теперь его рот, обрамленный этой шелковистой темной порослью, казался еще более мясистым, чувственным, глаза так и сверкали, оттененные черной щетиной на щеках. Глаза ввалились, окруженные синевою. Он был похож на цыгана-неудачника. К ним подошла разносчица. Сегодня на выбор было рагу из зайца или отварной судак с пюре. Анна выбрала рагу. Лоран с отвращением отказался и от того и от другого:

— Не хочу ни зайца, ни судака.

— Ты еще не проголодался? — спросила она.

— Нет, я выпью только кофе.

Вокруг них стоял гул голосов: говорили о работе, сплетничали о сослуживцах. Пока Анна ела, Лоран жевал хлеб, намазывая его горчицей.

— Послушай, — сказала она, — это никуда не годится!

— Что я могу поделать, — сказал он. — Ничто не лезет в горло... Все опротивело.

— Ты устал?

— Нет. Сама работа у меня не такая уж и тяжелая, но в подвале не хватает воздуха. И потом — это ощущение, что за тобой все время наблюдают, требуют большей и большей отдачи, соблюдения графика...

Он зашептал, склонившись над чашкой, движением головы указывая на сидящего человека, который сидел за другим столом:

— Видишь того типа? Это Марсель. Так вот: он работает на складе уже двадцать пять лет. Двадцать пять лет вытаскивает книги с полок, комплектует заказы! И ты думаешь, он страдает от этого? Ничуть! Даже гордится! Гордится, что его довели до отупения. В конце концов он, может быть, и прав. Может быть, оно и правильно — не отрывать носа от своей работы, не смотреть вокруг... Ничего, и мы овладеем этой премудростью!..

Лоран скорчил саркастическую мину и попросил еще чашку кофе. Потом — еще одну. Она вмещалась:

— Ты пьешь слишком много кофе.

— А тебе-то что до этого? — буркнул он сквозь зубы. — Главное, чтоб продержаться. А кофе — это допинг! Даже такая бурда!

Анна не стала спорить — только с нежностью посмотрела на него. Они вместе вернулись на работу. Она поднялась к себе по главной лестнице, а он спустился в подвал.

Пьер поспешно проглотил кофе и направился в ванную. То, что Анна с некоторых пор не приходила обедать, вполне устраивало его по ряду причин. По крайней мере, никаких вопросов! Следуя настоятельной просьбе Элен, он согласился составить каталог редких, любопытных для библиофила изданий, имевшихся в магазине, чтобы, разослав его затем постоянным покупателям. Госпожа Жироде надеялась таким образом оживить торговлю. И хотела непременно заплатить ему. Правда, более чем скромно. Не говоря ни слова Анне, Пьер ходил теперь каждый день в книжный магазин и занимался инвентаризацией книг. Хотя работа была довольно грязная, одевался он тщательно. Серый костюм и белая рубашка. Сегодня утром Луиза отгладила ему брюки. Перед обедом он сходил в парикмахерскую. Сразу появилось чувство свежести и легкости. Помолодевший и уверенный в себе, он с нетерпением ждал, когда надо будет идти в магазин.

Пришел он туда одновременно с Элен. Она поставила для него в задней комнате большой стол. На нем горами лежали книги. Пьер брал их одну за другой, рассматривал, перелистывал и записывал на карточках основные данные: «Словарь аристократических семейств г-на де Ла Шенэ-Дебуа. Париж. 1774 г. 12 томов, ин. № 4 . Заново не переплетался...» Эта кропотливая работа приводила его в восторг главным образом потому, что он чувствовал за своей спиной присутствие Элен. Она ходила вокруг, легкая и изящная, иногда перебрасывалась с ним двумя-тремя словами, иногда журила, если он вдруг прерывал работу, чтобы поболтать с ней.

В половине пятого они сели пить чай, примостившись на краю стола. Сквозь приоткрытую дверь Элен наблюдала за магазином. Вошел покупатель, и она выскользнула, чтобы обслужить его. А потом вернулась с таким радостным видом, точно ей удалось выпроводить нежеланного гостя. Пьер вдруг понял, что все, не имеющее отношения к нему, раздражает ее. Эта мысль была настолько неожиданной, что у него от нежности и сладостного предчувствия защемило сердце. Неужели для кого-то он еще может что-то значить в этом мире? В его-то возрасте, с его прошлым, несмотря на то, что у него нет положения? Он отхлебнул чаю, и глаза его наполнились слезами.

— Пьер, — спросила Элен, — что с вами?

Он встал, чтобы скрыть волнение. Элен, в свою очередь, поднялась и встала перед ним. Она тоже казалась взволнованной. Он пристально, с отчаянием посмотрел на нее и прошептал:

— Я так несчастен!

— Почему?

— Вы мне очень нравитесь, Элен!

— Но и вы мне тоже нравитесь, Пьер, — сказала она и положила руки ему на плечи.

Она чуть приблизила к нему лицо. Глаза ее сияли. Она молчала — вся ожидание и готовность. Как тут быть? С ужасом сознавая, что сходит с праведного пути, Пьер склонился над ней. Сухой, сдержанный, неумелый поцелуй. Пьер невольно вспомнил Эмильенну — насколько лучше она целовалась. У Эмильенны рот жил, двигался, нежный и трепетный, а эти губы были до обидного неподвижны. Но как он мог? Такое святотатство! Теперь его будут вечно мучить угрызения совести. Перепугавшись, он отстранился.

— Нет, Элен, — пробормотал он, — это невозможно! Слишком это серьезное дело! Я не имею права!

Она смотрела на него, удивленная и растерянная:

— Но, Пьер... В чем дело?

— Нам не следует больше встречаться! — выкрикнул он. — Никогда! Никогда!..

Он схватил со стула пальто, неловко натянул его и устремился к двери. Элен поспешно преградила ему путь.

— Вы не можете так меня оставить, Пьер. То, что возникло между нами, настолько важно!.. А вся эта работа, которую еще надо доделать, все эти карточки!.. Я никогда в жизни с этим не справлюсь!..

— Извините! — вырвалось у него со стоном. — Извините меня, Элен.

И он выскочил из магазина.

Анна окинула взглядом темную улицу, ища Лорана. Его нигде не было видно. А обычно он поджидал ее у выхода. Ее задержал господин Куртуа. И по важному

делу: мадемуазель Бурьез, заведующая отделом рекламы, 31 марта уходит на пенсию. Анна уже давно работала в тесном контакте с ней. И вот господин Куртуа решил объединить два отдела — художественного оформления и рекламы — в один, под руководством Анны. Жалованье ей, конечно, будет прибавлено. Естественно, перспектива повышения взволновала ее. Анна быстро шла по улице, испытывая острую потребность немедленно поделиться с кем-нибудь своей радостью. Но с кем? Уж во всяком случае не с Лораном! Он был последним человеком, способным понять, какое моральное удовлетворение приносит успех. Не успеет она рот открыть, как он изничтожит ее сарказмом. Как всегда она была одна. И в радости, и в горе... Ну да ладно! Главное — что внутри у нее все поет от сознания одержанной победы. Чувство уважения к себе заменит ей все остальное.

Придя домой, она поднялась прямо на седьмой этаж. Лоран был у себя. Он лежал одетый на постели, лицом к стене, и рыдал.

— Что случилось, Лоран? — шепотом спросила Анна.

Он повернулся к ней, матрац под ним скрипнул. Лицо его было залито слезами. Он задышался и не мог произнести ни слова. Тело его сотрясала икота. Она испугалась.

— Лоран, Лоран, объясни же, что с тобой? — снова спросила она.

— Что со мной, Анна?.. — наконец пробормотал он. — Я чувствую такую тяжесть — здесь, в груди... Я не могу больше... Я так люблю тебя... И мне так плохо!.. И все так сложно!..

Спазма перехватила ему горло. Он согнул руку в локте и уткнулся в нее головой. Плечи его вздрагивали.

— Успокойся, — сказала она. — С тех пор, как ты начал работать, ты почти ничего не ешь. Целый день только пьешь кофе. Это же невыносимо! Почему ты не дождался меня после работы?

Он приподнял голову.

— Но с тех пор, как мы познакомились, Анна, я только и делаю, что жду тебя!

— Я тоже жду тебя, Лоран. И больше, чем ты думаешь. Хотя у каждого из нас своя работа, но живем-то мы вместе...

— И ты называешь это — жить вместе?

Она долго смотрела на него молча, с невыразимым участием, затем решительно объявила:

— Послушай, Лоран, если ты меня действительно любишь, ты сделаешь то, что я тебе скажу. Это же глупо так жить — ты здесь, а я там. Встречаться урывками, расставаться, лгать, играть в прятки. И все из-за моего отца! Я, как и ты, не могу так больше! Ты перейдешь жить ко мне в квартиру.

— Нет, Анна, — пробормотал он.

— Лоран, я умоляю тебя!

Склонившись над ним, она покрывала легкими поцелуями его мокрые веки, колючие щеки, дрожащие губы. Он жалобно спросил:

— Так, значит, ты меня все-таки любишь, Анна? Правда? Ох, если бы ты знала!.. Как только ты уходишь, мной овладевает невероятный страх — он гложет меня, терзает... Мне кажется, что я потерял тебя, что ты больше не придешь...

— Вставай же!

— Пропаций я человек.

Лоран поднялся с постели, растерянный и покорный. Анна зачихала его вещи в мешок. Они вышли из комнаты. Она спускалась по лестнице впереди него. И время от времени оборачивалась. Он шел за ней, опустив голову, побежденный. На кухне никого не было. Она повела его мимо гостиной. Из глубины комнаты голос отца спросил:

— Это ты, Анна?

— Да, — сказала она, — сейчас приду...

Она провела Лорана в дальнюю комнатку. Он во всю длину упал на постель. И остался так лежать, устремив глаза в потолок. Нижняя губа у него дрожала. Он снова заплакал. Она присела подле него на край матраца.

— Тебе здесь будет лучше, — сказала она.

— Да, да, — проговорил он, всхлипывая.

Но не посмотрел на нее. Словно был охвачен предчувствием беды. Она размышляла. Вызвать врача? Нет, лекарствами ему не поможешь. Только она способна что-то тут сделать. Разве не она заставила его поступить в издательство «Гастель»? Конечно, комплектовать заказы — это не профессия. Лоран прав. Он гибнет физически и морально от того, что ему приходится выполнять столь жалкие обязанности. Но ничего: она заставит посещать его вечерние курсы в Школе декоративного искусства. Он выдержит экзамены, станет художником-макетистом. И будет работать с ней — как Каролус или Брюно. Да, да он сможет! Но только ни в коем случае не спешить! Медленно, незаметно подвести его к тому, о чем она для него мечтает... Ей снова вспомнились слова господина Куртуа. Расширение функций, новые обязанности. Разве это не позволит ей взять Лорана к себе в отдел? Радость вспыхнула, заглушая беспокойство. Она нежно гладила волосы Лорана. Он понемногу успокаивался: дыхание стало ровным, лицо разгладилось. Она сходила на кухню и вернулась с сэндвичем и стаканом молока. Лоран не стал ничего есть. Она положила сэндвич и поставила молоко на ночной столик. Словно питание пленному зверьку. Он поест и попьет, когда она уйдет и не будет его видеть.

— Лоран, Лоран! — окликнула она его. — Может быть ляжешь как следует?

— Я не хочу спать, — ответил он.

Но веки его смыкались. И он вдруг впал в беспамятство, запрокинув голову, выгнув шею. Заснул? Нет. Глаза открыты, взгляд — безжизнен. Она долго смотрела на его распластанное тело со свисавшей с постели ногой. Задревший темно-зеленый свитер обнажал живот с тонкой натянутой кожей. Впадина пупка ритмично вздымалась в такт дыханию. У Анны отлегло от сердца. Она вышла на цыпочках из комнаты и направилась к отцу в гостиную.

Он опустил газету, которую читал, и устремил на Анну вопросительный взгляд.

— Я решила поместить Лорана в маленькую комнату, — сказала она. — Наверху уж очень плохо. Там ведь нет отопления. И раковина засорилась...

Она говорила, а сама думала: собственно, почему она должна оправдываться перед отцом — ведь она же самостоятельный человек и ни перед кем не обязана отчитываться.

— Да, да, очень хорошо, — уклончиво пробормотал он.

Он снова взялся за газету.

— Что — очень хорошо? — спросила она.

В ее голосе был вызов. Пьер посмотрел на нее взглядом виноватого старого ребенка.

— ... то, что Лоран будет жить у нас, — сказал он.

— А... Ты так считаешь? И не притворяешься?

— Нет, почему же?

— Ты никогда не задавался вопросом по поводу меня и Лорана?

Он смешался, глаза стали круглыми, словно его приперли к стенке:

— Каким именно?

Анна перевела дух. Она испытывала горделивое удовлетворение от того, что вот сейчас перестанет лгать. После долгих месяцев хождения в потемках яркий свет истины действовал на нее опьяняюще. Она посмотрела отцу прямо в глаза и сказала:

— Ты, значит, совсем ничего не знаешь, папа! Ты даже не понял, что я люблю Лорана и что он любит меня!

Он вздрогнул, приподнял брови и пробормотал:

— Но ты же не можешь строить жизнь с этим юношей!

— Строить жизнь! Перестраивать жизнь! Жизнь ни с кем не строят!

— Но ведь я построил жизнь с твоей матерью! — сказал он театральным тоном.

— Вы с Мили встретились тридцать, тридцать пять лет тому назад! А в наше время...

Он быстро кивнул в знак согласия:

— Да, да, конечно... Ты права... Все изменилось...

Тень сомнения скользнула по его лицу, и он добавил:

— Но все-таки... при Луизе...

— А какое отношение имеет к моей жизни Луиза? — возмутилась Анна. — Если ей у нас не нравится, уволим ее и возьмем кого-нибудь другого!

— О нет! Не увольняй ее! Мы к ней привыкли!

— Вот именно — привыкли! Надо уметь менять свои привычки!

Пьера поразила справедливость ее слов. Он пристально смотрел на дочь, со страхом и восхищением. Словно она с легкостью отодвинула с его пути тяжелый камень. Он встал, отбросил газету. И вдруг заговорил с непонятным вдохновением. Глаза его сверкали, слова лились потоком.

— Это верно... Иногда нужно менять образ жизни... Все перевернуть... Прошое не должно довлеть над настоящим... Нельзя одновременно идти вперед и оглядываться назад...

Она с удивлением взирала на возбужденного старика. Опять он понял все не так и ударился в патетику. Устав от этого непонимания, она грустно промолвила:

— Да, да, папа, конечно...

Наконец он умолк, снова взялся за газету. Она сходила за бутылкой сухого вина, принесла два бокала, налила отцу и себе.

— Как жалко, папа, что у тебя нет работы! — сказала она. — Хоть какой-нибудь! Чтоб ты был занят пусть несколько часов в день! А то болтаешься по дому с утра до вечера. Ты же не настолько стар! Надо хотя бы просматривать объявления!..

— Но ты же знаешь, что я больше года регулярно просматриваю их! — возразил он.
— Мы уже столько раз об этом говорили!

Он покачал головой, отпил глоток вина и добавил:

— Правда, тут появилась возможность поработать несколько месяцев... В книжном магазине Коломбье... Госпожа Жироде ищет человека, который помог бы ей составить каталог имеющихся книг... Я, пожалуй, готов попробовать — это помогло бы мне обрести прежнюю форму... Бедняжка, у нее такой суставной ревматизм, что она уже не в состоянии заниматься магазином!.. К несчастью, я много не заработаю!..

— В любом случае это лучше, чем ничего! Неужели ты отказался?

— Я не сказал ни да, ни нет.

— Почему ты не посоветовался со мной? Надеюсь, что еще не поздно! Это было бы для тебя так хорошо!

С бокалом в руке, он смотрел на нее просветленным взглядом и расцветал на глазах.

— Да, да, — сказал он, — эта работа как раз по мне!

— Не говоря уже о том, что впоследствии ты, может, сумеешь найти нечто подобное в другом книжном магазине!

— Вот именно! Ну что ж, схожу поговорю с госпожой Жироде!

— Завтра же иди....

— Непременно, завтра же...

Он допил бокал и поставил его на стол. Анна предложила налить еще. Он не стал отказываться.

Она только было собралась пойти посмотреть, как там Лоран, когда отец мягко произнес:

— Анна, милая, но то, что ты мне сказала, — это дело серьезное!

— Что именно?

— Да насчет тебя и Лорана... Он так молод!.. И без всякого положения!

— Поэтому-то, папа, он и нуждается в нас, — сказала она. Потом помолчала и добавила:— Ты знаешь, господин Куртуа объявил мне сегодня, что с апреля, помимо своего отдела, я буду еще возглавлять отдел рекламы.

Элен убеждала нерешительного покупателя. В задней комнате магазина стыл чай. Пьер пригубил из чашки. По его расчетам, он через месяц закончит здесь работу. Может быть, чуть попозже, если потянуть. Он не жалел, что вернулся в магазин после того, что произошло на прошлой неделе. С Элен все так просто! Она встретила его без единого слова упрека. И он тотчас нашел с ней прежний дружеский тон. Она даже попросила рассказать его об Эмильенне. Вчера он показал ей три фотографии, которые всегда держал в бумажнике. Склонившись над ними, она рассматривала вместе с ним старые Снимки и с интересом внимала Пьеру: вот Эмильенна в Салланше в 1938 году, вот — в Париже во время оккупации, худенькая-худенькая, вот — с ним в Довилле в 1950 году, в купальных трусиках и лифчике и он в купальных трусах на фоне моря. «Она была красавица, — задумчиво промолвила Элен. — Да и вы отлично здесь выглядите! Настоящий атлет! Но мне

вы больше нравитесь такой, как сейчас!» Пьеру казалось, что этот невольно вырвавшийся комплимент он не забудет всю жизнь. Она, естественно, понятия не имела, как действовало на него каждое произнесенное ею слово. Наконец, покупатель ушел, и она вернулась в заднюю комнату, а вместе с нею словно ворвался поток света. Она села подле Пьера и весело объявила:

— Он так ничего и не купил!.. На чем же мы остановились?

Они возобновили работу. На стуле лежала стопка книг, ожидая, когда они за нее возьмутся. Элен наугад брала книгу, читала название, передавала томик Пьеру. А он старательно заносил данные на карточку. Подчеркивал пером имя автора. Иногда добавлял несколько слов для характеристики: «Сорок восемь красочных иллюстраций — военные в форме демонстрируют обращение с оружием... Старинный переплет, от которого сохранился только корешок. Однако все листы тщательно обрезаны в соответствии с форматом.» Он надел очки. Перо его плавно скользило по глянцевой бумаге. Он чувствовал возле уха дыхание Элен, слышал позвякивание ее браслетов.

— А вот романтическая книжица, которую я обожаю, — заметила она. — Королевы Франции. Уйма прелестных гравюр... Взгляните!

Зазвонил телефон. Элен побежала в магазин снять трубку. Пьер услышал, как она воскликнула:

— Боже мой!.. Но как она себя чувствует?.. Да, да, сейчас...

Она вернулась расстроенная.

— У тети только что был обморок!

— У мадам Жироде?

— Да. Звонила одна из ее приятельниц, мадам Фавр. Доктор должен прийти с минуты на минуту. Мне надо быть там.

— Я очень вам сочувствую, — сказал Пьер. — В таком случае я тоже пойду.

— Да нет же, оставайтесь.

— А если вы не вернетесь...

— Я должна вернуться, чтобы закрыть магазин!

— Значит, мне продолжать без вас?

— Ну конечно! Не сердитесь на меня, что я вас бросаю...

Пьер смотрел, как она с лихорадочной быстротой надела пальто, схватила сумку. И он остался один среди книг. Его охватило смутение. Он не мог работать без Элен. Он чувствовал себя без нее не на месте в этом магазине. Точно взломщик. Он листал книгу рукой вора. С большим трудом удалось ему заполнить несколько карточек. У дверей звякнул колокольчик. Покупатель. Этого Пьер боялся больше всего. Он медлил, не зная, показываться или нет, Покупатель кашлянул. Пьер вышел из своего закутка. Перед ним стоял мужчина лет сорока с зонтиком в руке.

— Нет ли у вас чего-нибудь о замке Конфлан?

Пьер задумался. Просьба клиента заинтриговала его самого. Он приставил лестницу к полкам, взобрался и начал рыться. Он не ошибся.

— Вы найдете указания о нем во втором выпуске Пригородов Парижа Жоржа Кэна, — сказал он. — Дать вам эту книгу?

Покупатель был, кажется, доволен. Он спросил еще, что можно было бы прочесть о

замке Рамбуйе, и Пьер порекомендовал ему труд Ленотра. Цены были помечены на внутренней стороне обложек. Покупатель заплатил, поблагодарил и ушел. Пьер положил деньги в ящик кассы и возвратился к своим карточкам. Он был горд собой. Ему уже больше не страшно было оставаться одному в магазине. В шесть часов его оторвал от работы телефонный звонок.

— Случилось ужасное, Пьер! — сдавленным голосом проговорила Элен. — Она умерла.

— Эта весть оглушила его; он с трудом пробормотал:

— Элен, милая Элен... Как же это случилось?

— Отказало сердце.

— Но она была еще такая бодрая для своего возраста!

— Да... Такое несчастье!.. Как подумаю, что позавчера я видела ее!.. И она чувствовала себя гораздо лучше!..

— Чем я мог бы помочь вам, Элен?

Он услышал вздох. Она была так близко, совсем рядом.

— Спасибо, Пьер, пока ничего не надо... Алло, алло! Да, вот что... Я не смогу сегодня вернуться в магазин. Так вот, нельзя ли попросить вас запереть его...

Он взволновался:

— Я не сумею...

— Это очень просто. Ключи находятся в левом ящике кассы. Дверь черного хода закроете маленьким ключом и двумя засовами, основной вход — большим ключом, а решетку — после того, как опустите ее до конца, — средним. Ошибиться невозможно...

— Хорошо, а куда мне потом деть ключи?

— Держите их у себя.

— Я отдам их вам завтра.

— Завтра с не смогу увидеться с вами. Мне придется здесь всем заниматься!

— Одной?

— Нет. Мне поможет мадам Фавр.

— Позвонить вам завтра?

— Да, Пьер. Позвоните утром домой, часов около девяти.

С нарастающим волнением он прошептал:

— Я буду много думать о вас, Элен.

Волнение улеглось, но когда Пьер вешал трубку, глаза его были влажны. Машинально он стал раскладывать карточки в алфавитном порядке. Ему уже не хотелось уходить из магазина. В этих стенах он был ближе к Элен, чем где-либо еще. Наконец, около семи часов он решил закрыть магазин. Ключи лежали в указанном месте. Он точно выполнил данные ему инструкции. Решетка выдвигалась с трудом и скрипела. Он тянул ее за металлические переплетения. Прохожие, наверно, принимали его за владельца магазина, для которого это уже давно стало привычным делом.

В доме он сразу почувствовал присутствие Анны и Лорана. Дверь в ванную комнату была раскрыта. Он шагнул через порог и остановился в изумлении. Лоран стоял голый в ванне и яростно намыливался.

— Извините... — пробормотал Пьер.

Он закрыл дверь и пошел на кухню вымыть руки. Анна регулировала термостат духовки. В кухне стоял приятный запах печеного теста.

— Как вкусно пахнет, — сказал Пьер. — Что ты готовишь?

— Я купила в итальянской лавке пиццу.

Они выпили, как всегда, сухого вина. Вскоре к ним присоединился Лоран, босой, с мокрыми волосами. Он натянул на себя лишь брюки и свитер. Выпив залпом стакан воды, он прошел в гостиную. И тотчас оттуда донеслись звуки легкой, бравурной музыки. Это он поставил пластинку. Пьер узнал мелодию Брамса, но не мог сказать, что это.

— Ну как, папа, твоя работа движется? — спросила Анна.

— Да, — ответил он. — Это оказалось очень интересно. — И помолчав с минуту, добавил: — К сожалению, вот уже несколько дней, как мадам Ж и роде не приходит в магазин. Она очень больна.

— Что с ней?

— Что-то с сердцем... Знаешь, ведь в ее возрасте...

Он не отважился сказать ей, что госпожа Жироде умерла. Прежде, чем сообщить об этом Анне, надо, решил он, посоветоваться с Элен. Что станет с магазином после смерти владелицы? Будет ли Элен по-прежнему заниматься им? И что будет с ним? Неужели конец их столь приятному сотрудничеству? Эти мирные часы работы вдвоем, это понимание друг друга с полуслова, удивительный язык взглядов и, наконец, эта сдержанность поведения, которая стоит всех любовных утех... У него перехватило горло. Музыка Брамса по контрасту лишь усугубила его грустное настроение.

— Раз мадам Жироде больна, значит, магазином теперь занимается мадам Редан? — спросила Анна, взяв тряпку, чтобы открыть дверцу духовки.

— Фактически, да, — ответил он уклончиво.

— И ты работаешь с ней?

— Нет, я работаю в задней комнате магазина, у меня свои дела...

Он боялся, как бы она не стала спрашивать дальше. Но она вскрикнула:

— Черт, я обожглась!

И тут же вытащила противень с пиццей: госпожа Редан была забыта. Пьер почувствовал облегчение. Сели за стол. Конечно же, думая прежде всего о Лоране, Анна зашла в итальянскую лавку. Пока она разрезала пиццу, Лоран вытащил из кармана пачку стофранковых билетов и положил их перед тарелкой Анны.

— Что это? — спросила она.

— Мое жалованье, — ответил Лоран.

— Что я буду с ним делать?

— А я?

Она пожала плечами.

— Это твои деньги, Лоран.

— Мне они не нужны.

— Ты же работаешь. Неужели тебе неприятно получать за свой труд положенное вознаграждение?

— Нет.

— Я тебя никогда не пойму, — сказала она.

Лоран бросил на нее сердитый и в то же время влюбленный взгляд.

— Я знаю, Анна, — проговорил он, — ты мне повторяла это уже сто раз!

Они по очереди положили себе на тарелки еду. Пицца подгорела. Пьер откусил один раз, другой и почувствовал, что больше есть не может. От волнения у него пропал аппетит. Лоран тоже жевал едва-едва. Анна с расстроенным видом смотрела на него. Перед ней лежали мятые банковские билеты.

— Лоран, — сказала она, — не веди себя как ребенок. Забери это!

— У меня нет бумажника. Я их потеряю!

Он оттолкнул щелчком деньги к тарелке Анны. Она яростно собрала их, свернула и сунула в карман блузки. Они продолжали есть молча. Пьер думал о том, какие чувства могут связывать его дочь с этим странным парнем. То, что Лоран привязался к ней, — это естественно. Благодаря ей он обрел уверенность в завтрашнем дне, нежность, комфорт. Ему приятно было, что его балуют, что он может капризничать. Но она — что нашла в нем она? Она не сумела быть женой Марку и теперь стала Лорану матерью. Собственно, ей, видимо, скорее нужен ребенок, чем мужчина. Пьер выпил большой бокал вина. Как только закончился ужин, Анна сказала:

— Спокойной ночи, папа.

Он с удивлением поднял на нее глаза.

— Мы не будем сегодня смотреть телевизор?

— Пожалуйста, смотри. Но я устала.

Она поцеловала его и вышла, даже не взглянув на Лорана. Тот продолжал сидеть, откинувшись на спинку стула, барабанив пальцами по столу. Наконец, он тоже встал.

— Спокойной ночи, Пьер.

— Что же это вы так спешите? Неужели не можете посидеть хоть пять минут? — спросил тот.

— Нет, я тоже устал.

— Тогда спокойной ночи, Лоран.

По коридору прозвучали удалявшиеся шаги Лорана. Дверь открылась и закрылась. Дверь, ведущая в комнату Анны. Он попытался представить себе их в постели — ничего не получалось. Непостижимо! К голове прилила кровь. Он рассеянно включил телевизор. Появилось изображение без звука. Повернувшись к мерцавшему экрану, Пьер подумал: «Надо бы позвонить Элен». Но он боялся, что может услышать Анна. Тогда придется давать объяснения, лгать, снова лгать... Связанный по рукам и ногам, он с отчаянием подумал о том, какое расстояние

отделяет его от этой милой, легко ранимой женщины, на которую свалилось такое горе. Встреча со смертью — тяжелое испытание для столь чуткого человека. Вдруг оказаться лицом к лицу с небытием... Все эти мрачные формальности. И всюду одна — без чьей-либо поддержки. Он повернул регулятор звука. В комнату ворвались голоса. Два политических деятеля, один от правительственного большинства, другой от оппозиции, сражались друг с другом по вопросу о налогах.

Отдаленное бормотание телевизора проникало сквозь дверь комнаты. Анна полулежа просматривала рукопись книги по истории охоты. Предполагалось издать роскошный том с большим количеством иллюстраций. Ей надо было завтра, на заседании руководства, дать свое мнение. Но чем больше она читала, тем меньше ее мысли были заняты книгой. Лоран не давал ей всецело отдаться работе. Он сидел сейчас в кресле у окна, откинувшись на спинку, заложив руки за голову.

— Что с тобой, Анна? — спросил вдруг он.

— Ничего, я работаю.

— Нет, что-то у нас с тобой не ладится — я это чувствую.

— На то есть основания, не так ли? — резко сказала она.

— Из-за того, что я не хочу заниматься на вечерних курсах в Школе декоративного искусства?

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул он, вставая.

Она не ответила, сделав вид, будто погружена в чтение. Он шагнул к постели. Тень его упала на машинописную страницу.

— Ну знаешь, Анна, ты никогда не бываешь довольна. Ты хотела, чтобы я жил с тобой, — и вот я в твоей спальне! Теперь ты еще требуешь, чтобы я занимался на вечерних — курсах. Я и так возвращаюсь едва живой с работы, а мне еще надо будет тащиться туда и до одиннадцати вечера учиться орудовать циркулем и рейсфедером! Целых три, а то и четыре года! И все для того, чтобы стать частью этого прогнившего общества, где господствуют деньги! Мы же погубим себя — и ты и я, раз ты вбила себе в голову, что счастливым можно стать, только если будешь зарабатывать все больше и больше. Ты ведь и сама чувствуешь, что с тех пор, как я работаю, все у нас поехало вкривь и вкось! Ты уже больше не та, да и я превращаюсь в кретина!

— Ну хватит, Лоран! — сказала она. — Моя требовательность! Твоя любовь! Твои теории! Мой комфорт! Деньги!.. Общество!.. Ты просто лентяй и фразер!

— Анна!

Он хотел было взять ее за руку, но она оттолкнула его:

— Нет!

Она нервно схватила карандаш и пометила абзац. Но поверх рукописи она по-прежнему видела Лорана. Он молчал, смертельно обиженный. Потом повернулся к ней спиной и с мальчишеской поспешностью стал раздеваться. Одежда полетела во все стороны. Раздевшись догола, он бросился плашмя на кровать и уткнулся лицом в согнутый локоть. Анна не шевельнулась. Он лежал почти не дыша. Его тело, матово светясь, волновало ее. Работать она больше не могла. Что делать? Забыть? Уснуть? У нее было такое ощущение, словно она без конца крутит ворот колодца, вытаскивая оттуда Лорана. Но стоило ей остановиться, как веревка разматывалась, и он снова проваливался вниз. Она положила рукопись на ночной столик, погасила лампу и опустила голову на подушку. В темноте голос Лорана нежно и жалобно произнес:

— Ты меня больше не любишь, Анна? Да?

Подле нее стонал раненый. Всем своим существом она ощущала тепло этого мужского тела. Она прошептала:

— Прошу тебя, замолчи! Ты не можешь рта раскрыть, чтобы не сказать глупость!

Через некоторое время она почувствовала — хотя и не видела в темноте, — что он повернул к ней голову. Она молча сняла ночную рубашку и прильнула к спине Лорана. Он вздрогнул. Она взяла в руки его волосы, стала гладить затылок, поцеловала впадинку за ухом, затем принялась целовать щеки. И ощутила губами соленую влагу слез. Он плакал. Ей стало жаль его. Жалость путала ее мысли, разжигала. Она уже сама не знала, чего хочет, что делает. Она смотрела в темноту широко раскрытыми глазами, и ей казалось, что она различает свечение других, ищущих ее глаз.

Сдаваясь, она пробормотала:

— До чего же ты меня раздражаешь! С ума можно сойти! Никак не пойму, что с тобой делать. Чем больше стараюсь, тем больше терплю крах!.. Не могу я так...

Он лег на спину. Руки их переплелись. Анна осторожно высвободилась и легла на него. Она чувствовала всем телом тепло его кожи — оно было ей нужно, необходимо. Она развела его руки — он лежал распятым, а она уткнула лицо подмышку этого распластанного перед ней мужчины. Прижавшись губами к затылку Анны, он шептал:

— Анна, любовь моя, жизнь моя, если хочешь, я буду ходить на эти вечерние курсы. Но умоляю тебя, не будь так строга со мной...

Она чуть приподнялась над ним, словно хотела охладить себе грудь и живот, потом снова медленно, с наслаждением прильнула к этому ждавшему, требовавшему ее телу, сильному и слепому в ночи.

С самого начала их беседы Анне не терпелось задать Марку один вопрос. Разве она согласилась встретиться с ним в половине седьмого у «Старины Жоржа» не потому, что подозревала какую-то тайну? Полностью выздоровевший, с хорошим цветом лица, он непринужденно рассказывал ей о своей болезни.

— При моем-то, в общем, живом характере я вдруг почувствовал, что перехожу в разряд стариков. Не могу разогнуться — и все! Смещение позвонков. И говорят, это может повториться! Мне посоветовали делать гимнастику. Можешь себе представить, чтобы я по утрам дрыгал ногами перед зеркалом?

Она отпила сухого вина и сказала:

— Вполне! Ты всегда очень следил за собой!

— Это упрек?

— Скорее комплимент! Кстати, ты забыл мне сообщить, что живешь не один!

Он и виду не показал, но она почувствовала, что он смутился.

— Я не думал, что моя личная жизнь настолько тебя интересует, — пробормотал он.

— Я же говорю тебе все, Марк, все, что имеет ко мне хоть какое-то отношение!

— Но это не одно и то же.

— Нет, абсолютно то же. Разве мы с тобой не друзья?

— Я никогда не был твоим другом и не буду, — решительно заявил он.

Он наклонился, чтобы лучше видеть ее. А она думала о Лоране. Он вспыхнул, когда

она сказала ему об этом свидании с Марком: «Опять?! Зачем? Где? В какое время?..»

— Хорошо, хорошо, — сказала она. — Я не буду больше задавать тебе вопросов. Эта женщина навсегда останется для меня интригующей загадкой!

В быстро нарастал шум. Два парня спорили с хозяином, который отказывался принять зажигалку в уплату за выпитое. Марк сосредоточенно размышлял о чем-то. Он явно колебался, не зная, отступить или сделать шаг вперед. Наконец, он сказал:

— Анна, я собираюсь жениться.

Она почувствовала, как внутри у нее что-то дрогнуло. Не от радости и не от огорчения. Скорее — от неожиданности и от тоски.

— Это меня не удивляет, — сказала она. — Ты создан для брака. Во всяком случае, куда больше, чем я!

— Я тоже так думаю, Анна! Ты считаешь меня глупым, старомодным!

— Вовсе нет!

— Ты знаешь, я долго колебался... Затем на прошлой неделе решил... То есть мы решили — Коринна и я... Да, ты ее знаешь, это — Коринна Беранже...

Перед мысленным взором Анны возник образ высокой блондинки с пышным бюстом и победоносной улыбкой. Дама светская, экспансивная, чемпионка по гольфу или чему-то еще...

— Но... она же замужем, — заметила Анна.

— Коринна развелась с мужем в прошлом году.

— И правильно поступила, — одобрила Анна. — Это была такая неподходящая пара! К тому же она всегда питала к тебе слабость. Вспомни, еще до нашего развода она безумно кокетничала с тобой. Как мы тогда смеялись по этому поводу!

А про себя она подумала, что эта до крайности поверхностная Коринна способна дать Марку куда больше счастья, чем она сама. Он же глуповато улыбался — точно школьник, надевший новый костюм.

— Ты очень влюблен в нее? — спросила Анна.

— Это могло бы случиться, если бы мне удалось забыть тебя, — со вздохом сказал он.

Ей стало противно. Она увидела в его словах лишь нарочитую лесть, попытку оправдаться перед ней. Жаль, что так получилось! Еще вчера Марк принадлежал ей, играл подле нее определенную роль: он был её другом, как Пьер её отцом, а Лоран — её любовником. Теперь же он для нее — никто. Он удалялся от нее, таял, обесцвечивался. Он мог жениться или не жениться, уехать за границу или остаться в Париже, процветать или скончаться от инфаркта — его судьба отныне ей безразлична. Не чувствуя пропасти, которая разверзалась между ними, Марк проговорил:

— Коринна очень хотела бы встретиться с тобой.

Анна знала, что это неправда, но в свою очередь соврала:

— Мне тоже хотелось бы ее увидеть. Надо будет созвониться в один из ближайших дней...

Она улыбалась, хотя внутри у нее все сковало холодом. Точно под кожей

образовался металлический каркас, а в голове — стальной шар.

— На будущей неделе я снова уезжаю в Японию, — сказал он. — Тогда уж по возвращении.

— Прекрасно.

Он попытался взять ее за локоть, но она уклонилась. Ах, как она вдруг ощутила отсутствие Лорана! Увидеть его скорее, броситься к нему на грудь... Вот это человек живой, нервный, капризный, полный восторгов, возмущений! Смуглый и крепкий, как каштан. И он ревнует ее к Марку! Можно помереть со смеху. Она заставила себя поговорить еще немного о том, о сем, хотя ей казалось, что она топчется в тумане. Наконец, она распрощалась с Марком. Он хотел проводить ее до дома. Она отказалась. Они расстались на перекрестке Одеона. На другой стороне площади, на углу улицы Старой Комедии, Лоран ждал Анну, пригнув голову, засунув руки в карманы.

— Ну как, — спросил он, — ты хорошо провела время?

— Отлично! — ответила Анна, смеясь. — Я его больше никогда не увижу.

Такси медленно двигалось сквозь морозящий мелкий дождь. За запотевшими стеклами город казался мрачным нагромождением серых скал, блестящих тротуаров, расплывающихся деревьев и мокрых, точно переводные картинки, афиш. Когда кончилась зауспокойная служба, мглистое, низко нависшее небо внезапно разразилось дождем. В церкви было мало народа, еще меньше на кладбище. Пьер никогда бы не подумал, что у госпожи Жироде так мало родственников и друзей. Он сказал об этом Элен. Сидя рядом с ним, она со вздохом промолвила:

— Фактически вся ее семья — это я. Она была очень нелюдима. Лучшими ее друзьями, мне кажется, были любимые персонажи из книг.

Элен говорила тихо. Тонкое лицо ее отражало усталость и горе. Пьер с бесконечным сочувствием украдкой посматривал на нее. Во время похорон он все думал о другой церемонии — похоронах Эмильенны. Все было то же — церковная служба, цветы, черные драпри, тяжелый блестящий гроб, красные лица могильщиков, яма в глинистой почве, доски, веревки. Но не было чувства отчаяния. Он похоронил жену и с нею вернулся домой. Эта мысль заставила его похолодеть. Он отвернулся от Элен и посмотрел в окно машины. Мир живых был не более реален, чем мир мертвых. Прошлое переплеталось с настоящим, траур — с надеждой.

Они подъехали к дому Элен. Было половина двенадцатого утра. Она пригласила его зайти. Он не без удовольствия вновь очутился в маленькой гостиной цвета розовой раковины. Элен в черном платье, словно сирота, забилась в глубокое кресло. Она все говорила о госпоже Жироде, вспоминала ее доброту, ее глубокие познания. Пьер поддакивал, но ему больно было видеть ее такой подавленной. Вредно так горевать, думал он. Как было бы хорошо, если бы он мог пробыть с ней до конца дня! Он попросил у нее разрешения позвонить по телефону. Она провела его к аппарату. Ответила Луиза. Он спросил:

— Моя дочь не говорила, придет она сегодня домой обедать?

Она сказала, мосье, что будет обедать где-то с мосье Лораном.

— Тогда не готовьте ничего для меня, Луиза. Я тоже пообедаю в другом месте!

И он радостно объявил Элен:

— Я никуда не уйду. Мы пообедаем вместе в ресторане. Согласны?

Она поблагодарила его взглядом, полным глубочайшей признательности, и

проговорила:

— С удовольствием, Пьер. Только мне никуда не хочется идти. У меня дома все есть.

Он помог ей накрыть на стол. Она поставила в центре букет анемонов. И они скромно поели, сидя друг против друга в полумраке дождливого дня.

— Как мило, что вы остались! — сказала Элен. — Ваше присутствие для меня такая поддержка!

Он через стол поцеловал ей руку:

— Мне хотелось бы сделать для вас гораздо больше, Элен. Просто не могу смотреть, когда вы грустите. Что будет теперь с вами? Что станет с магазином?

Элен приложила салфетку к губам.

— В том-то и дело, что меня это очень тревожит, — сказала она. — Незадолго до смерти тетушка составила завещание, по которому я наследую все ее имущество...

— Но это же очень хорошо! — воскликнул он. — Вы сможете сохранить магазин!

— Я не в силах заниматься им одна!

— Я помогу вам.

— Я знаю, Пьер. Но в голове у меня полный сумбур. Все произошло так внезапно. Сначала мне надо встретиться с нотариусом...

— Да, да, непременно, — сказал он.

— Мне бы хотелось, чтобы вы поехали к нему со мной.

Он пробормотал смущенно:

— А это не будет неудобно, Элен?

— Наоборот. Вы мне поможете разобраться, посоветуете... Если я поеду одна, я не пойму и половины того, что он мне скажет!

Как приятно, когда кто-то признается тебе в своей слабости, в своем неведении. Он почувствовал прилив гордости. И воспарил, словно за плечами у него выросли крылья: он был необходим ей.

— Милая Элен, — воскликнул он, — можете рассчитывать на меня.

— Завещание мадам Жироде в полном порядке, — сказал мэтр Витри, — но я должен предупредить вас, что налог на наследство, когда имущество переходит от тетки к племяннице, очень большой.

— А сколько все-таки, мэтр? — спросила Элен.

— Пятьдесят пять процентов.

— Боже мой! Так много! — прошептала она.

И бросила на Пьера полный отчаяния взгляд. Он с озабоченным, понимающим видом пожал плечами. Она представила его нотариусу как друга семьи и своего советчика. Сидя рядом с ней в большом кресле, обитом темно-зеленой кожей, он постепенно проникся серьезностью своей роли.

— Вы всегда можете что-то реализовать, чтобы заплатить за право наследования, — сказал мэтр Витри. — У мадам Жироде, помимо книжного магазина, была квартира в Отейе, загородный дом в Иль-Адаме и пакет биржевых акций.

— Мне кажется, нужно во что бы то ни стало сохранить магазин, — сказал Пьер.

— Совершенно верно, — поддакнул нотариус. — Это основная часть наследства.

— Тогда что же — продать дом в Иль-Адаме или квартиру? — спросила со вздохом Элен.

Пьеру хотелось взять ее руку. Нотариус пожал плечами, показывая, что бессилён дать совет. У него было печальное лицо и заостренная, как у облысевшего коршуна, голова. За его спиной висел большой гобелен, выдержанный в зеленых тонах, — большие болотные птицы шагали на нем среди цветущих деревьев.

— В любом случае у вас есть время обдумать это, — сказал он. — Закон предоставляет вам срок в шесть месяцев с момента смерти до подписания подробной описи имущества и уплаты налога в казну.

— Прежде всего следует оценить пакет акций, — сказал Пьер. — Может быть, он как раз и составит пятьдесят пять процентов?

— Сомневаюсь, — сказал нотариус.

Они продолжали, как и положено мужчинам, обсуждать деловые вопросы. Элен больше не вмешивалась в разговор. А Пьер, по мере того как шло время, обретал все большую уверенность в себе. Из конторы нотариуса он вышел с ощущением, что внес свой вклад в справедливое дело. На улице Элен взяла его под руку.

— Благодаря вам теперь мне все стало ясно! — сказала она.

— Он очень знающий, этот мэтр Витри, — снисходительно сказал Пьер.

— А теперь куда мы пойдем? — весело спросила она.

Решение принял он:

— В книжный магазин.

Когда Анна, уже одетая, снова вошла в спальню, Лоран все еще валялся в постели.

— Поторапливайся, — сказала она. — Ты же опоздаешь. А у меня сегодня рано утром назначена встреча.

— Иди без меня, — буркнул он, не шевелясь.

— Если я уйду без тебя, ты снова заснешь.

— Хорошо, хорошо, встаю...

Она присоединилась к отцу, который уже сидел за столом и завтракал. Обменявшись с дочерью традиционным утренним поцелуем, он как бы между прочим спросил, намерена ли она вернуться к обеду домой.

— Нет, — ответила она, наливая себе кофе. — Я сегодня очень занята. Мы поедем в столовой.

Он ничего не сказал, хотя, насколько она понимала, не очень любил обедать один. Она налила большую чашку кофе с молоком, намазала маслом два куска хлеба и понесла все это Лорану. В коридоре она наткнулась на Луизу, неистово орудовавшую пылесосом.

— Нет, это просто невозможно, Луиза! — воскликнула она. — Я сто раз говорила вам, чтобы вы не пылесосили до тех пор, пока мы не уйдем.

— Да, верно, мадемуазель, — пробормотала Луиза. — В таком случае могу я

прибраться в ванной?

— Нет, мосье Лоран еще не мылся.

Анна перешагнула через пылесос и вошла к себе в комнату. Лоран опять спал. Она потрясла его за плечо:

— Лоран, вставай скорей!

Весь еще опухший от сна, он выпил кофе и съел хлеб.

— Тебе надо бриться, — снова сказала она. — Надеюсь, ты не станешь снова отпускать себе бороду!

— А почему бы и нет?

— Потому что это тебе не идет! Ну, совсем не идет!

Он нехотя спустил с постели сначала одну, потом вторую ногу, потянулся, надел брюки, перекинул через плечо полотенце, открыл дверь и прошел мимо застывшей Луизы. Через минуту из ванной донесся шум струящейся воды. Анна торопливо бегала по квартире. Наконец в облаке пара появился Лоран. Выбритый.

На улице она пошла быстрым шагом. Лоран подсмеивался над ней. Со стороны казалось, что опаздывать нельзя ей, а он, благодаря своему высокому положению, может и не спешить к положенному часу. Они расстались в вестибюле издательства «Гастель», где уже толпились курьеры из книжных магазинов.

Утро у нее казалось заполненным до предела. Каролюс снова заболел, не доделав макета книги по истории охоты. Брюно, взявшийся за эту работу, запутался и никак не мог разместить иллюстрации. Анне пришлось стать рядом с ним за чертежной доской и пункт за пунктом объяснять то, что на прошлой неделе она уже разъясняла Каролюсу. В полдень Лоран зашел за ней, чтоб идти обедать. Но ему не хотелось есть в столовой.

— Почему? — спросила она.

— Я тебе объясню.

— Хорошо. Подожди меня пять минут. Мне надо тут доделать кое-какие мелочи...

— Нет. Я иду во «Вкусные соусы». И буду там тебя ждать.

Он показался ей напряженным и мрачным. Он ушел, заложив руки в карманы. Вскоре ушел и Брюно. Оставшись одна, она привела в порядок бумаги. На лестнице она столкнулась с господином Лассо, поднимавшимся в дирекцию. Он остановил ее:

— Послушайте, не знаю, что творится последнее время с вашим протеже — молодым Версье, но с ним все труднее и труднее приходится.

— А в чем дело?

— Все ему не так. То слишком душно. То жарко. То холодно. Сегодня он опять явился с опозданием. Это уже четвертый раз за две недели. Если так будет продолжаться, мне придется доложить заведующему кадрами. И к тому же он не выносит ни малейших замечаний. Марсель, упаковщик, сказал ему, что так не работают, Версье взбеленился. Схватил его за горло. Пришлось их разнимать. А ведь Марселью уже сорок пять лет, и он отлично знает свое дело. Версье же обозвал его старой перочницей. Просто возмутительно!

— Я поговорю с ним, — сказала Анна. — Он очень вспыльчивый. Я уверена, что он уже жалеет о своем поведении!

— Извините, что я ввязываю вас в это дело...

— Нет, нет, это вполне естественно.

— Я просто решил предупредить вас, понимаете, а то он может потерять свое место!

Она поблагодарила. По правде говоря, она несколько не была удивлена.

Во «Вкусных соусах» на улице Мабийон частенько собирались те, кому надоело обедать в столовой. Цены здесь были умеренные, а кормили хорошо. Войдя в зал, Анна заметила Брюно, который сидел один в уголке, а немного дальше у стены сидел Лоран за стаканом молока. Анна опустила на стул напротив него. Они заказали стандартный обед. Она ожидала, что он расскажет ей о происшествии с Марселем, но он, казалось, забыл об этом. Он тупо смотрел в одну точку и молча ел салат из помидоров. Официантка подала два бифштекса.

— Ты, должно быть, изрядно опоздал сегодня утром, — заметила Анна.

— На десять минут.

— Тебе ничего не сказали?

— Сказали, как обычно.

— Дело кончится тем, что ты потеряешь работу!

Он долго жевал мясо, потом скорчил гримасу и отодвинул тарелку. Анна поняла, что больше он ничего не скажет — во всяком случае, по этому поводу. Она повела на него атаку с другой стороны:

— Почему ты не захотел идти в столовую?

— Чтобы не встречаться там с этим типом.

— Каким типом?

— С упаковщиком Марселем!

— А что он сделал, этот Марсель?

— Да он старая перочница! Круглый идиот! Он не переносит меня, потому что я молодой. И вечно норовит сделать мне замечание! Вот я и поставил его на место! А этот Лассо, интересно, что он делает по субботам и воскресеньям, когда ему некого подгонять и заставлять потеть до потери сознания! Настоящий тюремщик! Черт знает что! Гнуть спину перед такими типами!..

— А ты навел справки насчет вечерних занятий в Школе декоративного искусства? — спросила она.

— Нет еще! Но чего ты так спешишь? Тебе же не нужен художник! Да, конечно, Каролюс болен. Но Брюно вполне заменяет его. Он потрясающий работник, твой Брюно. Каждый раз, как я захожу к тебе, либо ты висишь над ним, либо он — над тобой. Как видишь, он без тебя минуту пробыть не может: услышал, что я тебя пригласил обедать во «Вкусные соуса» и пожалуйте: уже тут. Несчастный, сидит в одиночестве. Мне так жаль его!.. А тебе?

Еще не закончив фразы, он встал и на глазах у Анны направился к столику Брюно.

— Идите к нам пить кофе, — предложил он. — Так всем будет приятнее.

Брюно принял приглашение и сел за их столик. Но не успела официантка принести им кофе, как Лоран залпом выпил свою чашку и вскочил со стула.

— Извините, пожалуйста! Мне надо бежать. Вы же понимаете, я не могу опаздывать на работу!

И побежал к выходу. У Анны не нашлось даже сил отреагировать на его выходку. В голове было пусто. Оставшись вдвоем с Брюно, она заказала вторую чашку кофе. И они заговорили о книге по охоте.

Ей показалось, что Лоран задремал рядом с ней, и она протянула руку, чтобы выключить лампу. Он пробормотал, не открывая глаз:

— Нет, оставь...

— Ты не спишь? — спросила она.

— Не хочется.

— А мне, Лоран, хочется спать!

Он открыл глаза и посмотрел на нее со злостью:

— Это меня не удивляет! Ты столько работаешь в этом издательстве! А скоро, видимо, будешь работать еще больше! Патрон, говорят, расщедрился и приготовил тебе новый пост!

— Кто тебе сказал? — спросила она.

— Эту новость шепотом передают друг другу во всех коридорах. Разве это не правда?

— Правда.

— Тогда почему же ты не сказала мне об этом?

— Потому что такие новости тебя не интересуют.

— А ты пришла от этого в восторг?

— Мне приятно, что мою работу ценят.

— Кто?

Она не ответила. Отбросив одеяло, он приподнялся на локте. И навис над нею, обнаженный и требовательный.

— Ты не посмела сказать мне об этом, — продолжал он, — потому что у тебя совесть не спокойна! Ты прекрасно знаешь, что предаешь меня, когда вступаешь в сделку с этими господами — Куртуа, Лассо и прочей шайкой! С каждым шагом в их сторону ты все больше удаляешься от меня! Чем ближе ты к ним, тем дальше от меня! Вот и сейчас у меня в объятиях была не женщина, а ответственная сотрудница издательства «Гастель», заведующая отделом, важная персона! И я предавался любви с важной персоной!

Он буквально выплевывал слова в лицо Анны. Она бровью не шевельнула, исполненная молчаливого презрения. Глаза Лорана сверкали бессмысленным гневом. Наконец он заорал:

— Ты почему улыбаешься?

— Потому что ты смешон, — сказала она.

Он вскочил с постели.

— Ах так! Ах так!

Он озирался, точно искал оружия. И вдруг, увидев на стуле ночную рубашку Анны,

схватил ее и обеими руками стал раздирать. Тонкий батист затрещал. Чем исступленнее рвал Лоран прозрачную ткань, тем спокойнее становилась Анна. Она задумчиво смотрела на него словно издалека и наконец сказала:

— Что ты хочешь этим доказать? Свою силу? Свою глупость? Оставь рубашку немедленно! И отправляйся к себе в комнату!

— Не смей мне приказывать! — закричал он, швыряя в угол разодранную рубашку.
— Если я захочу, я могу все здесь разломать! Все! Все!

Ударом ноги он отбросил стул. Анна вздрогнула от стука и инстинктивно натянула простыню на голые плечи. Он разбудит отца. Ну и пусть! В наступившей тишине Лоран сделал два шага вперед. Он тяжело дышал, кулаки его были сжаты. И вдруг упал на колени перед кроватью. Склонив голову, он произнес еле слышно:

— Анна, я не хочу, чтобы ты работала. Никогда больше! Я не хочу, чтобы ты с кем-нибудь виделась кроме меня! Я не хочу, чтобы ты покидала эту комнату! Никогда!

— А я не хочу, чтобы ты так со мной разговаривал. Никогда! — отрезала она. — Ты слышал, что я тебе сказала? Уходи!

Он медленно поднялся. Взял свою одежду со стула. Пошел к двери. Она увидела его голую стройную спину, выпуклые ягодицы. На пороге он обернулся: у него был вид нищего, выходящего из кабины общественного душа с пожитками под мышкой. Она подумала о том, какую поистине сверхъестественную власть она имеет над ним. Ведь она для него все — и хлеб и вино. Она может спасти его, может убить.

— Вернись, — сказала она чуть сдавленным голосом.

Он повиновался.

Анна шла быстрым шагом в такт колотившемуся от злости сердцу. Ну и пусть Лоран опоздает сегодня на работу, ну и пусть его выгонят. Она трижды трясла его за плечо, но он отказался встать. И она ушла, не дождавшись его. Терпение ее лопнуло. Он утверждал, что у него болит голова. Но она ему не верила. Притворщик, тряпка, бездельник! Как только он открывал рот, ей уже хотелось ему возражать. Даже взгляд его порой раздражал ее. И все же мысль о нем преследовала ее неотступно даже на работе. Его руки, его губы, его кожа, его запах... Они были напрочь спаяны. Враги по духу, сообщники по плоти. Ее засасывала тряпина. Она презирала себя и... думала о предстоящей ночи. Звуки ее собственных шагов отдавались у нее в голове. Серое небо нависало над крышами. Лица прохожих подпрыгивали, как пробки на мелких волнах.

В начале улицы Сервандони она наткнулась на полицейскую заставу. Две пожарные машины стояли около тротуара. Большие лужи воды на мостовой. Анна подняла взгляд на фасад издательства и чуть не вскрикнула от неожиданности. Стены частично обуглились. Из всех окон вылетели стекла. Пожар, видимо, уже потушили, но дым все еще струился из дверей и зияющих дыр. На тротуаре громоздились обгорелые бревна, остатки мебели, пачка почерневшей бумаги. В воздухе летала черная сажа и стоял запах горелого тряпья. Анна проскользнула между двумя добродушными полицейскими и присоединилась к группе служащих издательства, наблюдавших за происходящим.

О том, чтобы войти в здание, не могло быть и речи: там все еще работали пожарные. Анна спросила:

— Что произошло?

Ей ответили сразу десять голосов. По первым предположениям, огонь вспыхнул после окончания работы, в подвальном складском помещении, где были завалы старых бумаг, и быстро распространился вверх по этажам. Проснувшийся посреди ночи привратник вызвал пожарных, которые прибыли тут же, но пожар сумели погасить только к рассвету. По счастью, жертв не оказалось. Зато материальный

ущерб был существенный. Все, что пощадил огонь, пожарные залили водой. Господин Лассо называл это «неописуемой катастрофой». Брюно причитал по поводу своих погибших макетов. Упаковщик Марсель ворчал:

— Это явно сделал кто-то из своих!

— Что за чушь вы говорите! — вскричала мадемуазель Моиз, которая считала себя вправе высказываться безапелляционно из-за близких отношений с руководством издательства. — Кому это нужно?.. Очевидно, произошло короткое замыкание! Помните, в прошлом году...

— У этих замыканий есть ноги! — бросил ей в ответ Марсель. — Я же говорю вам...

Господин Куртуа, бледный, но спокойный, обсуждал что-то с пожарным начальником. Анна искала в толпе Лорана. Почему его до сих пор нет? Наверно, снова уснул.

Спустя некоторое время господин Куртуа предложил служащим собраться в уцелевшей от пожара столовой. Анна последовала за всеми. В течение нескольких минут зал заполнился. Люди, тесно сбившись, стояли среди столов. В воздухе пахло паленым. Заведующий кадрами и директор по литературной части стояли рядом с господином Куртуа, который, надо сказать, отлично владел собой. Он произнес несколько слов, чтобы успокоить своих сотрудников: большая часть книг находится на складе в Пантене, поэтому работа издательства будет приостановлена лишь ненадолго. Он распорядится оборудовать временные рабочие помещения в больших пакгаузах, которыми издательство располагает в пригороде. Отделы незамедлительно будут перемещены туда. Так или иначе, сотрудники в этот период переустройства не пострадают и будут по-прежнему получать положенное жалование. Всем сотрудникам будет разослано извещение о принятых мерах. По мере того как он говорил, с лиц присутствующих сбегала напряженность. Когда он закончил свою речь, Анна спросила, имеет ли он представление о причинах пожара.

— Я знаю об этом не больше, чем вы, — сказал он. — На место происшествия уже прибыл эксперт из страховой компании...

И он ушел: квартальный комиссар полиции хотел его видеть. Служащие разбрелись. Из обычных людей они превратились в участников происшествия. Анна отправилась домой.

В гостиной вся мебель была сдвинута, и Луиза с тряпкой в руке наводила чистоту.

— Ах, мадемуазель! — воскликнула она. — Вы же сказали, что не придете к обеду! Ваш батюшка тоже позвонил, что не придет, вот я и занялась уборкой!

— А месье Лоран?

— Он, должно быть, на работе; он ушел вскоре после вас. Если вы будете обедать дома, мне надо пойти купить чего-нибудь...

— Нет, не стоит, — проговорила Анна.

У нее, видимо, был расстроенный вид, так как Луиза спросила:

— Уж не больны ли вы?

— Нет, нет...

— Но вы же никогда не возвращаетесь в это время с работы, мадемуазель.

Анна нехотя рассказала ей о пожаре. Глаза у Луизы округлились от страха. Анна оставила ее причитать и отправилась на кухню выпить немного вина. Где же Лоран? И почему отец не обедает дома? В такой момент хотелось, чтобы кто-нибудь был рядом. Все у нее идет вкривь и вкось. Она спустилась снова на улицу и

направилась прямо в книжный магазин.

Перешагнув через порог, она остановилась в изумлении. Ее отец стоял на верхней ступеньке лестницы, а госпожа Редан в синем платье с короткими рукавами передавала ему книги. Анна, конечно, знала, что он работает в магазине, но как-то не задумывалась над тем, что он работает рядом с этой женщиной. И сейчас эта картина — он наверху, она внизу — неприятно поразила ее. Ей казалось, что госпожа Редан — более светлая и тоненькая. И значительно моложе. А на деле все оказалось иначе... Она поискала глазами госпожу Жироде. Пьер стоял на своей ступеньке разинув рот, словно его застигли на месте преступления. Он неловко спустился по ступенькам. Тем временем госпожа Редан с приветливой улыбкой подошла к Анне.

— Здравствуйте, мадам, — сказала она. — Вы застали нас в разгар работы. Такое счастье, что ваш батюшка помогает мне. Шутка ли — перестроить все дело...

— А мадам Жироде все еще больна? — спросила Анна.

Госпожа Редан не сразу посмотрела Анне в лицо.

— Вы ничего не знаете? — грустно спросила она. — Тетушка скончалась две недели тому назад.

Анна быстро справилась с собой, поборов удивление.

— Ах, извините, пожалуйста! Совершенно верно! Как же я могла забыть?

Она перевела взгляд на отца. Лицо у него стало совсем жалкое. Они все трое стояли молча. Пауза затягивалась, и Анна чувствовала, как в ней нарастает негодование.

— Ты звонил Луизе, что не придешь обедать? — тихо спросила она наконец.

Пьер кивнул и бросил на госпожу Редан испуганный взгляд.

— У нас так много работы, что я предложила вашему батюшке пообедать со мной в магазине, — сказала госпожа Редан.

— Надеюсь, папа, ты сразу после этого освободишься, — сказала Анна. — Мне хотелось бы поговорить с тобой.

— Но... а в чем дело? — пробормотал он.

— Мне нужно сообщить тебе что-то важное.

— Что ж... В таком случае...

Анна вышла из магазина, даже не простившись с госпожой Редан. Минут через пять после того, как она вернулась домой, примчался запыхавшийся отец.

— Что случилось, Анна? — проговорил он с трудом.

— Издательство «Гастель» сегодня целиком сгорело, — сказала она.

— Как? Но это... ужасно! Целиком?

— Целиком.

— А как же с твоей работой?

— Думаю, что у меня ничего не изменится.

— Почему ты мне не сказала об этом в магазине?

— Ты был так занят!

Он опустился на диван и покачал головой:

— Боже мой! Боже мой!.. Как же это произошло?

Вместо того, чтобы ответить ему, она внезапно спросила:

— Папа, я хотела бы, чтобы ты объяснил мне, почему на протяжении стольких недель ты мне врешь.

Он продолжал сидеть, не поднимая головы. Она стояла рядом и видела лишь макушку, на которой между зачесанными назад седыми прядями просвечивала бледная кожа.

— Я? — произнес он наконец. — Но Анна...

— Мадам Жироде умерла, и, однако...

Он прервал ее:

— Ах, вот оно что... Мне казалось, я говорил тебе...

— Ничего тебе не казалось...

— Да нет же! Уверяю тебя!..

Она видела, как он старается выкрутиться, и испытывала одновременно жалость и отвращение к нему.

— Что же будет с магазином теперь, после смерти мадам Жироде? — спросила она.

— Его унаследовала мадам Редан.

— И ты служишь у этой женщины?

— В общем, да...

— За какую же плату?

— Мы пока не обсуждали этого вопроса.

— Почему?

— Это... неловко, Анна.

— Так ты работаешь за ее прекрасные глаза?

Больше она не могла держать себя в руках. Все в ней восстало против пошлости и двуличия отца. А он сидел сгорбившись, судорожно сжав руки, и не отваживался поднять на дочь глаза. Точно большой запуганный заяц. Нелепый и такой жалкий. Она вдруг ударила кулаком по овальному столику, на котором стояли шкатулки.

— Ты сейчас же скажешь мне правду, — крикнула она. — Эта женщина — твоя любовница? Да?

Подбородок у Пьера как-то отяжелел, отвис. Он пролепетал:

— Да, Анна.

Она настолько не ожидала подобного ответа, что признание отца привело ее в замешательство.

— С каких пор? — спросила она.

— Со вчерашнего дня.

Анна почувствовала себя обманутой, униженной; она опустилась в кресло и закрыла лицо руками. Плакала не она — плакала Мили.

— Анна, милая Анна! — залепетал Пьер.

Он опустился перед ней на колени, пытаясь оторвать ее руки от лица. Сквозь слезы она видела его растерянное умоляющее лицо — оно шевелилось где-то внизу, у ее ног уродливое, лживое.

— Как ты мог? — всхлипывая, проговорила она. — Не прошло и полугодика после смерти мамы! Как вспомню, в каком ты был горе, что ты говорил мне тогда!.. А теперь... С первой же встречной... До чего мерзко!.. Мерзко! Это в твоём-то возрасте!..

Она захлебнулась словами.

— Ты права, — сказал он. — Но я был так потерян, так одинок! У тебя, Анна, своя жизнь... Я встретил мадам Редан... Она такая милая, так хорошо меня понимает...

— Не смей мне говорить об этой глупой бабенке!

— Но это не имеет никакого отношения к Мили, ты же понимаешь... Мили остается для меня... Я никогда никого не любил, не люблю и не буду любить, кроме нее...

— Ты опять врешь! — прошипела Анна.

— Клянусь тебе, что нет!

Он целовал ей руки, но она оттолкнула его: ей были неприятны его поцелуи.

— Ты мне противен! — сказала она. — Уходи! У тебя теперь есть постель в другом месте, вот и отправляйся спать туда.

— Что? Что ты сказала? — воскликнул он пронзительным, визгливым, чуть ли не бабьим голосом. — Но это невозможно, Анна! Я не хочу расставаться с тобой! Ты моя дочь! Самое дорогое, что есть у меня на свете! Как я буду жить без тебя? Я сделаю все, что ты захочешь, Анна, только не это, не это!...

Он с трудом поднялся — ноги дрожали и не слушались его — и присел на край дивана. Слезы струились по его обмякшему лицу. Он всхлипнул. Анна вышла из гостиной, хлопнув дверью.

В коридоре ее остановила Луиза:

— Так как насчет обеда, мадемуазель?..

— Обедайте сами, а о нас не беспокойтесь, — ответила она.

Она вошла к себе в комнату и упала на стул — в висках у нее шумело. Спустя некоторое время кто-то постучал в дверь. Это был Пьер — ссутулившийся, приниженный; он боязливо смотрел на нее.

— Послушай, — сказал он, — я все обдумал. Я напишу ей письмо и скажу, что мы не должны больше встречаться. Я покажу тебе это письмо...

— Делай, что хочешь, мне все равно, — сказала она. — А сейчас оставь меня одну.

— Да, да, Анна, я уйду.

Пьер вышел и закрыл за собой дверь. Однако Анна никак не могла успокоиться. У нее было такое ощущение, точно на ней грязное белье.

Пьер разорвал исписанный лист и бросил клочки бумаги в корзину. Он принимался писать уже в седьмой раз. Никак не удавалось подыскать слова, которые передали

бы всю меру его отчаяния. Как объяснить Элен, что он испытывает к ней огромную нежность, огромное уважение, но не может идти против воли дочери? Как оправдать перед ней этот отказ от будущего во имя верности прошлому? В конце концов он бросил блокнот и принялся ходить по комнате. По комнате или по камере? Он ходил от одной стены к другой и никак не мог найти выхода. В голове его, словно мячи, сталкивались за и против. Он не мог больше думать об ужасе этого выбора: потерять Элен или вызвать гнев Анны. Весь день он страдал, сознавая свою обреченность. И вечером, сидя за столом между Лораном и Анной, он еле сдерживал слезы. Лоран ничего не знал о назревавшей в доме драме. Анна при нем делала вид, будто ее волнует лишь пожар в издательстве. Странный парень! Побродив ради любопытства по улице Сервандони, он вернулся с безразличным видом. Главное, — заявил он, — что обошлось без жертв!

Анну, очевидно, раздражало столь философское отношение к тому, что для нее было настоящим бедствием. Они заспорили, и это дало Пьеру возможность не участвовать в разговоре. Сразу же после ужина он ушел к себе. Нет, легче умереть, чем сделать выбор. Хоть бы бог поразил его — он рухнул бы на пол со словами: «Спасибо тебе». Но смерть не приходит, когда она нужна. Каким страшным взглядом впилась в него Анна! Эта черная молния испепеляла его, растворяла, превращала в ничто, он словно стоял перед трибуналом, где судьей была женщина. Вернее — не судьей, а обвинителем. Она была сама уверенность в себе, сама правота, неоспоримая истина, железная палка, колода на шее, нож гильотины... Навечно осужденный, он боялся ее — и не мог без нее жить. Одобрение Анны было его главной опорой в жизни. Раньше он вот так же подчинялся Мили. Но Мили — это была еще и любовь, кокетство, легкость, смех, духи, обнаженное тело в постели, новое платье, путешествия... Подчиняться такой чужой воле было только приятно. Он вдруг увидел ее рядом, живую — и сердце отчаянно заколотилось. Нет, никто не может ее заменить. Но кто говорит о замене? Жизнь с Элен была бы чем-то совсем иным. Мирным союзом двух друзей. Разумным объединением на склоне лет. Вот чего не поняла Анна. Может быть, он не сумел ей это объяснить? Может быть, если возобновить с ней разговор на свежую голову, она окажется более терпимой? Три шага туда, три шага обратно, комната завертелась перед его глазами... За окном спустилась ночь. Неслись под дождем машины. А Элен даже ничего и не подозревает — Элен, которой он должен нанести такой удар! Он не имеет на это права. Ах, до чего же он одинок, слаб, сбит с толку...

Он вышел в коридор и в нерешительности остановился перед комнатой дочери. За закрытой дверью — тишина, тишина отказа. Он посмотрел на часы. Двадцать минут первого. Она, наверно, спит в объятиях Лорана. Безнадежно махнув рукой, он вернулся к себе, снова сел за стол и принялся писать.

Луиза поставила дымящийся кофейник и молочник на стол. Анна торопливо налила себе кофе. Она всю ночь не спала. Голова была тяжелой и болела. Встав раньше мужчин, она рассчитывала, что кофе придаст ей сил. Она сделала несколько глотков, но тяжесть в голове не проходила.

Вся ее жизнь казалась ей сейчас бесконечным переплетением усталости, отвращения, изнурительной работы ума. Ей надоело все время думать об одном и том же. Мысли кружились в голове, словно ослик, вращающий каменное колесо жернова. Открылась дверь, и появился отец в халате, небритый, с отчаянием в глазах. Это должно означать, что он страдает. В точности так же он выглядел после смерти Эмильенны. Какая комедия! Он уныло пробормотал что-то в знак приветствия. Анна даже не повернулась в его сторону. Не осмеливаясь поцеловать ее, он нахохлился и сел за стол с видом наказанного школьника. Луиза принесла ему газету, которую купила по дороге. Он положил ее рядом с тарелкой, даже не развернув. Анна налила ему кофе, и он порывисто поблагодарил ее:

— Спасибо, Анна, моя милая.

Взглядом он умолял ее о прощении. Но у нее это вызвало лишь тошноту. Она не могла простить ему того, что он убил в ней нежность. Это он сделал ее жестокой, бесчувственной, навсегда очерстевшей. Теперь между ними уже не будет ничего

— одно лишь бесконечное молчание. Он пил и ел, а она не понимала, как он может даже думать об еде.

Когда он допил кофе, она с холодной злобой налила ему еще. Неужели Лоран все еще спит! До чего же он безответственный! Пойти разбудить его? А стоит ли? Через какое-то время он все же появился на пороге, привлеченный, наверно, запахом горячего кофе. Длинные волосы висели у него вдоль щек. Он тоже был небрит.

— Доброе утро, Анна. Доброе утро, Пьер.

Он сел, не дожидаясь, пока она нальет ему кофе. За столом снова воцарилась тишина, тяжелая, душная. Лоран протянул руку за газетой.

— Есть что-нибудь о пожаре? — спросил он.

— Не знаю, — едва слышно ответил Пьер.

Лоран развернул газету, сверху вниз пробежал глазами по странице и воскликнул:

— А, вот! «Пожар в издательстве «Гастель». Вчера, около часу ночи, в здании издательства внезапно вспыхнул пожар...»

И продолжал монотонно читать дальше. Избитые фразы следовали одна за другой: «Благодаря быстрому вмешательству пожарных... Причину пожара до сих пор установить не удалось... По некоторым утверждениям, речь может идти о коротком замыкании... Однако возможность злого умысла отнюдь не исключается...»

Анна вспомнила слова Марсея:

«Это явно сделал кто-то из своих!». Она смотрела на этих двух тунеядцев, сидевших с нею за одним столом, и раздражение ее с каждой минутой возрастало. Она встала и вышла на кухню — пусть посидят одни.

— Я иду за покупками, — сказала Луиза.

— Нет, — сказала Анна, — я схожу сама.

Она взяла сумку и с явным облегчением вышла на улицу.

Когда она вернулась, отец и Лоран все еще обсуждали что-то в гостиной. По-прежнему небритые. Сосредоточенные. Атмосфера безделья, как в воскресенье.

— Дайте же, наконец, Луизе убрать гостиную, — сказала она.

Мужчины встали. Но так, словно подошвы у них налиты свинцом. Зазвонил телефон. Звонила мадемуазель Моиз. По поручению мосье Куртуа. Он просил приехать в половине четвертого в Пантен, чтобы посмотреть на месте, как там расположиться.

— Я приеду, — сказала Анна.

Она прошла к себе в комнату. Лоран пришел за ней следом.

— Что это с твоим отцом? У него такой мрачный вид!

Она помедлила.

— Он потерял свое место, — тихо проговорила она наконец.

— Что? В книжном магазине?

— Да.

Он поморщился.

— Жаль! Боюсь, что в его возрасте он больше ничего не найдет.

Нет, это совсем уж невыносимо: жалеть человека, потому что так принято.

— Не желаю я больше слушать избитые фразы, — резко сказала она. — Ты жалеешь моего отца, потому что он остался без работы! А сам разве не радуешься, что потерял свою? Теперь ты можешь поздно вставать и лодырничать весь день! Это же твоя мечта! Тебе этот пожар только на руку!

Он пожал плечами.

— Ну что ты говоришь? Я опять впрягусь, как и все, чуть только дело наладится!

— Ну, конечно, тебя бы больше устроило, если бы сгорел и склад в Пантене, — сказала она, сверкнув глазами.

Он рассмеялся.

— Не будем говорить о чудесах! Во всяком случае, таскаться туда каждое утро не так-то весело! Не меньше сорока пяти минут на метро. Придется вставать на рассвете!

— Никто не заставляет тебя это делать!

— Нет, Анна, ты заставляешь.

— Ах, значит, я!.. Ты свободен! Бросай свою работу! И начинай прежнюю жизнь!

— Нет. Ведь я люблю тебя, Анна. Я поеду с тобой в Пантен или на край света, ты это прекрасно знаешь!

Он хотел обнять ее, но она резко высвободилась и вышла из комнаты. Затем прошла в гостиную и села за вышивание. К ней подошел отец, держа в руке какую-то бумагу. Он был уже одет и выбрит.

— Посмотри, — сказал он, — вот что я ей написал.

— Кому?

— Мадам Редан... Письмо... Я не хочу его отправлять, пока ты не прочтешь...

— Ну, это уже слишком, отец! Ты понимаешь, о чем ты меня просишь? Ты взрослый человек и сам прекрасно знаешь, что нужно ей сказать!

— Да, да, — пробормотал он расстроено.

А она снова взялась за вышивание. Через минуту Пьер тихо произнес:

— Значит, послать его так, как есть?

Она не ответила.

— Сейчас и отправить? — спросил он еще.

Опять молчание. Пьер вышел, с трудом передвигая ноги. Словно поднимался на эшафот. Анна старательно работала иглой с желтой шерстяной ниткой и думала о пожаре. Вошел Лоран и положил руки ей на плечи. Дыхание его ласкало щеку Анны. Она еле удержалась, чтоб не отмахнуться от него, как от назойливой мухи.

— Не сходить ли нам после обеда в кино? — предложил Лоран.

— Нет, — ответила она. — Дирекция просила меня приехать в Пантен.

— А мне тоже надо ехать?

— Вовсе нет.

— Когда же ты вернешься?

— Понятия не имею.

Лоран убрал руки с плеч Анны. И с явным разочарованием отойдя от нее, сел в кресло. Он взял зеленую шерстяную нитку в рабочей корзинке и стал машинально наматывать ее на палец. Глаза у него были печальные.

— Что случилось, Анна? — спросил он наконец.

Она вздрогнула, точно до нее дотронулись раскаленным железом. Сколько раз слышала она эту фразу? Сколько раз ей придется слышать ее еще?

— Что-то есть странное в этом пожаре, — сказала она. — Что-то такое, чего я не могу понять...

— Что ты хочешь сказать?

— Так, ничего...

— Да нет же! Говори!

Она отложила вышивание и пристально посмотрела в глаза Лорану. У нее появилось желание задеть его, уязвить. Она ничего не могла с собой поделать. И, не задумываясь, она отчетливо, звонко произнесла:

— По-моему, тут явно злой умысел, как писали в газетах.

— Но кто мог это сделать? — спросил Лоран.

— У тебя нет ни малейшего представления об этом?

На лице Лорана появилось выражение, какого она еще никогда не видела. Что-то вроде ужаса. Но не перед тем преступлением, в котором она его обвиняла, а перед ней самой. Он смотрел на нее, точно она была чудовищем, которое море выбросило к его ногам на берег. Глаза его выкатились. Губы дрожали. Но он не издал ни звука. Только вдруг двинулся к Анне, клешнями вытянув руки, словно хотел задушить ее. Она видела, как его пальцы протянулись к ее шее, но не двинулась с места. Ей было страшно и радостно. Она не могла ни крикнуть, ни защищаться. С чем он играл? А она сама? Прошло несколько секунд. Руки Лорана медленно опустились. Он медленно повернулся на каблуках и вышел, с такою силой хлопнув дверью, что стена затряслась.

Оставшись одна, она попыталась понять, зачем ей вдруг понадобилось бросать ему в лицо это нелепое обвинение. Она же ни слову не верила из того, что сказала. Всякий раз, когда она злилась, у нее словно включался говорильный аппарат, и готовые штампы слетали с языка, подгоняя друг друга, — неслись широким, непреодолимым потоком.

Пьянея от собственных слов, она утрачивала чувство меры и топтала того, кого хотела всего лишь одернуть. Словно с размаху давала пощечины посреди улицы. Этакое безрассудство! Она улыбнулась. Прилив злобы прошел. На смену ей прошла апатия. В конце концов, ну что тут особенного: еще одна ссора. Вечером ни она, ни он об этом даже не вспомнят.

Когда наступило время обеда, Лоран отказался выйти к столу. Он лежал на постели в комнате Анны, задумчивый и обиженный. Она немного чего-то пожевала, сидя напротив отца. Тот ел с отсутствующим видом, уставясь остекленелым взглядом в тарелку, и лишь машинально открывал и закрывал рот, словно челюсти у него были на пружине.

Во время обеда зазвонил телефон. Анна сняла трубку. Ошиблись номером. Она

снова села. Она устала и чувствовала себя бесконечно одинокой. Внезапно ей вспомнился Марк. Далеко ли у них с Коринной зашло дело? Женился он на ней или нет? Ну, какое это имеет значение! Марк для нее больше не существует. Впрочем, он и вообще никогда не существовал. Она встала из-за стола. Отец последовал ее примеру. Он стал похож на тень. Словно вторично овдовел. Она полоснула его взглядом и поспешила уйти.

В половине четвертого она была на складе в Пантене. Две трети огромного помещения, холодного и неуютного, были заняты экспедицией, рассылавшей книги в провинцию. Но в оставшейся трети нетрудно было сделать кабинеты для дирекции, отделив их друг от друга фанерными перегородками. Господин Куртуа поинтересовался, как его основные сотрудники хотели бы распределить помещение. Анна выбрала для себя самый светлый угол. Архитектор делал наброски на больших листах бумаги, подхватывая на лету предложения сотрудников. Он полагал, что все можно будет переоборудовать за три недели. Господин Куртуа считал, что это было бы слишком долго. Архитектор обещал предельно сократить срок. А пока предстояло заняться заменой сгоревшего кабинетного оборудования. После пожара не уцелело ни одной пишущей машинки.

Было уже шесть часов вечера, когда Анна села в метро, чтобы ехать домой. В переполненном вагоне ее сдавила густая жаркая толпа, от душного смрадного воздуха ее подташнивало. Лоран прав: нелегко будет ездить каждое утро на работу в Пантен после того, как она многие годы добиралась до улицы Сервандони пешком за десять минут. И как не согласиться с ним, что каждодневный труд превращает человека в животное! На всех этих мужских и женских лицах, освещенных ярким электрическим светом, лежал отпечаток одинаковой усталости и скуки. Дряблое тело, потухший взгляд, а в голове — нескончаемые мысли о здоровье, семейных передрыгах да и о том, как дотянуть до конца месяца. Вагон стремительно мчался от станции к станции со своим грузом живого мяса. Двери открывались — одни выходили, другие входили. Неизвестные, незаметные, сменяющие друг друга люди. И она была частицей этой живой массы. Она, считавшая себя и свои проблемы чем-то уникальным, неповторимым. На Северном вокзале надо было делать пересадку. Огромные рекламные щиты господствовали над кишашей внизу массой, всецело подчиненной им. Анна заспешила туда, где висела надпись: «Пересадка». Переходы, платформа, снова вагон и — те же лица. Уф, наконец-то дома!

Анна была измотана, в голове стоял гул от грохота метро. После городской суматохи — какая тишина в квартире! Пьер сидел в гостиной и, казалось, спал с открытыми глазами и вытянутой шеей. Словно чучело, набитое соломой! Анна прошла к себе и застала Лорана в той же позе, что и пять часов тому назад: он лежал на постели одетый, согнув колени, устремив взгляд в потолок.

— Почему ты снова лег? — спросила она. — Ты болен?

— Нет, — проворчал он. — Я жду тебя.

— Вот так — ничего не делаю?

— А что мне делать?

— Ну не знаю! Мог хотя бы почитать!

— Я предпочитаю думать.

— От этих снотворных таблеток ты совсем отупел!

— Ничего подобного! Они хорошо на меня действуют. Принял — и никаких проблем! Как только мне становится тоскливо, проглочу таблетку и погружаюсь во тьму — тишина, отдых...

На комодке — пустая тарелка и стакан, на полу хлебные крошки. Должно быть, он все-таки вставал и брал еду из холодильника. А сейчас за столом откажется есть.

— Поднимайся! — сказала она.

— Зачем? Уже поздно?

— Скоро восемь.

— Вот никогда бы не подумал. До чего же быстро летит время! А что было в Пантене?

— Думаю, что там всех удастся разместить.

— И тех, кто комплекзует заказы тоже?

Он язвительно расспрашивал ее, приподнявшись на локтях. И она подумала, что это еще хуже, чем если он злится, как было утром, когда он хотел ее задушить.

— Как только появится возможность, мосье Лассо вызовет тебя на работу вместе с остальными.

— А он не боится, что я подожгу и этот барак?

— Идиот!

— Не волнуйся, я даже на это не способен!.. Что поделаешь, я бываю бешеным только на словах. А как только надо действовать — сдаюсь! Законченный неудачник!

— Ладно, пошли ужинать!

— Что-то не хочется.

Анна вышла из комнаты. Ей тоже не хотелось садиться за стол. Но надо было — из-за отца. Чтобы жизнь в доме шла своим чередом, по раз навсегда установленным законам.

Пьер, сгорбившись, посапывал над чашкой с остывающим кофе. Лоран сонно жевал хлеб с вареньем. Анна поспешно проглотила завтрак и заявила, что уезжает в Пантен на целый день. Ни тот, ни другой на это не отреагировал, словно погруженные в летаргический сон. Пьер вскоре ушел к себе, шаркая домашними туфлями. Лоран забрался в ванную комнату, оставив по своему обыкновению, дверь открытой: Он намыливался, стоя в ванне, а Луиза сновала по коридору, избегая смотреть в его сторону. Когда Анна надевала пальто, зазвонил телефон. Она сняла трубку. Женский голос спросил:

— Алло! Это мадам Анна Предаиль?

— Да.

— Говорит Элен Редан. Можно попросить к телефону вашего батюшку?

Ни слова не ответив, Анна положила трубку возле аппарата и пошла за Пьером в его комнату.

— Мадам Редан просит тебя к телефону.

Он вздрогнул, словно его обнаружили в укрытии и схватили, чтобы оттуда вытащить.

— Ни в коем случае... — забормотал он. — Я не хочу разговаривать с ней...

— Ну что ж, скажи ей об этом сам раз и навсегда!

— Нет, скажи ей ты, Анна, прошу тебя! — с трудом выговорил он.

Глаза у него округлились. Углы рта были опущены. Анна вернулась в гостиную и

взяла трубку.

— Отец не хочет подходить к телефону, — сказала она.

— Но отчего же?

— Вы не догадываетесь? Но вы же наверняка получили от него письмо.

— Вот именно!.. Это какое-то безумие!.. Мне необходимо увидеть его, поговорить...

— Он сказал вам все, что хотел сказать, мадам. Не пытайтесь что-либо предпринимать.

Она резко положила трубку, точно прихлопнула назойливую муху. Повернувшись, она увидела отца, стоявшего в дверях. Он тихонько подошел, чтобы услышать свой приговор. Теперь все было кончено, и он молча, с потерянным видом смотрел на дочь. Опять он разыгрывает перед ней великое страдание. И зачем все они так любят выставлять напоказ свои чувства, устраивать спектакли? Даже у Лорана она замечала этакий трагический надрыв. Ведь как только она уйдет, отец, лишившись публики, сразу успокоится. Она поцеловала его в лоб и вышла. А лишь только очутилась на улице, сразу забыла о нем.

В Пантене уже начались работы по переоборудованию. И Анна обнаружила возле господина Куртуа всех заведующих отделами.

Сотрудники собрались в импровизированном кабинете. Представители отдела реализации сообщили о том, как раскупается продукция издательства. Жизнь начиналась заново. Анна пообедала в бистро с Брюно и Каролюсом. В четыре часа ее вызвал господин Куртуа и сообщил, что собирается взять ее с собой в Болонью на Международную ярмарку книг для молодежи. По правде говоря, она ожидала такого предложения: оно вытекало из ее новых обязанностей. Вылетают они в ближайший понедельник. Всего на четыре-пять дней. До отъезда надо изучить предложения нескольких иностранных издателей, с которыми господин Куртуа собирался установить более тесные контакты. В любом случае он считал, что после пожара ему совершенно необходимо быть в Болонье, чтобы продемонстрировать жизнеспособность издательства. С ними поедет также заведующий отделом реализации. Анна обрадовалась этой поездке, которая не только свидетельствовала о расширении ее функций, но и позволяла вырваться из привычной обстановки. Теперь, когда Лоран и Пьер оказались без работы и не знали, куда себя деть, обстановка в доме стала просто невыносимой. В шесть часов Каролюс отвез ее домой на своей дребезжащей малолитражке.

Пьер был у себя. Лоран, развалившись на диване в гостиной, читал детектив. Он что-то буркнул в знак приветствия и снова углубился в чтение. Анна прошла в ванную вымыть руки. В эту минуту у дверей позвонили. Луиза пошла открыть и вернулась смущенная.

— Там какая-то дама спрашивает вашего батюшку. Я постучалась к нему. Но он не отвечает. Наверное, спит...

— Что вы сказали этой особе?

— Я предложила ей пройти в гостиную.

Анна вытерла руки и решительно двинулась на бой с незваной гостьей. Элен Редан в строгом твидовом пальто с поднятым воротником стояла между окном и застекленными книжными шкапами. Руки она держала в глубоких накладных карманах. На лице читалась мучительная, с трудом достигнутая решимость.

— Оставьте нас, пожалуйста, Лоран! — сказала Анна.

Он вышел, похлопывая книгой по ноге. Анна закрыла за ним дверь и, повернувшись к Элен Редан, сухо произнесла:

— Я, кажется, уже сказала вам по телефону, что мой отец не хочет больше с вами встречаться!

— Этого не может быть! — воскликнула Элен Редан. — Ему в голову не пришло бы написать такое письмо! Я слишком хорошо его знаю!..

— Мне известно, что вы хорошо его знаете, мадам. Я в курсе ваших походов!

Щеки Элен Редан побагровели. Глаза сверкнули оскорбленной гордостью.

— Никаких походов тут нет, — сказала она. — Мы с вашим батюшкой собираемся пожениться.

Анна тупо уставилась на эту блондинку в сером, с глазами, полными отчаянного вызова, которая ворвалась на ее территорию. Он пошел на такое... Он посмел... у меня за спиной... После того, как тридцать пять лет ворковал на плече у Мили... Она задыхалась. Мысли путались в голове. Наконец она прочистила горло и сказала:

— Отец ничего не говорил мне о ваших планах. Мы обсудим их втроем, если позволите.

Она сделала четыре шага и резко открыла дверь спальни. Отец сидел в глубине комнаты у камина и смотрел на нее, как затравленный зверь. Он весь взмок, и взгляд его казался безумным от напряжения и беспокойства.

— Папа, — сказала Анна со спокойной жестокостью, — мадам Редан настаивает на встрече с тобой.

Он жестом показал, что не хочет никуда идти. Она сказала еще громче, чтобы ее было слышно в соседней комнате:

— Да ну же, папа, смелее! Сделай над собой усилие!

Пьер поднялся. На нем была старая коричневая куртка с перламутровыми пуговицами и домашние брюки, вытянувшиеся на коленях, на ногах — домашние туфли. Дрожащей рукой он поправил перед каминным зеркалом узел галстука.

— Ничего, сойдет! — жестко сказала Анна. — Ты и так хорош.

Он вышел следом за ней в гостиную. Увидев Элен Редан, он невольно вобрал голову в плечи и пробормотал:

— Здравствуйте, мадам.

Элен Редан резко выпрямилась.

— Как, Пьер! — воскликнула она. — Вы называете меня «мадам»?

Анна почувствовала странное удовлетворение и в то же время отвращение, приятно щекотавшее ей нервы. Она опустилась в кресло, а они стояли друг против друга, нелепые, запутавшиеся, попавшие в ловушку. Анна была как зритель в театре. И с нетерпением ожидала продолжения пьесы. Элен Редан вытащила из кармана пальто сложенный вчетверо лист бумаги.

— Пьер, это письмо!.. Я не могу поверить!.. Вы написали его под диктовку!..

Он взглянул на дочь, как бы ища у нее поддержки, кашлянул и сказал:

— Вовсе нет. Все так и есть...

В глазах Элен Редан появился призыв, мольба — какое жалкое это было зрелище! Она как бы умоляла Пьера вспомнить то, что было, прогнать наваждение, сказать свое слово.

— Значит, вы решили порвать, — прерывающимся голосом сказала она. — После того, что было между нами! После того, что бы мне говорили!

— Постеснялись бы, мадам! — с презрительной усмешкой заметила Анна.

— Помолчите, мадам, вы не в состоянии понять!

— Ну что ж! Ответь тогда ты, папа, — приказала Анна. — Говори... Говори...

— Да, — пробормотал Пьер, — я, видите ли, был не в себе... И я поступил так по слабости, по глупости... Мне очень жаль... Но между нами все кончено... Прошу вас забыть...

У него был вид ученика, повторяющего урок. Экзаменатором была дочь. И краешком глаза он проверял, одобряет ли она. Элен Редан обошла столик и встала перед Анной, которая по-прежнему сидела в кресле.

— Это ужасно — то, что вы сейчас делаете, мадам, — сказала она. — Между вашим отцом и мной не было ничего плохого, ничего позорного. Мы оба уважаем память вашей матери. Мы встретились с ним в таких обстоятельствах, что между нами возникла глубокая, спокойная привязанность. Я не только питаю нежные чувства к вашему отцу — я так нуждаюсь в его помощи. А он в книжном магазине нашел для себя интересное занятие, обрел вкус к жизни. Все это вы разрушили. Во что вы его превратите? В жалкую развалину! Я смотрю на него и с трудом узнаю, хотя мы всего несколько дней не виделись! Он же рта не смеет раскрыть! Какая вы злая женщина!..

Но ни одно из этих слов, произнесенных прерывающимся голосом, не подействовало на Анну. Уверенная в своей силе и правоте, она дала противнице возможность выговориться — пусть сотрясает воздух. Ее это не трогало. Пьер же при каждой фразе Элен Редан вздрагивал. Он был сражен, подбородок у него дрожал, и, глотая слезы, он вдруг простонал:

— Уходите, Элен, уходите, умоляю вас...

— Хорошо, Пьер, — сказала Элен Редан, внезапно успокоившись. — Я уйду. Я не хочу усугублять ваших страданий.

Анна не могла не признать в глубине души, что Элен Редан с достоинством приняла свое поражение. «Сильная женщина. Он стал бы тряпкой в ее руках».

Но непрощенная гостья уже шла к выходу. Анна проводила ее до дверей. На пороге Элен Редан задержалась, лицо ее сморщилось. Затем она повернулась и стала быстро спускаться по лестнице.

Анна закрыла дверь и прислонилась к стене прихожей. Эта встреча взволновала ее больше, чем она могла предположить. Она вышла из борьбы победительницей, но колени у нее подгибались. Ее поразила тишина в доме. Отец ушел к себе. Она прошла на кухню — Луиза занималась подсчетом расходов в хозяйственной книге.

— Не угодно ли вам проверить, мадемуазель...

— Я проверю завтра, Луиза, — сказала Анна. — Вы можете идти.

Она налила два бокала сухого вина и направилась в комнату отца. Он сидел в кресле, склонив на грудь голову.

Глаза у него были влажные. Взгляд тупой, свинцовый. Он прерывисто дышал, точно прислушиваясь к пульсирующей боли.

— Хватит, папа, — сказала она. — Пошли!

— Куда?

— В гостиную. Выпьем вместе.

— Нет, оставь меня, Анна.

— Пойдем сейчас же!

Он встал, последовал за ней, взял протянутый ему бокал.

— Ну пей же! — сказала она.

Они чокнулись. Стоя возле нее, Пьер пил и плакал. И после каждого глотка всхлипывал. Когда он допил вино, она сходила за бутылкой и налила ему еще.

После ужина Пьер, молчаливый и мрачный, удалился к себе, Анна же присела в гостиную за маленький письменный столик в стиле Людовика XVI, чтобы просмотреть бумаги, которые ей дал господин Куртуа. Лоран, лежа на диване, играл с бахромой абажура. Всякий раз, как Анна поднимала от бумаг глаза, она видела его за этим бессмысленным занятием. Спустя некоторое время она так увлеклась работой, что перестала им интересоваться. Она листала бумаги, делая выписки для доклада, который она продиктует завтра...

— У тебя еще надолго? — спросил Лоран.

— Да, — сказала она. — А ты чем занят?

— Смотрю на тебя и жду.

— Ты только и делаешь, что ждешь. В будущий понедельник я уезжаю в Болонью.

Он разом сел на диване.

— Что?

— Да, Лоран.

— А что тебе там понадобилось?

— Там будет Международная ярмарка книги для молодежи. У нашего издательства там свой стенд. Раз я теперь вместо мадемуазель Бурьез, патрон предложил мне...

— И ты согласилась? — перебил он.

— Ну конечно! Я не могла поступить иначе.

— На сколько же времени ты уедешь?

— Дней на пять.

— Но это невозможно!

— Почему?

— Ты не можешь меня оставить!

— Нет, могу, Лоран.

Он вскочил на ноги. Глаза его стали черными от бешенства.

— Ты едешь туда с Марком! — выкрикнул он.

— До чего же ты глуп! — проговорила она со вздохом. — Я еду с мосье Куртуа.

— Ну знаешь, в конце концов я предпочел бы, чтобы ты ехала с Марком! — сказал он с издевкой. — Так это хоть имело бы какой-то смысл! По крайней мере, я думал бы, что ты бросаешь меня ради удовольствия! А ты, оказывается, едешь из-за

работы, из-за твоей паршивой работы!.. Она убивает тебя! Отравляет! Стоит твоему патрону свистнуть, и ты уже бежишь! И семенишь за ним! А меня спокойно бросаешь.

Он перевел дух, подумал немного, и вдруг лицо его совсем по-детски осветилось надеждой.

— А что, если мне поехать туда с тобой? — воскликнул он.

— Об этом не может быть и речи! — сказала Анна.

— Это тебе помешает?

— Очень.

Лоран нахмурился и, отчеканивая слова, подчеркивая их, произнес с насмешкой и ненавистью:

— Патрон будет недоволен? Мое присутствие унизит тебя в его глазах и испортит твою карьеру?

— Нет, Лоран, — ответила она. — Но пойми же, наконец. Не могу я таскать тебя всюду за собой, как кандалы!

— Что? Что? Повтори!..

Она зажала руками уши. Надоели ей эти крики. Словно у ног ее таяла собачонка. Но он вдруг умолк. Взгляд его потух. Он, кажется, понял, что все возражения бесполезны. Он стоял перед ней, покачиваясь, лицо его разгладилось и стало невыразительным, как блин. После долгого молчания он проговорил:

— Если ты поедешь туда, Анна, ты меня больше не увидишь!

Она пожала плечами. Он повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Анна усердно, с удовольствием поработала еще около часу, стремясь навести порядок хотя бы в бумагах, если не в своей жизни. Затем в ней шевельнулась совесть, и она пошла в спальню. Лорана там не было. Он решил показать свой нрав и удалился в комнатку в дальнем конце коридора. Она обнаружила его там — он спал, свесив с постели голову. Рядом лежали таблетки. Слишком часто он их принимает. Она забрала коробочку. Почему ей всегда приходится о ком-то заботиться, ухаживать, давать советы, наставлять, — а кто пытается помочь ей? Почему бы ей в таком случае не сложить оружие? Ах, если бы кто-нибудь взял ее за руку и повел за собой! С какой радостью она забыла бы о своем пресловутом сильном характере! Но окружающие вынуждают ее быть вечно на страже.

Она долго стояла и глядела на распростертое перед нею полуголоое тело, дышавшее в одном ритме с нею. Затем, поправив одеяло, она вышла на цыпочках из комнаты, вернулась к себе в спальню и легла, радуясь тому, что вдруг оказалась одна.

Иллюминатор заволокло плотным облаком. Анна сидела, откинувшись на спинку кресла, и ей казалось, что, оторвавшись от земли, она как бы оторвалась от реальной жизни. Здесь все было ненастоящим: и воздух, которым она дышала, и даже она сама. Вырванная из привычной жизни, заброшенная в неведомое пространство, она словно перечеркнула все то, что до сих пор составляло смысл ее жизни. Рядом с ней господин Куртуа листал журнал. Она вдруг ощутила нелепость этого соседства на высоте в несколько тысяч метров с человеком, который ничего для нее не значил, тогда как Лоран изнывал от скуки и злости в покинутой ею спальне. Он так и не простил ей отъезда. Ночью он был с ней груб, словно хотел отомстить ей за то, что она вызывала в нем желание. В конечном счете Лорана интересовало только одно — физическое наслаждение. Он не способен был ни на что, кроме ревности и жажды обладания. Для него все сводилось к потребности любить и ласкать женщину. И сегодня утром он умолял Анну позвонить ему сразу по

приезде в Болонью. Детские глупости. Не станет она ему потакать. Надо приучить его обходиться время от времени без нее. Иначе, если уж слишком себя связать, жизнь станет просто невыносимой. Господин Куртуа положил журнал, открыл портфель и извлек оттуда пачку листков с машинописным текстом.

— Я вам говорил, что получил заключение экспертов? — пробурчал он. — По их мнению, все произошло из-за короткого замыкания...

Самолет тряхнуло, и он провалился в воздушную яму. Через репродуктор объявили, что они пролетают над отрогами Альп.

Луиза вторично обнесла мясом обедающих. Пьер отрицательно покачал головой. Лоран тоже. Они сидели друг против друга, есть ни тому, ни другому не хотелось, а говорить тем более. Глубоко задумавшийся Пьер словно сквозь туман видел своего товарища по несчастью, барахтавшегося в двух шагах от него. Он не жалел его, но и не испытывал к нему ненависти. Все за пределами собственного горя было ему глубоко безразлично. Зазвонил телефон. Оба разом подскочили. Пьер тут же подумал: это — Элен Редан. И страх острым копьем пронзил его сердце. После ужасной сцены разрыва он боялся, как бы эта женщина не возникла снова в его жизни. Что тогда делать — Анны-то ведь нет! Не проявлять признаков жизни. Это — единственная защита. По другую сторону стола Лоран, наоборот, живо выпрямился. Для него звонок был не угрозой, а надеждой. Отъезд Анны два дня тому назад привел его в полное отчаяние. Он не выходил из квартиры в ожидании звонка. Торопливой рукой он снял трубку. Ожившее было лицо сразу погасло.

— Передаю ему трубку, — сказал он.

Пьер в ужасе прошептал:

— Кто это?

— Не знаю, — буркнул Лоран.

Пьер в свою очередь встал. Ноги у него были точно ватные. Он взял трубку и со страхом поднес к уху. В руках его была бомба. Сейчас взорвется. И он, и дом вместе с ним. Но разве он этого не хотел? Услышать голос Элен и — умереть.

— Алло! Это ты, Пьер?

Он чуть не потерял сознание, когда услышал голос Клардье. Тот приглашал его на бридж. Едва держась на ногах от слабости, он пробормотал, что не может — занят, потом сказал, что болен, и запутался в извинениях. Положив на рычаг трубку, он почувствовал огромное облегчение. Жизнь пошла прежним чередом — без смысла и без надежды. Он снова мог отдаться на волю течения, плывя по серой поверхности дней. Он вернулся за стол. Луиза принесла десерт. Неожиданно Лоран сказал:

— Сегодня вечером я перебираюсь в свою комнату на седьмой этаж. К ужину меня не ждите.

— А... а если Анна позвонит? — спросил Пьер.

— Она не позвонит.

— Когда же он перебрался? — спросила Анна.

— Три дня назад, — ответил Пьер. — Он сказал, что хочет жить наверху.

— А он спускается к обеду или к ужину?

— Нет.

Анна положила чемодан на кровать. Пьер протянул ей несколько писем, полученных в ее отсутствие. На одном из конвертов она узнала почерк Марка. Она

вскрыла письмо. Сообщение о свадьбе. Церемония состоялась неделю тому назад в узком кругу близких родственников. Анна разорвала карточку и выбросила клочки в мусорную корзину. Отец смотрел на нее потухшим взглядом. Она упрекнула себя за то, что не поцеловала его с дороги. Но со времени объяснения с Элен Редан она не могла заставить себя коснуться губами этого лица, которое видела искаженным старческой любовью. Она задала еще один вопрос:

— А почему нет Луизы?

— Она попросила отпустить ее на час раньше. У нее племянница заболела...

Анна поджала губы: отец вечно проявляет слабость. Стоит ей уйти из дому, как все переворачивается вверх дном. Она страшно устала после поездки. А тут еще Лорана нет это ее раздражало. Она так надеялась застать его дома, на своем посту!

— Ну, как прошла книжная ярмарка? — спросил Пьер. Его голос звучал как из пропасти, забитой картоном. На неподвижном лице двигался только рот.

— Очень хорошо, — ответила она.

— Погода была хорошая?

— Да.

— Тебе удалось немного побродить?

— Что ты! Столько было всяких дел...

Она сгорала от нетерпения. Уже половина седьмого. Скорее подняться к Лорану, увидеть его. Немедленно. Да, да, нужно быть умнее, не упорствовать, не дуться понапрасну. Пожалуй, следовало позвонить ему из Болоньи...

Она выскочила на лестницу, поднялась на три этажа и натолкнулась на запертую дверь. Раздосадованная, не зная, как быть, она металась по коридору. Куда он девался? Должно быть, уехал в Сент-Уан, к своим приятелям. Она спустилась к себе, сказала отцу, чтобы он не ждал ее к обеду, и умчалась.

Такси доставило ее к заброшенному домику. Казалось, время пошло вспять. Перед ней промелькнули, как в калейдоскопе, образы недавнего прошлого. Однако на этот раз никто не встречал ее у входа.

В большой комнате на первом этаже она увидела тех же парней и тех же девушек. Но Лорана среди них не было. И Фабриция — тоже. Анна подошла к опустившемуся существу неопределенного пола с длинными невымытыми волосами и тусклым взглядом.

— Вы не видели Лорана? — спросила она.

Женское лицо ответило мужским голосом:

— Нет.

— Он не приходил сюда последнее время?

— Я не обратил внимания. Ты не видел Лорана, Режис?

— С тех пор как он работает — нет!

— Да нет же, — вмешалась в разговор какая-то девушка, — он был здесь позавчера! Он забыл что-то в своей комнате. Зашел взять и тут же ушел...

— Вы уверены, что он ушел? — спросила Анна.

— Да, конечно...

— А куда он отправился?

— Вот уж этого я не знаю!.. У вас случайно не найдется десяти франков?

Анна машинально открыла сумку. Она боролась с чувством разочарования, захлестнувшим ее, точно плотная сеть, со всех сторон. Да нет же, через несколько дней она, конечно, получит от Лорана из Экс-ан-Прованса письмо, полное несправедливых упреков и заверений в любви. Она ответит ему, покается, что была резка, попросит прощения и будет умолять вернуться. И он вернется... Девушка взяла деньги, даже не поблагодарив, и вернулась на свой ящик, на котором сидела.

Такси поблизости не оказалось. Анна долго шла пешком до метро. Теперь она уже не спешила.

Пьер, не дождавшись дочери, закрылся у себя в комнате. Она легла, попыталась было читать, но почти тут же, уступая усталости, протянула руку, потушила лампу у изголовья и будто провалилась в колодезь.

Она села в постели, словно разбуженная криком. Но в спальне никого не было и стояла мертвая тишина. Серый свет зари проникал сквозь плохо задернутые занавески. Часы на ночном столике показывали десять минут шестого. Неужели она так долго спала? Она потерла руками лицо. Во рту чувствовалась горечь, руки и ноги затекли. Она с трудом встала с постели, натянула халат и пошла на кухню. Во дворе щебетали ранние птицы. Анна открыла кран, налила стакан воды и выпила. Но жажда не проходила. Она выпила еще стакан. Залпом. Как Лоран.

Лоран! Вдруг все поплыло. Она бросилась на черную лестницу. Стремительно взлетела по ступеням. Запыхавшись, вбежала в серый коридор. Комната номер 11. Она постучала. Молчание. Но он там. Она это знала, она это чувствовала. Почему у нее нет второго ключа? Она позвала:

— Лоран! Лоран! Открой мне!

Она подергала ручку двери. Напрасно. Дверь была тонкая, плохо пригнанная. Анна нажала на нее плечом. Изо всех сил. Замок с треском вылетел, посыпались щепки. Дверь открылась. И, увлекаемая силой инерции, Анна влетела в комнату.

Лоран лежал на постели одетый, руки его были прижаты к телу, лицо задрано к потолку. Глаза были закрыты, рот раскрыт. Казалось, он спал. Не веря глазам своим, терзаемая страхом, Анна шагнула к нему, склонилась, потрогала, схватила за плечи. В руках ее была статуя. Она почувствовала ладонями сквозь шерстяной свитер застывшее тело. Несказанный ужас захлестнул ее. В легких не хватало воздуха. Изо рта вырвался дикий крик:

— Нет, Лоран, нет!

А недоверчивые пальцы уже метнулись к лицу, такому спокойному, такому прекрасному, дотронулись до скул и ощутили ледяную неподвижность. Глыба мрамора. Срубленное дерево. Манекен, почему-то облаченный в одежду Лорана, с его волосами и чуть намеченной бородой. Кто-то зло подшутил над нею! Но зачем?

Пронзенная болью, Анна опустилась на пол у кровати. Она хотела взять руку Лорана. Но ее невозможно было сдвинуть. Жизнь покинула его, и он лишь ждал, когда его положат в гроб, а затем — в землю. Анна перестала что-либо соображать. С сухими глазами, прижавшись щекой к шершавому краю матраца, она застыла, не очень понимая, где находится, кто она, чего ей ждать. Внезапно она заметила, что свет в комнате изменился. Сколько же времени она пробыла здесь — несколько минут или несколько часов? На неровном полу валялись две пустые трубочки от снотворного, опрокинутый стакан и лист бумаги, исписанный почерком Лорана. Машинально она взяла бумагу и поднесла к глазам. Перед ней запрыгали нелепые в своем безумии фразы:

«Анна, жизнь моя, я любил тебя как ненормальный... Я готов был уничтожить весь

мир, чтобы остаться с тобой вдвоем, но мир уничтожил меня... Я не хочу быть для тебя кандалами, как ты выразилась... Я не создан для этого мира, в котором ты чувствуешь себя так хорошо... Прости меня, Анна... Прощай...»

Слезы застлали глаза Анны. Она уронила листок на пол. Солнечный луч упал на пыльное окно мансарды. А Лоран был мертв. Уже три дня как мертв. Нет, он умер в тот день, когда столкнулся с ней. Она всегда знала, что их любовь так кончится. Он предупреждал ее об этом сотни раз. Она ему не верила. Сидя на корточках, она почувствовала сладковатый запах тления. Мертвец вовлек ее в свой мир холода и молчания. Она вступала с ним в вечность.

В коридоре послышались шаги. Она доползла до двери, оставшейся полуоткрытой, протянула руку и захлопнула ее.

— Да кушай же, папа!

Он качнул рукой над полной тарелкой в знак отказа. Анна приготовила ему макароны, запеченные с сыром, которые обычно он ел с удовольствием. Она просто не знала, что придумать, чтобы пробудить в нем аппетит и вывести из сонного состояния. За три месяца он постарел на пятнадцать лет. Шея стала тощей, волосы совсем побелели, брился он теперь неохотно, и ей приходилось ссориться с ним, чтобы он принял ванну. За весь день из него едва удавалось вытянуть два-три слова, а когда он открывал газету, ей казалось, что он не столько читает, сколько хочет спрятаться за страницами. Обеспокоенная, она вызвала доктора Морэна. Он обещал зайти к семи часам вечера. Но вот уже пробило половину девятого, а он все не появлялся, и она решила сесть за стол, не дожидаясь его. Пьер поднес бокал с вином ко рту. Розоватая струйка потекла по подбородку. Теперь у него такое бывало. Анна хотела сделать ему выговор, но сдержалась.

— Папа, — сказала она только, — поаккуратнее!

Он поставил бокал и вытер рот салфеткой. Раздался звонок. Анна поспешила к дверям. Доктор Морэн. Она быстро объяснила ему шепотом в прихожей, что обеспокоена апатией и потерей аппетита у отца. Врач выслушал ее внимательно, затем с веселым видом вошел в столовую, где его пациент безучастно сидел над полной тарелкой. Анна проводила их в спальню, а сама села на стул в гостиной и, выпрямившись, стала ждать. Она очень устала за день работы в Пантене. Все приходилось делать через силу. Ее не радовали даже новые обязанности в отделе рекламы. Она была недовольна своей секретаршей — ставленницей мадемуазель Бурьез. Все, чем она занималась, казалось ей сейчас никому не нужным. Ураган пронесся, и воцарилось мертвое спокойствие. Все стало ей безразлично. Работоспособность упала, чутье притупилось. Жизнь текла без всяких перемен. Из участницы она превратилась в зрительницу. Извещенные телеграммой родители Лорана приехали в Париж и увезли с собой в Экс-ан-Прованс гроб в огромном похоронном фургоне. А затем все вошло в обычную колею. Внезапно Анна . подумала о матери. Была ли она права, сделав ей тот укол? Сколько бы еще прожила Мили без ее вмешательства? Спинка стула вдавилась ей в спину. Она напряженно вглядывалась в пустоту, пока не почувствовала рези в глазах.

Доктор Морэн вышел из спальни. Анна поднялась и направилась к нему.

— Что скажете, доктор?

Занятая собственными мыслями, она лишь смутно слышала его: депрессивный синдром, потеря интереса к духовной жизни. Врач рекомендовал лекарства, стимулирующие обмен веществ и поднимающие настроение. Пациент требует постоянного наблюдения. Возможно, следовало бы переменить обстановку.

— Не перенес ли он в последнее время какого-нибудь потрясения? — спросил врач.

— Нет, — ответила Анна. — Ничего с тех пор, как умерла моя мать.

Примечания

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

1

Здесь Труайя ошибся: Хью - имя пастора Эванса; виндзорского же горожанина, произносящего монолог во II акте, зовут Фрэнк Форд

2

Соль и дорада - морские рыбы, широко употребляемые французами в пищу

3

"Париж во время любопытного месяца июля 1815 г." (англ.)

4

Дома (исп.)

5

Тальма, Франсуа-Жозеф (1763-1826) - французский трагик, любимец Наполеона

6

Давид, Жак-Луи (1748-1825) - известный французский художник

7

Мерсье, Себастьян (1740-1814) - французский писатель, театровед

8

Леонтр, Теодор (1857-1935) - французский историк

9

Пастис - анисовый ликер крепостью 40-45 градусов

Комментарии